ISSN 2542-2197

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1
выпуск (869)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

ISSN 2542-2197

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

1 Issue (869)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1 (869)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК — **доктор филологических наук, профессор**

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко — **кандидат филологических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1(869)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
GALINA G. BONDARCHUK — **Doctor of Philology, Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO — **PhD in Philology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Особенности функционирования фразеологических единиц с семантическим компонентом «учение / learning» в английском языке
АЙКИНА Т. Ю., СЫСКИНА А. А., ЩЕГОЛИХИНА Ю. В. 9

Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи)
БЕЗБОРОДОВА М. В. 17

Сопоставление словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка в связи с социоисторическим контекстом формирования
БОРЗЫХ А. А. 25

Просодический ритм и гендерная дифференциация (на материале австралийского варианта английского языка)
БУРАЯ Е. А. 32

Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса)
ГЕНДЕЛЕВ И. Д., ЦИБУЛЯ Н. Б. 41

Модели взаимодействия собеседников по высотно-диапазональному параметру в дружеской беседе
ГОРБЫЛЕВА А. В., ШЕВЧЕНКО Т. И. 48

Произносительный акцент как показатель политических компетенций?
ГРИШИНА Л. В. 55

Формирование индивидуально-авторского концепта в художественном произведении (на примере текста романа Грэма Свифта «Waterland»)
ЗЕМЛЯКОВА К. В. 62

Восприятие русскоязычными англофонами австралийской орфоэпической нормы
КУЛИКОВА К. С. 69

Сравнительный анализ использования жестов-адаптеров в синхронном переводе
ЛЕОНТЬЕВА А. В. 76

Прагматическое значение немецкой жестовой фразеологии (на примере вариантов кинеграммы «Hut ab!»)
МАНЁРОВА К. В. 82

Кодирование рекламного дискурса с лингвистического ракурса
МИНДИАХМЕТОВА Р. М. 91

Роль музыкального слуха в развитии просодии изучаемого языка
ПОПОВА М. В. 100

СОДЕРЖАНИЕ

Фонологические особенности консонантной системы в швейцарском варианте немецкого языка
СОКОЛОВА Г. А. 108

Паузы как сигналы распределения ролей в полилоге
СОКОРЕВА Т. В. 114

Голос индивидуальности в просодическом описании: вариативный, неповторимый и узнаваемый
ЧУЕШКОВА А. В., ШЕВЧЕНКО Т. И. 120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современные подходы к типологии способов циклизации в рок-поэзии
БЕЛЯЕВА Н. П. 126

«На китайской ширме» У. С. Моэма – галерея национальных характеров
БУЛАШОВА Н. М. 134

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Homo Affectus как антропологический проект экранной культуры
КОВАЛЕВА С. В., ГРИГОРЬЕВ С. Л. 141

Китай в восприятии Н. Ф. Федорова
ОСЬМИНИНА Е. А. 148

LINGUISTICS

Features of the Functioning of Phraseological Units
with the Semantic Component "Learning" in the English Language
AIKINA T. YU., SYSKINA A. A., SHCHEGOLIKHINA YU. V. 9

Revisiting the System of British English Consonants (in the youth speech)
BEZBORODOVA M. V. 17

Comparative Study of Word Stress in Australian
and New Zealand English in the Socio-Historical Context of Formation
BORZYKH A. A. 25

Prosodic Rhythm and Gender Differentiation (on the material of Australian English)
BURAYA E. A. 32

Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Communication
(based on British and American cross-cultural discourse)
GENDELEV I. D., TSIBULYA N. B. 41

Friendly Talk-in-Interaction Models Based on Pitch and Pitch Range Parameters
GORBYLEVA A. V., SHEVCHENKO T. I. 48

Pronunciation Accent as a Signal of Political Skill?
GRISHINA L. V. 55

Formation of an Individual Author's Concept in Fiction
(based on the novel "Waterland" by Graham Swift)
ZEMLYAKOVA K. V. 62

Perception of Australian Orthoepic Norm by Russian Anglophones
KULIKOVA X. S. 69

The Comparative Analysis of Adapters in Simultaneous Interpreting
LEONTEVA A. V. 76

Pragmatic Meaning of German Gesture Phraseology
(on the example of variants of the kinegram «Hut ab!»)
MANEROVA K. V. 82

Encoding Advertising Discourse from Linguistic Positions
MINDIAKHMETOVA R. M. 91

The Role of Musical Ear in Developing L2 Prosodic Phonology
POPOVA M. V. 100

Phonological Features in the Consonant System in the Swiss Variant of the German Language
SOKOLOVA G. A. 108

CONTENTS

Pauses as Role Distribution Signals in a Polylogue
SOKOREVA T. V. 114

Individual Voice in Prosodic Description: Variable, Unique and Identifiable
CHUESHKOVA A. V., SHEVCHENKO T. I. 120

LITERARY STUDIES

Modern Approaches to the Typology of Cyclization Methods in Rock Poetry
BELYAEVA N. P. 126

W. S. Maugham's "On a Chinese Screen" – the Gallery of National Characters
BULASHOVA N. M. 134

CULTUROLOGY

Homo Affectus as an Anthropological Project Screen Culture
KOVALEVA S. V., GRIGORYEV S. L. 141

China in the Perception of N. F. Fedorov
OSMININA E. A. 148

Научная статья
УДК 811.111’371
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_9

Особенности функционирования фразеологических единиц с семантическим компонентом «учение / learning» в английском языке

Т. Ю. Айкина[1], **А. А. Сыскина**[2], **Ю. В. Щеголихина**[3]

[1,2,3]*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*
[1]*aikina@tpu.ru,* [2]*saa@tpu.ru,* [3]*julia_tcheg@tpu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена репрезентации концепта «учение» в английском языке. Исследованы способы вербализации когнитивных составляющих концепта, выявлены характерные признаки языковых единиц, устойчиво воспринимаемых сквозь призму национального мировосприятия в англоязычной лингвокультуре. С помощью корпусного анализа изучены особенности функционирования фразеологических единиц с семантическим компонентом «учение / learning» в аутентичных текстах и реальных ситуациях общения, продемонстрированы частотность и контекстность их употребления, а также наличие зафиксированных трансформаций.

Ключевые слова: английский язык, лингвокультурология, национально-культурная специфика, фразеологическая единица, корпусная лингвистика

Благодарности: Работа выполнена в рамках программы развития ТПУ.

Для цитирования: Айкина Т. Ю., Сыскина А. А., Щеголихина Ю. В. Особенности функционирования фразеологических единиц с семантическим компонентом «учение / learning» в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 9–16. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_9

Original article

Features of the Functioning of Phraseological Units with the Semantic Component “Learning” in the English Language

Tatiana Yu. Aikina[1], **Anna A. Syskina**[2], **Yulia V. Shchegolikhina**[3]

[1,2,3]*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia*
[1]*aikina@tpu.ru,* [2]*saa@tpu.ru,* [3]*julia_tcheg@tpu.ru*

Abstract. The article is devoted to the representation of the concept “learning” in the English language. The ways to verbalize the concept cognitive components have been explored. The features of language units have been revealed through the prism of national mentality in the English-speaking linguoculture. The peculiarities of the functioning of phraseological units with the semantic component “learning” in authentic texts and everyday communication have been studied with the help of corpus analysis. The frequency and context of their use, as well as the presence of recorded transformations, have been demonstrated.

Keywords: the English language, linguoculturology, cultural identity, phraseological unit, corpus linguistics

Acknowledgements: The research was supported by TPU development program.

For citation: Aikina, T. Yu., Syskina, A. A., Shchegolikhina, Yu. V. (2023). Features of the functioning of phraseological units with the semantic component “Learning” in the English language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 9–16. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_9

ВВЕДЕНИЕ

Значимость исследования формирования картины мира у представителей разных культур диктуется необходимостью межкультурной коммуникации, возросшей в условиях современной глобализации. Системное освоение фразеологизмов входит в программы обучения английскому языку, поскольку фразеологический фонд отражает особенности культуры и мировидения англоязычной лингвокультурной общности, именно он является материалом для формирования и развития лингвокультурологических компетенций обучающихся. В процессе изучения английского языка фразеологизмы представляют трудность в освоении, однако понимание и разумное использование фразеологических единиц (ФЕ) в речи делают ее более выразительной, повышают речевую готовность, а при чтении и переводе аутентичных текстов помогают избежать русицизмов. В то же время перед преподавателем и обучающимся встают актуальные вопросы о том, насколько употребимы те или иные ФЕ, в каких контекстах они встречаются, каким образом трансформируются в авторских текстах, имеют ли эквиваленты в родном языке. Постановка и решение данных вопросов способствует эффективной межкультурной коммуникации.

СВЯЗЬ С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Концепт **«**учение**»** является предметом исследования для многих ученых на материале различных языков. В частности, работа С. А. Питиной посвящена особенностям репрезентации концепта «учитель» в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах [Питина, 2019]. Автор О. А. Арнаутова выявила классификационные и дифференциальные признаки концепта «учение» на материале пословиц и поговорок об учителе, учении, ученике, которые занимают значительный пласт пословичного корпуса русского языка [Арнаутова, 2012]. Изучению концепта «образование» в англоязычной лингвокультуре посвящена диссертационная работа Егоровой В. В. [Егорова, 2018]. К этому же концепту в российской и британской картинах мира обращается автор диссертационного исследования М. А. Баум [Баум, 2016]. Научное исследование Е. Н. Заречневой представляет когнитивно-дискурсивный анализ концепта «учитель» [Заречнева, 2009]. Автор Е. Г. Кабаченко с помощью ассоциативного эксперимента предприняла попытку выявить восприятие российскими педагогами понятий «ученик» и «учитель» как базисных концептов педагогического дискурса [Кабаченко, 2009]. В своей диссертации она также исследовала особенности метафорического представления концептов «знание», «образование», «оценка», «урок», «ученик», «учитель», «школа» в педагогическом сознании [Кабаченко, 2007]. Исследователь Орлова Т. Г. провела структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую доминанту «учение, знание, мудрость» [Орлова, 2018]. М. В. Андросова и Л. М. Осиновская использовали фреймо-слотовый анализ с целью установления характеристик для концепта «учение» в английской и русской концептосферах [Андросова, Осиновская, 2012]. С позиции сопоставительной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики ученые проводят анализ концептов «учитель» и «учение» и в других языках. Так, например, автор К. Цзынь в своей работе проанализировал способы вербализации концепта «учение» в русских и китайских паремиях [Цзынь, 2015]. К немецким, английским и русским паремиям обращается исследователь З. Т. Таджибова, она отмечает разное отношение носителей лингвокультур к способам получения знаний, трудностям на пути учащихся [Таджибова, 2020]. Необходимо отметить, что содержание концептов как единиц языковой картины мира национально специфично, поэтому их изучение дает возможность не просто представить элементы действительности, а проследить динамику познания мира и формирования языковой картины мира.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом данного исследования являются фразеологизмы английского языка, выражающие концепт «учение» как с прямым, так и с опосредованным способами вербализации смысла. В исследовании мы придерживаемся широкого понимания фразеологических единиц как «всех устойчивых сочетаний слов с осложненным значением» [Кунин, 2005, с. 54]. Описательный и сопоставительный методы применялись для представления отобранного материала. Метод корпусного анализа использовался для исследования фразеологических единиц английского языка с компонентом *learn* с семантической и количественно-статистической точек зрения, т. е. для того, чтобы проследить особенности их функционирования в аутентичных текстах и реальных ситуациях общения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Способы вербализации концепта «учение» в английском языке отражают отношение представителей англоязычной культуры к познавательной деятельности. Национальное понимание учебного процесса в англоязычной культуре раскрывается через фразеологизмы, содержащие лексемы *learn*, *know*, *study*, *drill*, *train*, *teach* и др. Они наглядно демонстрируют, что данному концепту присуща богатая ассоциативная насыщенность; в разнообразных семантических блоках актуализируются отношение носителей англоязычной культуры к обучению. Так, в английских фразеологических единицах концепт «учение» вербализируется в качестве значимой полезной деятельности:

Learning is the eye of the mind.
Learning makes people wise.
Knowledge is power.

Ср. *рус.*:

Ученье лучше богатства.
Учиться – всегда пригодится.
Ученье – свет, а неученье – тьма.
Знание – сила.

В контексте следующих фразеологизмов в английской картине мира учение выступает как процесс, требующий усилий для преодоления трудностей:

There is no royal road to learning.
Do / learn something the hard way.
From the school of hard knocks.
Hit the books. Grind away at one's studies.
The harder the training, the easier the mission.
A hard drill makes an easy battle.
Train hard, fight easy.

Ср. *рус.*:

Без муки нет и науки.
Без терпенья нет ученья.
Корень учения горек, да плод его сладок.
Засесть за книги.
Грызть гранит науки.
Тяжело в учении – легко в бою.

Как мы видим из приведенных примеров, в англоязычной культуре учение тесно связано с коннотациями «тренировка» (оттачивание навыка), «трудность», «путь», «сражение». Идея пути (процесса) познания («royal road», «hard way») лексически ярко выражена в английских идиомах. Русские лексемы «корень» и «плод» связаны с восприятием обучения как результата роста.

Возраст учащегося имеет большое значение в английской лингвокультуре и находит свое отражение во множестве фразеологических выражений. Таким образом, значимость обучения неразрывно связана с представлениями о возрасте человека:

What is learned in the cradle is carried to the tomb.
We must learn to walk before we can run.
Don't run before you can walk.
At your mother's knee.
You are never too old to learn.
Live and learn.

Ср. *рус.*:

Чему научишься в молодости, то знаешь и в старости.
Чему Ваня не научился, того Иван не выучит.
Учи, пока поперек лавки ложится, а как во всю вытянется, не научишь.
Впитать с молоком матери.
Учиться никогда не поздно.
Не учись до старости, а учись до смерти.
Век живи – век учись.

Ключевая роль практических навыков и опыта применения знаний отражается в следующих паремиях:

Experience is the best teacher.
Practice makes perfect.
In doing we learn.
Teaching others teaches yourself.
Train as you fight.
You can lead a horse to water but you can't make him drink.

Ср. *рус.*:

Опыт – лучший учитель.
Дело мастера боится.
Работая, мы учимся.
Учи других, и сам поймешь.

В языковой семантике английского языка отражены сложившиеся традиции учения, способы передачи знаний, а именно: повторение, демонстрация навыков, практический опыт, передача знаний от учителя ученику, освоение базовых навыков, заучивание наизусть, и т. д.:

Repetition is the mother of learning.
Teach sense.

Like teacher, like pupil.
The University of life.
Learn (one's) lesson.
Do as I say, not as I do.
Learn (something) off pat.
Learn (something) down cold.
Learn the ropes.
Soon learnt, soon forgotten.

Ср. *рус.*:

Повторение – мать учения.
Учи показом, а не рассказом.
Учить уму-разуму.
Каков учитель, таков и ученик.
Школа жизни.
Учиться методом проб и ошибок.
Учиться на собственных (чужих) ошибках.
Выучить назубок.
Освоить азы.
Учись доброму, так худое на ум не пойдет.
От умного научишься, от глупого разучишься.

Существует также категория пословиц, в которых отражается отсутствие необходимости учить человека тому, чем он уже владеет в достаточной степени. Метафорические сравнения с представителями животного мира присущи в этом контексте обеим лингвокультурам. Образ знающего, мудрого в силу возраста человека, не нуждающегося в наставлениях, отражен и в русских, и английских пословицах:

Don't teach your grandmother to suck eggs.
You can't teach an old dog new tricks.
Old foxes want no tutors.

Ср. *рус.*:

Ученого учить – только портить.
Яйца курицу не учат.
Не учи рыбу плавать.

Понятие «невежество» в английском менталитете сопряжено с коннотацией «опасность»: *A little learning is dangerous; Better untaught than ill-taught*; в русском «стыд»: *Не стыдно не знать, стыдно не учиться*; *Полузнание хуже незнания*. В ряде пословиц вербализуется преимущество знающего (обученного) человека перед незнающим, причем в английском этнокультурном сознании такое преимущество сопряжено с победой (*Who learns wins*), в то время как в русском – с ассоциативным рядом «дорога», «путь», «вести за собой»: *Ученый водит, неученый следом ходит. Ученому везде дорога.*

Таким образом, мы видим, что в англоязычной культуре обучение расценивается как деятельность, помогающая добиться успеха в социуме; в языковой системе отражено важнейшее значение практических навыков, трудность, но необходимость их своевременного приобретения; непрерывность образования в течение жизни.

Инструментарий корпусной лингвистики позволяет выявить и существенно расширить лексический фонд устойчивых словосочетаний разного типа и особенности их бытования. Анализ на базе корпусов текстов помогает раскрыть контекстное употребление тех или иных слов, частотную сочетаемость их с другими словами, определить их семантику. Корпус современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, COCA) — наиболее широко используемый корпус английского языка, содержащий более одного миллиарда слов текста (более 25 млн слов каждый год с 1990 по 2019 год). Он представляет собой коллекцию текстов, жанровое разнообразие которой включает в себя устную речь, художественную литературу, популярные журналы, газеты, академические тексты, а также (с обновлением в марте 2020 года) телевизионные передачи и фильмы, субтитры, блоги и другие веб-страницы. Проводимый компьютером анализ фразеологизмов позволяет раскрыть особенности сочетаемости идиом, уточнить их возможные грамматические формы. Особенностям корпусного исследования английских идиом посвящены недавние публикации [Комарова, Коган, 2019; Rafatbakhsh, Ahmadi, 2020; Simatupang et al., 2020; Shilnov et al., 2020; Дмитриев, Коган, Вдовина, 2020].

Мы обратились к корпусу COCA с целью выявить частоту вхождений фразеологических единиц с репрезентативным компонентом *learn,* а также исследовать особенности их функционирования в аутентичных текстах и реальных ситуациях общения. В таблице 1 приведены фразеологизмы с лексемой *learn* в порядке убывания частотности их употребления, а также примеры контекстов из корпуса COCA. Формы запросов, отраженные в таблице 2, позволили установить частотность вхождения представленных ФЕ с различными структурными трансформациями: изменением формы глагола, заменой артикля, притяжательного местоимения, указательного местоимения, числа существительного, расширение прилагательным. Например, количественный показатель использования фразеологизма *learn one's lesson* при запросе LEARN * lesson* в корпусе учитывает следующие его грамматические изменения:

Таблица 1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЛЕКСЕМУ **LEARN**, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В КОРПУСЕ COCA

№	Фразеологическая единица	Кол-во контекстов	Пример употребления
1	Learn a lesson	3523	Maybe the country will *learn a lesson* about checking someone out before electing them President.
2	Learn from one's mistakes	1061	So, let's *learn from our mistakes* and try not to repeat them.
3	Learn the hard way	809	Some of us have to *learn the hard way*, but believe it or not, you did good work today.
4	Live and learn	307	But even a genius could *live and learn*.
5	Learn the ropes	266	…a chance to *learn the ropes* of running a business…
6	Learn as you go	189	Your 20s will be full of failures – let them happen and *learn as you go*.
7	Learn first-hand	71	By sharing their stories, our young runners will *learn first-hand* that big dreams can come true with hard work, passion and determination.
8	Learn by heart	56	We did not want children to *learn by heart* (like a nursery rhyme) without understanding.
9	Learn by rote	43	Music is historically *learned by rote*.
10	Learn the tricks of the trade	27	…they've *learned the tricks of the trade* to the point that they take them for granted.
11	Never too old to learn	17	You are *never too old to learn* things. People always put themselves down and that should not happen.

Таблица 2

ВИДЫ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ В КОРПУСЕ COCA

№	Фразеологическая единица	Форма запроса
1	Learn (one's) lesson(s)	LEARN * lesson*
2	Learn from one's mistakes	LEARN from * mistakes
3	Learn the hard way	Learn* the hard way
4	Live and learn	liv* and learn*
5	Learn the ropes	LEARN the ropes
6	Learn as you go	LEARN as * GO
7	Learn first-hand	LEARN first hand, LEARN first-hand
8	Learn by heart	Learn* by heart
9	Learn by rote	Learn* by rote
10	Learn (all) the tricks of the trade	LEARN * tricks of the trade
11	Never too old to learn	Never too old to learn

- learn a / another / every / one / no lesson,
- learn the lesson(s),
- learn some / many / any / several / two / countless lessons,
- learn (in)valuable / important / hard / powerful / new / different / crucial / key / useful / deep / brave / wise lessons,
- learn(ed/ing/s) my / your / his / her / its / our / their lesson,
- learn this / that lesson.

Результаты запросов в лингвистическом корпусе COCA показали, что наиболее распространенным из представленных является фразеологизм *learn a lesson*, который является актуальным и на сегодняшний день. Достаточно широкое применение находят такие ФЕ, как *learn from one's mistakes* и *learn the hard way*. Менее употребительными, но актуальными также являются следующие ФЕ: *live and learn, learn the ropes, learn as you go*. Реже используемые ФЕ – *learn first-hand, learn by heart, learn by rote, learn* (*all*) *the tricks of the trade, never too old to learn*. Также удалось установить, что ряд фразеологизмов с тем же компонентом не представлен в корпусе (*learn something off pat*, *learning is the eye of the mind, learn down cold*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение способов вербализации английских фразеологических единиц с семантическим компонентом «учение / learning» позволяет сделать выводы о его тесной связи с понятиями мудрости, силы, трудного пути, практики, опыта, успеха. Рассмотренные контексты употребления фразеологизмов с компонентом *learn* в английском языке в корпусе COCA демонстрируют соответствие тех же характерных признаков концепта «учение» в их составе. Выявленная частотность употребления фразеологизмов с лексемой *learn* показывает степень актуальности тех или иных ФЕ для изучения и употребления в устной и письменной речи. Данные, полученные в результате исследования, могут иметь практическое значение для лингвистов, преподавателей английского языка, студентов, переводчиков, составителей учебников и учебных пособий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Питина С. А. Реализация концепта *учитель* в английском и русском языках // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2019. Вып. 10 (432). С. 118–123.
2. Арнаутова О. А. Категоризация концепта «учение» в русском языковом сознании // Известия ЮФУ, Ростов-на-Дону, 2012. Вып. 10. С. 8–15.
3. Егорова В. В. Языковая репрезентация концепта «образование» в англоязычной лингвокультуре (на материале английского массмедийного дискурса XXI в.): дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2018.
4. Баум М. А. Концептосфера «образование» в российской и британской картинах мира: стереотипы и метафоры: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.
5. Заречнева Е. Н. Социокультурный концепт «учитель»: когнитивно-дискурсивное исследование: дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2009.
6. Кабаченко Е. Г. Концепт «учитель» и «ученик» в сознании современных педагогов (образный компонент) // Лингвокультурология. Екатеринбург, 2009. Вып. 3. С. 83–91.
7. Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
8. Орлова Т. Г. Сопоставительный структурно-семантический анализ английских и русских пословиц, выражающих морально-этическую смысловую доминанту «учение, знание, мудрость» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 1 0(2–2). С. 148–156.
9. Андросова М. В., Осиновская Л. М. Актуализация концепта «учение / learning» в русских и английских пословицах // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: сборник материалов VI научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 13–19.
10. Цзынь К. Вербализация концепта «учение» в русских и китайских паремиях // Филология и культура. 2015. Вып. 3(41). С. 89–93.
11. Таджибова З. Т. Реализация концепта «учение, знание» в языковой картине мира (на материале русских, английских и немецких паремий) // Вестник АГУ. 2020. Вып. 4(267). С.103–108.
12. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна, Феникс, 2005.
13. Комарова И. А., Коган М. С. Исследование английской фразеологии с помощью подходов корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Санкт-Петербург, 2019. Вып. 3. С. 40–43.

14. Rafatbakhsh E., Ahmadi A. The Most Frequent Idioms Used in Contemporary American English: A Corpus-based Study. Applied research of English. Language, 2020, 9(2), P. 205–228. URL: https: /are.ui.ac.ir/article_24238.html
15. Simatupang E. CM [et al.]. The meaning of idiom "Eye(s)" in the Corpus of Contemporary American English: Semantic Study / Simatupang E. CM, Muharam A. F., Basyaib F., Nagara A. P., Harjadipura M. E. // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology, 2020. Vol. 17(10). P. 1331–1339.
16. Shilnov A. G. [et al.]. A comparative evaluation of idioms in Russian-authored English language textbooks and idioms extracted from current authentic sources // Shilnov A. G., Miller J., Mitchell P. J., Smokotin V. M. // Язык и культура. 2020. № 49. С. 157–174. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000709498
17. Дмитриев А. В., Коган М. С., Вдовина Е. К. Теоретико-прикладное значение корпусов в компьютерной лингводидактике // Litera. 2020. № 1. С. 200–216. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32219

REFERENCES

1. Pitina, S. A. (2019). Realizatsiya kontsepta Uchitel' v angliiskom i russkom yazykakh = Realization of the concept teacher in English and Russian. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki, 10(432), 118–123. (In Russ.)
2. Arnautova, O. A. (2012). The categorization of the concept "uchenie" in the Russian language consciousness. Izvestija JuFU, Rostov-na-Donu, 10, 8–15. (In Russ.)
3. Egorova, V. V. (2018). Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta "obrazovanie" v angloyazychnoi lingvokul'ture (na materiale angliiskogo massmediinogo diskursa XXI v.) = Linguistic representation of the concept "education" in English-language linguoculture (based on the material of the English mass media discourse of the 21st century): PhD in Philology. Krasnodar. (In Russ.)
4. Baum, M. A. (2016). Kontseptosfera "obrazovanie" v rossiiskoi i britanskoi kartinakh mira: stereotipy i metafory = Conceptsphere "education" in Russian and British pictures of the world: stereotypes and metaphors: PhD in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)
5. Zarechneva, E. N. (2009). Sotsiokul'turnyi kontsept "uchitel'": kognitivno-diskursivnoe issledovanie = Socio-cultural concept "teacher": cognitive discourse study: PhD in Philology. Barnaul. (In Russ.)
6. Kabachenko, E. G. (2009). Concepts "teacher" and "pupil" in the minds of present-day teachers (figurative component). Lingvokul'turologiya, 3. Yekaterinburg. 83–91. (In Russ.)
7. Kabachenko, E. G. (2007). Metaforicheskoe modelirovanie bazisnykh kontseptov pedagogicheskogo diskursa = Metaphoric modelling of basic concepts in pedagogical discourse. PhD in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)
8. Orlova, T. G. (2018). Comparative structural-semantic analysis of English and Russian proverbs expressing the moral-ethic sense dominant "studying, knowledge, wisdom". Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 10(2–2), 148–156. (In Russ.)
9. Androsova, M. V., Osinovskaya, L. M. (2012). Aktualizatsiya kontsepta "uchenie / learning" v russkikh i angliiskikh poslovitsakh = Actualization of the concept "learning" in Russian and English proverbs. Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym jazykam: sbornik materialov VI nauchno-prakticheskoj konferencii, Yekaterinburg. (In Russ.)
10. Jin, K. (2015). Verbalizatsiya kontsepta "uchenie" v russkikh i kitaiskikh paremiyakh = Verbalization of the concept "learning" in Russian and Chinese paroemias. Filologija i kul'tura. 3(41), 89 – 93. (In Russ.)
11. Tadzhibova, Z. T. (2020). Realizatsiya kontsepta "uchenie, znanie" v yazykovoi kartine mira (na materiale russkikh, angliiskikh i nemetskikh paremii) = Implementation of the concept "learning, knowledge" in linguistic world view (based on Russian, English and German paroemias). Vestnik AGU, 4(267). 103–108. (In Russ.)
12. Kunin, A. V. (2005). Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka = A course on modern English phraseology. Dubna, Phoenix. (In Russ.)
13. Komarova, I. A., Kogan, M. S. (2019). Exploring English Phraseology with Corpus Linguistics Methods. Komp'juternaja lingvistika i vychislitel'nye ontologii, 3, 40–43. St. Petersburg. (In Russ.)
14. Rafatbakhsh, E., & Ahmadi, A. (2020). The Most Frequent Idioms Used in Contemporary American English: A Corpus-based Study. Applied research of English Language, 9(2), 205–228. https://are.ui.ac.ir/article_24238.html
15. Simatupang, E. CM, Muharam, A. F., Basyaib, F., Nagara, A. P., Harjadipura, M. E. (2020). The Meaning of Idiom "Eye(s)" in the Corpus of Contemporary American English: Semantic Study. Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology, 17(10), 1331–1339.

16. Shilnov, A. G., Miller, J., Mitchell, P. J., Smokotin, V. M. (2020). A comparative evaluation of idioms in Russian-authored English language textbooks and idioms extracted from current authentic sources. Language and Culture, 49. 157–174. http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000709498
17. Dmitriev, A. V., Kogan, M. S., Vdovina, E. K. (2020). Theoretical-applied significance of corpora in computer linguadidactics. Litera, 1, 200–216. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32219

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айкина Татьяна Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков
Национального исследовательского Томского политехнического университета

Сыскина Анна Александровна
кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков
Национального исследовательского Томского политехнического университета

Щеголихина Юлия Викторовна
кандидат филологических наук, доцент отделения иностранных языков
Национального исследовательского Томского политехнического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aikina Tatiana Yurievna
PhD (Philology), Associate Professor, Division for Foreign Languages,
National Research Tomsk Polytechnic University

Syskina Anna Aleksandrovna
PhD (Philology), Associate Professor, Division for Foreign Languages,
National Research Tomsk Polytechnic University

Shchegolikhina Yulia Viktorovna
PhD (Philology), Associate Professor, Division for Foreign Languages,
National Research Tomsk Polytechnic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_17

Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи)

М. В. Безбородова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mvb87@rambler.ru

Аннотация. Данная статья содержит анализ фонетических исследований современной системы согласных британского варианта английского языка на примере речи молодежи. Рассматриваемая возрастная группа оказывает влияние на фонетическую систему языка. Проведенный перцептивный анализ «стигматизированных» вариантов реализации согласного звука /t/ в речи современных образованных британцев позволяет прийти к выводу, что система английских согласных подвергается некоторым изменениям.

Ключевые слова: система согласных звуков, британский вариант английского языка, молодежная речь, английский язык, гортанная смычка, альвеолярный удар, перцептивный анализ, спонтанная речь

Для цитирования: Безбородова М. В. Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 17–24. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_17

Original article

Revisiting the System of British English Consonants (in the youth speech)

Maria V. Bezborodova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mvb87@rambler.ru

Abstract. The given article represents an overview of phonetic works on current changes and tendencies in the system of British English consonants with special reference to the youth speech. The age group under study has a great impact on the pronunciation system in general. The analysis of the findings indicates that the system of consonants is prone to a certain degree of variation especially in the speech of men.

Keywords: the system of consonants, British English, youth speech, English language, glottal stop, alveolar tap, auditory analysis, spontaneous speech

For citation: Bezborodova, M. V. (2023). Revisiting the System of British English Consonants (in the youth speech). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 17–24. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_17

ВВЕДЕНИЕ

В английском языке система согласных звуков является более устойчивой к лингвистическим изменениям, нежели система гласных. За последние десятилетия система консонантизма в определенной степени подверглась некоторой трансформации под влиянием не только региональных или нестандартных акцентов и диалектов, но и молодежной речи. В данной статье анализируется речь молодых носителей стандартного британского варианта английского языка (RP).

По научному убеждению многих фонетистов, речь молодежи всегда отличалась от речи взрослых носителей языка. Считается, что те тенденции, которые последовательно и закономерно распространяются в языке, сохраняются в речи молодого поколения и в последующие периоды его жизни. Молодые люди не только обнаруживают свое собственное восприятие определенных принятых норм общества, но также преобразуют устоявшиеся принципы употребления произносительных форм [Eckert, 2005; Cruttenden, 2008].

Например, в конце XX века английским фонетистом Дж. Уэллзом был проведен опрос, связанный с произносительными предпочтениями англичан в области согласных звуков. В результате эксперимента были выявлены различные произносительные варианты таких слов как *booth*, *Asia*, *gigabyte*, *longitude*: большинство молодых носителей (от 26 до 45 лет) произносили эти слова как [buːð], ['eɪʒə], ['gɪgəbaɪt], ['lɔngɪt(j)uːd], а британцы старшего возраста (старше 66 лет) чаще всего как [buːθ], ['eɪʃə], ['ʤɪgəbaɪt], ['lɔnʤɪt(j)uːd]. В настоящее время оба варианта в произносительных английских словарях уже зафиксированы, то есть и молодежные предпочтения в произнесении данных слов стали нормой [Wells, 2008]. Отметим, что увеличение количества употребления звука /ʒ/ вместо /ʤ/ в заимствованных словах *beige*, *adagio*, *Zhivago*, *gigolo*, *genre*, *Beijing* году лингвист А. Краттенден в своем переработанном издании 2008 года книги А. Гимсона назвал «устоявшейся» чертой системы согласных RP [Cruttenden, 2008].

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНЕСЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время лингвисты выделяют следующие изменения в современной системе английских согласных, которые в той или иной степени нашли свое отражение в речи образованной молодежи: вокализация /l/, /t/-глоттализация или использование гортанной смычки, /r/-интрузия, а также такие тенденции, как выпадение согласных в определенных фонетических контекстах и аффрикатизация сочетаний /tj/ /dj/. Многие из вышеперечисленных тенденций постепенно укореняются в языке и становятся частью нормативного и стандартного произношения, однако не всегда это осуществляется в полной мере. Детально рассмотрим вышеперечисленные изменения в речи молодых англичан [Wells, 1997].

В речи английской молодежи британские фонетисты отмечают наличие процесса вокализации «темного» (непалатализованного) аллофона [ɬ], так называемой L-вокализации в позиции перед согласным. В таких словах, как, например, *milk, shelf*, *little*, *apple*, *bottle*, сонант /l/ начинает реализоваться как закрытый, задний, лабиализованный звук, близкий к [w] или [o] [Roserwarne, 1996; Wells, 1999; Cruttenden, 2008]. В первом десятилетии XXI века в университете Вестминстера было проведено исследование речи 12 информантов (девяти молодых лондонцев (19–23 лет) и трех говорящих более зрелого возраста) на материале чтения 50 предложений, где встречались такие слова, как, например, *ill*, *kill*, *smell*, *tell*, *pull*, *full*. Слова были расположены в предложениях так, что согласный звук /l/ оказывался в позиции перед гласным звуком (например, *Is he ill or something?*), перед согласным звуком (например, *It's an ill wind*), в конечном положении (например, *Stella feels ill*). В ходе данного лингвистического эксперимента вокализация сонанта /l/ отмечалась только в позициях перед паузой (в конечном положении) и перед согласным звуком, причем в основном в речи молодых мужчин [Ashby, 2008]. Британский фонетист А. Краттенден называет вокализацию «темного» (непалатализованного) аллофона [ɬ] (его реализацию как /ʊ/) в позиции перед согласным или на конце слова (например, *held*, *fill*, *middle*) «инновацией на грани RP» [Cruttenden, 2008].

В конце XX века английский лингвист Дж. Уэллз отметил такой процесс, происходящий в системе согласных, как аффрикатизация сочетаний взрывных согласных и аппроксиманта /j/ – /tj/ /dj/, т. е. превращение данных единиц в палатально-альвеолярные аффрикаты /ʧ/ и /ʤ/ соответственно («yod coalescence»). Например, произносительные варианты с согласным /ʧ/ в словах *Tuesday* ['ʧuːzdɪ], *situation* [ˌsɪʧu'eɪʃ(ə)n] и согласным /ʤ/ *gradually*, *schedule*, *during* характерны для речи молодых носителей языка (от 26 до 45 лет) [Wells, 1999]. В 2008 году британский ученый А. Краттенден назвал тенденцию замены сочетаний /tj/ и /dj/ в безударных слогах на /ʧ/ и /ʤ/, (например, *culture*, *soldier*) «полностью завершенной» чертой системы согласных RP, а замену сочетаний /tj/ и /dj/

в ударных слогах на /ʧ/ и /ʤ/ (например, *tune*, *endure*) – «устоявшейся» чертой [Cruttenden, 2008].

Наряду с аффрикатизацией в речи молодых англичан наблюдается выпадение звука [j] в таких словах, как, например, *tune* [tuːn] и *duke* [duːk] [Wells, 1997]. Интересно, что исчезновение звука /j/ в таких словах, как *suit*, *sewer*, *superb*, *assume* и *resume* получило повсеместное распространение, а реализация слова *supermarket* со звуком /j/ уже считается «устаревшей». Интересно, что слово *tune* может иметь два варианта произнесения в речи молодежи – [tuːn] и [tjuːn], что уже отражено в произносительном словаре Longman под редакцией Дж. Уэллза [Wells, 2008]. По мнению лингвиста А. Краттендена, тенденция исчезновения звука /j/ после согласных /l, s, z/, (например, в таких словах, как *luminous*, *suit*, *exhume*) является «полностью завершенной» в системе согласных RP. Выпадение звука /j/ после сонанта /n/, например, *news*, *neuter* (возможно, это влияние американского варианта английского языка, где это уже считается нормой) фонетист считает «устоявшейся» чертой [Cruttenden, 2008; Joddle, 2021a].

Говоря об интрузивных согласных, наиболее частотной является такая произносительная тенденция как «R-интрузия» или «вставной R». Тенденция использовать «вставной /r/» в таких случаях, как, например, *law and order* [lɔː r ənd ˈɔːdə] уже получила широкое распространение в речи молодых британцев. В своей работе 2013 года британский фонетист Дж. Уэллз также описывал данную произносительную тенденцию на примере слова *meta-analysis*, которое в настоящее время произносится как [metərəˈnæləsɪs]. Заметим, что с британским вариантом озвучки транскрипции данное слово произносится с вставным *-r-*, в то время как в самой транскрипции и на письме звук и буква отсутствуют (Oxford learner's dictionary)[1]. Ученый утверждает: в основном данное понятие используется во врачебной практике, что и было подтверждено при анализе речи терапевта: при неоднократном употреблении слова *meta-analysis* врач произносил его с «вставным» /r/.

Зарубежные лингвисты отмечают появление и других «вставных» звуков в отдельных словах. Например, в сочетаниях носового сонанта /n/ и взрывного согласного /t/ или фрикативного согласного /θ/ могут появляться дополнительные (вставные) звуки, например, «вставной взрывной звук». Среди британской молодежи существует тенденция произносить слова *chance* и *chants* как [ʧɑːnts], то есть с «вставным» звуком /t/. Слово *length* может звучать как [leŋkθ] в основном в речи молодежи, тогда как вариант с велярным сонантом [leŋθ] предпочитают использовать говорящие более старшего возраста.

Наряду с появлением «вставных» звуков, наблюдается также и их выпадение, например, взрывного звука /k/ в слове *puncture* [ˈpʌŋʧə] и взрывного звука /p/ в слове *jumped* [ʤʌmt] [Wells, 1999].

В настоящее время лингвисты отмечают качественные изменения в речи молодых носителей английского языка, выражающееся в вялой, «небрежной» и ленивой артикуляции, например, в произнесении слова *actually* [ˈæktʃuəlɪ] как [ˈæk̲ʃuəlɪ]. Возможно, данная звуковая метаморфоза возникла вследствие того, что произошло со словом *action* [ˈækʃn], которое ранее также реализовывалось со звуком /ʧ/. По мнению лингвистов, подобная тенденция может в скором времени начать распространяться и на другие слова, например, на *picture* [ˈpɪkʧə].

В лингвистической литературе упоминается также и такая тенденция, как выпадение взрывных конечных согласных звуков /t/ и /d/ в спонтанной разговорной речи (например, *be̲st man* реализуется как [bes mæn]) в тех случаях, когда им предшествуют согласные со сходными характеристиками (место образования преграды, способ артикуляции, принцип работы голосовых связок, и т. д), такие как, например, согласные звуки /n/ или /s/. Причем отмечается, что в речи мужчин данное явление носит более частотный характер [Raymond, Brown, Healy, 2016; Baranowski, Turton, 2020].

Явление выпадения и других фонем присутствует в речи молодых англичан. Заслуживают внимания результаты акустического исследования спонтанной речи четырех британцев-носителей языка (двух мужчин и двух женщин в возрасте 25 лет), проведенного на кафедре фонетики и фонологии парижского Университета Сорбонны [Corbin, 2003].

Результаты исследования показали, что согласные звуки чаще выпадают, чем гласные звуки, причем в знаменательных словах выпадению подвергаются чаще гласные звуки, а в незнаменательных словах – согласные звуки. Альвеолярные согласные составляют 76 % от всех выпадающих согласных.

Большинство выпавших фонем (что составило 60,5 % от всего количества слов) находились в незнаменательных словах. Остальные 39,5 % выпавших фонем приходились, наоборот, на знаменательные слова. Следует отметить, что частотность употребления слов напрямую влияет на частотность выпадения того или иного звука. Например, выпадение звука /t/ происходит достаточно часто (83 случая из 533 исследуемых слов – 15,5 %) за

[1] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com ; https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/meta-analysis?q=meta-analysis

счет того, что он встречается на конце слов (например, *just*, *but*, *about)*, а также в сокращенных отрицательных глаголах-связках, таких как *doesn't*, *don't*, *can't*).

Выпадение звука /d/ чаще всего встречается в глаголах (составляет 40 случаев из 343 (11,6 %)). При употреблении незнаменательных слов звук /d/ наиболее часто выпадал в слове *and* (может реализоваться в четырех вариантах: [ænd], [æn], [ən], [n]).

Из всех выпадающих (сокращающихся) согласных 20 % находились в начальной позиции слогов (это согласные звуки /h/, /θ/, /ð/, /l/), причем 80 % встречались в незнаменательных словах. Например, выпадение согласного /θ/: ['sʌmɪŋ], вместо ['sʌmθɪŋ] (*something*); выпадение согласного звука /ð/ встречается в основном в начальной позиции в таких словах, как *them*, *that*; выпадение /h/ встречается при реализации личных местоимений *he*, *him*, *her*, *his* и в некоторых случаях – при реализации глагола-связки *have*.

Согласный звук /l/ может выпадать как в начале слога, так и на конце. Например, словосочетание *feel comfortable* реализуется как [fi'kʌmftəbl], где сонант /l/ выпадает в конечном положении, а в слове *problem* – в начале слога, реализуясь как ['prɔbəm] или ['prɔbm].

Согласно результатам проведенного исследования 77 % всех выпадающих согласных звуков находились в конечном положении слога. Автор выделил следующие варианты выпадения:

- выпадение согласного, находящегося в конечном положении (после гласного) как в незнаменательных, так и знаменательных частях речи: например, *about* [ə'baʊ], *forget* [fə'ge];
- «кластерное упрощение», в результате которого выпадает последний из двух согласных, образованных одними органами речевого аппарата. В основном, это согласные /t/ или /d/. Примерами среди незнаменательных частей речи могут служить сокращенные отрицательные формы глаголов-связок (например, *doesn't* ['dʌzn]). Знаменательные части речи также могут реализоваться без конечного звука /t/ в глаголах в форме прошедшего времени, например, *found* [faʊn];
- третий вариант связан с фонемой /l/. Например, слово *child* может реализовываться как [ʧaɪd] или же как [ʧaɪl], а слово *difficult* – как ['dɪfɪkəl] или ['dɪfɪkət].

Ослабленная реализация звука /t/ со временем привела к появлению уже частично укоренившегося в британском английском явления как T-глоттализация – замещение взрывного звука /t/ гортанной смычкой в позиции перед сонантами /l/, /n/ (в кластерах *-nt* и *-lt*) или же аппроксимантам, например, *atlas*, *apartment*, *catwalk*, *chutney*, *get you*, *outright*, *Scotland*, или перед губно-губными звуками /p/, /b/, /m/, /w/, /f/, /v/, например *network*, *pitfall*, *that one*, *shot by*. Однако употребление гортанной смычки в интервокальной позиции на конце слов – особенно данная тенденция прослеживается в речи британской молодежи – является маркером стигматизированного, диалектного произношения. Например, известная английская скороговорка *a bit of better butter*, в шутку произносится как «a bi'o'be'er bu'er» и таким образом становится броским рекламным слоганом [Cruttenden, 2008; Joddle, 2021б].

По сложившемуся убеждению зарубежных лингвистов, широкое использование гортанной смычки создает впечатление небрежности в речи говорящего, например, молодые англичане (даже молодые члены королевской семьи) произносят *let it* как [leʔ ɪt] и *water* как ['wɔːʔə], но необходимо отметить, что данная тенденция считается крайне нежелательной к использованию [Joddle, 2021б].

В свою очередь лингвист Дж. Уэллз утверждает, что использование гортанной смычки в интервокальном положении является уже стигматизированной чертой, так как ассоциируется с чертой Cockney [Wells, 1997]. Лингвист А. Краттенден называет «устоявшейся» чертой RP реализацию согласного /t/ в позиции перед согласным в виде гортанной смычки /ʔ/ (например, *not very*), однако глоттализация /t/ перед согласным /l/, по его мнению, считается недопустимой, например, *little*. Использование гортанной смычки вместо согласного /t/ перед ударным гласным или перед паузой, например *not even, need it*, британский фонетист А. Краттенден называет «инновацией на грани RP», хотя использование гортанной смычки перед безударными гласными /i/, /ə/ (т. е. в интервокальном положении) по-прежнему считается стигматизированной чертой, например, *water*, *got a*, *that is* [Cruttenden, 2008].

Британские лингвисты А. Хьюдж, П. Траджилл и Д. Уотт замечают, что гортанная смычка все больше распространяется в речи молодых носителей Received Pronunciation (RP). Несмотря на то, что данная черта и присутствует в стандартном британском английском языке, свой фонемный статус она еще не приобрела. В самом деле, носители RP часто используют гортанную смычку для усиления звучания согласных звуков /p, t, k, ʧ/ в конечном положении. По мнению фонетистов, молодые носители RP – как представители среднего, так и высшего класса – используют все чаще гортанную смычку в конечном положении, главным образом

не только перед согласным звуком (*get down*) или перед паузой (*that*), но еще и перед гласным звуком (*quite often*). Это объясняют тем, что предположительно данное явление распространяется под влиянием произношения жителей лондонского региона. Молодежь усваивает данную тенденцию вопреки тому (или же напротив, по причине того, что) она ассоциируется с непрезентабельной, неразборчивой и небрежной речью. Заметим, что явление гортанной смычки присутствует в речи известных политиков (например, Тони Блэра) и некоторых членов королевской семьи даже в положении перед гласным в конце слов [Hughes, Trudgill, Watts, 2005].

В последнее время наблюдается ослабление силы артикуляции звука /t/ в интервокальном положении в речи молодых носителей RP (особенно это характерно для разговорного стиля), например, *get off* может звучать как *gedd off* или *gerr off*. Заметим, что данное явление наблюдается при произнесении незнаменательных слов с конечным звуком /t/. В общепринятой лингвистической терминологии такой вариант реализации согласного звука /t/ носит название альвеолярный удар (*tap* /ɾ/). Отметим несколько интересных фактов: данные звуки встречаются в традиционно стигматизированных фонологических окружениях: в середине слова в интервокальной позиции, в середине слова перед звуком /l/, в конечном положении в слове перед гласным звуком. Предположительно говорящие на RP прибегают к использованию данного звука как к своеобразной альтернативе гортанной смычки: нечто среднее между «чопорным» альвеолярным /t/ и «жестким и грубым» гортанной звуком. К носителям языка, употребляющими звук /ɾ/ в неформальных ситуациях относятся в основном молодые мужчины, выпускники элитных учебных заведений. Лидерами по числу использования гортанной смычки являются тинейджеры-мальчики из рабочего и низшего среднего классов, но в некоторых научных работах зарубежных фонетистов отмечается, что в неформальных ситуациях употреблять в речи звук /ɾ/ могут и молодые мужчины, выпускники элитных учебных заведений [Tollfree, 1999; Foulkes, Docherty, 2002; Караваева, 2018].

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

На наш взгляд, интересным представляется провести аудиторское (перцептивное) исследование «стигматизированных» вариантов реализации согласного звука /t/ в речи современных образованных британцев, как мужчин, так и женщин. По сложившемуся убеждению зарубежных лингвистов, звук /t/ является одним из наиболее вариативных и нестабильных из всех согласных и наиболее часто встречающимся в спонтанной речи согласным (*wang Crawford*) [Cruttenden, 2008].

Представленное в данной работе исследование ставит своей целью проанализировать наличие употребления гортанной смычки в интервокальном и конечном положениях, а также проверить наличие употребления альвеолярного удара /ɾ/ на месте интервокального звука /t/ в речи молодых образованных англичан. В ходе предпринятого исследования анализировались аудиозаписи квазиспонтанных слитных монологических высказываний (ответная реплика интервью) шести дикторов-англичан (18–39 лет), двух женщин (21 и 39 лет) и четырех мужчин (18, 23, 30 и 38 лет) продолжительностью в среднем от трех до шести минут у каждого информанта. Все информанты-англичане являются носителями RP, с рождения проживают в юго-восточной Англии, принадлежат к среднему или высшему среднему классу и либо получают, либо имеют высшее образование. Дикторам было предложено высказаться на одну из следующих тем: семья, хобби, еда, любимое литературное произведение, самое яркое событие в жизни. Произношение всех дикторов было охарактеризовано самими дикторами как произношение, соответствующее британскому произносительному стандарту.

Проведенный перцептивный анализ выявил использование гортанной смычки и альвеолярного удара в речи далеко не всех информантов.

Прослушивание аудиозаписей показало:

- в речи информантов-мужчин и самой молодой информантки-девушки 21 года гортанная смычка употреблялась в позиции перед паузой на конце в основном односложных слов, если следующее слово начиналось с согласного, например, *right…; last book…; first book*;
- отсутствует употребление гортанной смычки в позиции в середине слов или на конце слов перед гласным. Можно предположить, что речь информантов носила квазиспонтанный характер, а сами говорящие не были достаточно раскрепощены;
- тенденция заменять интервокальный согласный /t/ альвеолярным ударом /ɾ/ встречалась только в речи молодых мужчин (18 и 23 года), причем информанты начинают использовать ее ближе к окончанию интервью, т. е., когда обстановка становится по их ощущениям более расслабленной

и менее формальной. В речи информантов звук /t/ замещался звуком /ɾ/ в позиции на конце слова перед гласным, например, *a lot of; got around; sort of*;

- по части использования нестандартных форм в обстановке формальной беседы информанты-женщины (особенно более старшего возраста) явились более консервативными по сравнению с мужчинами. Это еще раз доказывает тот факт, что женщины используют более корректные и нормативные произносительные варианты;
- мужчины более молодого возраста использовали альтернативу гортанной смычке в виде звука /ɾ/. Возможно, это связано с тем, что молодые люди пытаются избежать отрицательной коннотации, связанной с гортанной смычкой, и использовали более мягкий и приятный на слух вариант.

В речи информантов-женщин звук /ɾ/, наоборот, замещающий гортанную смычку в интервокальном положении, отсутствовал, так как они в принципе избегали использовать стигматизированные варианты в условиях формального общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в системе согласных британского варианта английского языка не было отмечено существенных произносительных изменений, однако с уверенностью можно утверждать, что она становится более демократичной. Анализ лингвистической литературы показал наличие качественных изменений в произнесении некоторых согласных в определенных фонетических контекстах, таких, как аффрикатизация сочетаний /tj/ и /dj/, *r*-интрузия, появление вставных звуков /n/, /t/, выпадение согласных /k/, /t/, /d/, /j/ в некоторых положениях, употребление звука /ʒ/ вместо /dʒ/, вокализация непалатализованного аллофона [ł] и /t/-глоттализация в речи молодых англичан. Проведенное нами перцептивное исследование стигматизированных вариантов реализации согласного звука /t/ в речи молодых британцев, как мужчин, так и женщин, показало замену интервокального /t/ альвеолярным ударом /ɾ/ только у информантов-мужчин (18–39 лет). Отметим гендерную специфику качественных изменений в реализации согласных звуков: только для речи молодых мужчин характерна вариативность при произнесении согласных в отличие от девушек, в основном использующих только стандартные и традиционные формы языка.

Определенно можно сказать, что под влиянием речи молодежи изменяются принципы употребления согласных звуков, но это может, скорее всего, свидетельствовать об экономии речевых усилий, которая характерна для речи молодых носителей языка. Выявленные в данной работе произносительные тенденции в речи молодых британцев не могут являться указателем развития и трансформации системы согласных британского варианта английского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Eckert, P. Variation, convention, and social meaning / Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. Oakland CA. Jan. 7, 2005.
2. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Hodder Education, 2008.
3. Wells J. C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. London: Longman, 2008.
4. Wells J. C. What is Estuary English? // English Teaching Professional. 1997. Vol. 3. P. 46–47.
5. Rosewarne D. Estuary as a world language // Modern English Teacher. January 1996. Vol. 5/1. P. 13–16.
6. Wells J. C. Pronunciation preferences in British English: a new survey // Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences / ed. by J. J. Ohala, Y. Hasegawa, M. Ohala, D. Granville, A. C. Bailey. San Francisco, 1999. P. 1245–1248. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS1999/p14_1245.html
7. Ashby P. L-vocalisation trends in young London speech // Colloquium of the British Association of Academic Phoneticians. Sheffield: University of Sheffield, 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/267926163_L-vocalisation_trends_in_young_London_speech
8. Joddle J. Estuary accent features. 2021a. URL: https://jadejoddle.com/estuary-accent/
9. Raymond W. D., Brown E. L., Healy A. F. Cumulative context effects and variant lexical interpretations: Word use and English final t/d deletion // Language Variation and Change. 2016. Vol. 28 (20). P. 175–202.
10. Baranowski M., Turton D. TD-deletion in British English: New evidence for the long-lost morphological effect // Language Variation and Change. 2020. Vol. 32(1). P. 1–23. URL: https://www.researchgate.net/publication/341191443_td_-deletion_in_British_English_New_evidence_for_the_long-lost_morphological_effect

11. Corbin O. Phoneme deletion in spontaneous British Speech // 15th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-15) / ed. by M. J. Solé, D. Recasens, and J. Romero. Barcelona, 2003. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2813.pdf
12. Joddle J. Always pronounce your t's. The glottal stop. 2021б. URL: https://jadejoddle.com/always-pronounce-t-glottal-stop/
13. Hughes A., Trudgill P., Watts D. English Accents and Dialects. Fourth Edition. An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. 4th ed. London: Hodder Arnold, 2005.
14. Tollfree L. South East London English: discrete versus continuous modelling of consonantal reduction. В кн.: Urban Voices. Accent studies in the British Isles / ed. by P. Foulkes, G. Docherty. London: Routledge, 1999. P. 163–184.
15. Foulkes P., Docherty G. J. Phonological variation in England // Language in the British Isles / Britain D. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 52–74.
16. Караваева В. Г. Перцептивные характеристики интервокальных согласных реализаций на месте орфографических -t-, -tt- (на материале британского новостного аналитического дискурса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 424–437. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pertseptivnye-harakteristiki-intervokalnyh-soglasnyh-realizatsiy-na-meste-orfograficheskih-t-tt-na-materiale-britanskogo-novostnogo/viewer

REFERENCES

1. Eckert, P. (2005, January 7). Variation, convention, and social meaning. Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. Oakland CA.
2. Cruttenden, A. (2008). Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Hodder Education.
3. Wells, J. C. (2008). Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. London: Longman.
4. Wells, J. C. (1997). What is Estuary English? English Teaching Professional, 3, 46–47.
5. Rosewarne, D. (1996, January). Estuary as a world language. Modern English Teacher, 5(1), 13–16.
6. Wells, J. C. (1999). Pronunciation preferences in British English: a new survey. In Ohala, J. J., Hasegawa, Y. , Ohala, M., Granville, D., Bailey A. C. (eds.), Proceedings of the XIVth International Congress of Phonetic Sciences (pp. 1245–1248). San Francisco, 1999. https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS1999/p14_1245.html
7. Ashby, P. (2008). L-vocalisation trends in young London speech. Colloquium of the British Association of Academic Phoneticians. Sheffield: University of Sheffield. https://www.researchgate.net/publication/267926163_L-vocalisation_trends_in_young_London_speech
8. Joddle, J. (2021a). Estuary accent features. https://jadejoddle.com/estuary-accent/
9. Raymond, W. D., Brown, E. L., Healy, A. F. (2016). Cumulative context effects and variant lexical interpretations: Word use and English final t/d deletion. Language Variation and Change, 28(20), 175–202.
10. Baranowski, M., Turton, D. (2020). TD-deletion in British English: New evidence for the long-lost morphological effect. Language Variation and Change, 32(1), 1–23. https://www.researchgate.net/publication/341191443_td_-deletion_in_British_English_New_evidence_for_the_long-lost_morphological_effect
11. Corbin, O. (2003). Phoneme deletion in spontaneous British Speech. In Solé, M. J., Recasens, D., Romero, J. (eds.), 15th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS-15). Barcelona. https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2813.pdf
12. Joddle, J. (2021b). Always pronounce your t's. The glottal stop. https://jadejoddle.com/always-pronounce-t-glottal-stop/
13. Hughes, A., Trudgill, P., Watts, D. (2005). English Accents and Dialects. An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. 4th ed. London: Hodder Arnold.
14. Tollfree, L. (1999). South East London English: discrete versus continuous modelling of consonantal reduction. In Foulkes, P., G. Docherty, G. (eds.), Urban Voices. Accent studies in the British Isles (pp. 163–184). London: Routledge.
15. Foulkes, P., Docherty, G. J. (2002). Phonological variation in England. In Britain, D. (ed.), Language in the British Isles (pp. 52–74). Cambridge: Cambridge University Press.
16. Karavaeva, V. G. (2018). Perceptual features of intervocalic consonant realizations used for -t-, -tt- (based on British news analytic discourse) . Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura, 15(3), 424–437. https://cyberleninka.ru/article/n/pertseptivnye-harakteristiki-intervokalnyh-soglasnyh-realizatsiy-na-meste-orfograficheskih-t-tt-na-materiale-britanskogo-novostnogo/viewer (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Безбородова Мария Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMARION ABOUT THE AUTHOR

Bezborodova Maria Valerievna
PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_25

Сопоставление словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка в связи с социоисторическим контекстом формирования

А. А. Борзых

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anya_borzyh_lena@mail.ru

Аннотация. Статья является началом более объемного научного исследования, имеет теоретическую направленность и содержит обзор работ о сходствах и различиях австралийского и новозеландского вариантов английского языка в области словесного ударения. Предметом исследования являются социоисторические факторы формирования двух национальных вариантов, степень влияния норм британского и американского произношения, а также контактов с языками иной ритмической природы на акцентную структуру слов в австралийском и новозеландском английском.

Ключевые слова: словесное ударение, акцентная структура, британский вариант английского языка, американский вариант английского языка, австралийский вариант английского языка, новозеландский вариант английского языка, социоисторические факторы формирования, главное ударение, второстепенное ударение, заимствования

Для цитирования: Борзых А. А. Сопоставление словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка в связи с социоисторическим контекстом формирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 25–31. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_25

Original article

Comparative Study of Word Stress in Australian and New Zealand English in the Socio-Historical Context of Formation

Anna A. Borzykh

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anya_borzyh_lena@mail.ru

Abstract. The study is the starting point for a more extensive scientific research. Theoretically oriented, it presents a survey of research papers devoted to the similarities and differences of Australian and New Zealand English in terms of word stress. The author examines the socio-historical factors of dialect formation, the degree of the British and the American pronunciation influence, and contacts with other rhythmically natured languages, all the above resulting in the AusE and NZE original accentual structures.

Keywords: word stress, accentual structure, British English, American English, Australian English, New Zealand English, socio-historical factors of formation, primary stress, secondary stress, borrowings

For citation: Borzykh, A. A. (2023). Comparative study of word stress in Australian and New Zealand English in the socio-historical context of formation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 25–31. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_25

ВВЕДЕНИЕ

Исследования многих лингвистов показывают, что зачастую для одних и тех же многосложных слов, в составе которых насчитывается два или более слогов, характерны разные модели словесного ударения в речи носителей различных национальных вариантов английского языка. В частности, данное явление характерно для австралийского и новозеландского вариантов английского. Согласно теории концентрических кругов Браджа Качру, они входят во «внутренний круг» нормообразующих вариантов английского наряду с британским, американским и канадским вариантами [Kachru, Smith, 2008].

Акцентные структуры в каждом из рассматриваемых региональных вариантов английского разнообразны ввиду воздействия различных социо-исторических факторов заселения двух стран, влияния норм британского и американского произношения и контактов с другими языками, имеющими иную ритмическую природу. Известно, например, как значительно проявила себя ритмическая тенденция чередования ударных и безударных слогов при столкновении германского и романского правил ударения после Норманнского завоевания [Торсуев, 1960; Vassilyev, 1970; Шахбагова, 1992; Шевченко, 2021].

Что касается современных тенденций в новозеландских словах, то о них существует своя научная литература [Шевченко, Бурая, 2020]. Опираясь на корпусный анализ новозеландских ученых, Шевченко и Бурая высказали предположение об изменяющемся ритме белого населения страны]. О ритме австралийской речи подобных работ не проводилось, и нам еще предстоит доказать, что австралийский вариант, прежде всего его базилект, который называется «Broad Australian», имеет иные ритмические характеристики, нежели RP. На уровне чтения статья Е.А. Бурой не подтверждает данную гипотезу [Бурая, 2016].

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МАТЕРИАЛЫ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая статья является начальным этапом более объемного научного исследования. Автор ставит своей целью осуществить обзор научных работ о словесном ударении в английском языке на территории Австралии и Новой Зеландии, выполненных на кафедре фонетики английского языка МГЛУ и за рубежом, сформировать базу необходимых теоретических обобщений по теме исследования, выявить типичные модели словесного ударения и определить ритмические тенденции изучаемых вариантов английского языка в области акцентологии, что впоследствии позволит их верифицировать путем привлечения звучащего эмпирического материала.

В круг задач исследования входит анализ теоретической литературы с последующей научной рефлексией. В статье используется сравнительно-сопоставительный метод при интерпретации результатов уже проделанных исследований, и, наконец, производится комплексный синтез главных современных тенденций словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка. Он определяет итог проделанной работы.

Материалом исследования выступают теоретические источники, посвященные проблематике словесного ударения и акцентуации в английском языке, в частности, его региональных вариантах – австралийском и новозеландском. Авторами работ являются как отечественные фонетисты (Торсуев, Васильев, Шахбагова, Бурая, Шевченко), так и их зарубежные коллеги (Crystal, Nokes, Hay, Vowell). Также анализируются энциклопедические источники и национальные произносительные словари Австралии и Новой Зеландии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения вариативности акцентной нормы современного английского языка на территории Австралии и Новой Зеландии. Означенная вариативность существенна для распознавания слов и понимания английской речи в условиях воздействия различных социо-исторических факторов заселения двух стран, влияния норм британского и американского произношения и контактов с другими языками, имеющими иную ритмическую природу. Научная новизна статьи состоит в установлении национальной специфики словесного ударения в австралийском и новозеландском вариантах английского языка. Данная работа и вытекающие из нее дефиниции значимы как подготовительный этап для их последующей верификации путем объективного анализа звучащей речи образованных жителей Австралии и Новой Зеландии.

СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АКЦЕНТНЫХ СТРУКТУР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

История проникновения английского языка на территорию Австралии и Новой Зеландии связана с прибытием туда европейских завоевателей, а затем последующей колонизацией территорий и вхождением их в состав Британской империи.

Австралия стала британской колонией в 1788 году, более отдаленная Новая Зеландия – в 1840 году [Burchfield, 1994].

Данный исторический срез жизни перечисленных стран в контексте истории английского языка считается периодом новоанглийского языка. Позади огромный этап трансформации и обогащения английского языка лексикой из других языков, в составе которой самый большой пласт был заимствован из французского языка как результат Норманнского завоевания. Французский, будучи в то время официальным языком судопроизводства и правительственных учреждений в Британии, прочно укоренился в терминах из сферы государства, Церкви, законов, военного дела, еды и моды.

Словесное ударение в английском языке сочетает в себе две тенденции – рецессивную (главное ударение притягивается к корневой основе или к первому слогу в существительных) и ритмическую (заключается в чередовании сильных ударных и слабых безударных слогов), что отражает фонетическую «гибридность» характера лексики в английском языке [Crystal, 1996]. Для германских языков характерна рецессивная модель, при которой ударные слоги считаются слева направо. Романским языкам присуща тенденция счета слогов справа налево.

Французские заимствования неизбежно подвергались процессу ассимиляции: наряду с исконным ударением на последнем слоге появлялось ударение на первом слоге под влиянием германской рецессивной тенденции, при этом чередование ударных и безударных слогов сохранялось. В конечном итоге, сильнее оказалась рецессивная тенденция, а ударение на последнем слоге исчезло практически во всех словах. Появились слова с двумя ударениями – главным и второстепенным, в них хорошо прослеживается ритмическая тенденция (*ˌuni'versity, ˌele'mentary*) [Торсуев, 1960; Vassilyev, 1970; Шахбагова, 1992; Шевченко, 2021].

На место ударения (как главного, так и второстепенного) оказывают влияние и другие факторы: количество слогов в слове, фонологический состав слогов, морфологический состав слов, а также их морфологическая категория. В. А. Васильев различал диахронически ритмическую тенденцию с уже исчезнувшими следами второго ударения (слова типа *family*, *colony*, *radical, enemy, unity*) и синхронно ритмическую тенденцию, проявляющуюся в более поздних заимствованиях из французского или других романских языков *proˌnunci'ation*, *subdi'vide, under'go, disap'point* [Vassilyev, 1970]. Согласно Г. П. Торсуеву, более важным в данном случае выступал семантический фактор, который заключается в дополнительном выделении префиксов, сохранивших свою семантику, с помощью словесного ударения [Торсуев, 1960].

В период колонизации Австралии и Новой Зеландии, на момент переноса английского языка из Британии на столь отдаленные и изолированные территории новых колоний, язык находился на определенном этапе развития. В дальнейшем, отделившись от прямого и постоянного контакта с нормообразующей Британией, он встал на путь самостоятельного дальнейшего преобразования в каждой из рассматриваемых стран. В том числе это касалось и акцентной ассимиляции заимствований – процесса, который продолжается и до сих пор.

Кроме события колонизации и актуального для описываемого периода состояния языка, на динамические процессы в системе ударения повлияли социокультурные характеристики первых поселенцев. Это были носители английского языка социальных низов: каторжники, политические ссыльные из Великобритании, речь которых являла собой кокни и городские просторечия юго-восточной части Англии [Burchfield, 1994; Шевченко, 2016; Многообразие культур в англоязычных странах … 2017]. Данный фактор – один из трех ключевых компонентов, предопределивших формирование региональных стандартов произношения, наряду с этапом развития языка в период его переноса на новые материки и контакта с другими языками [Многообразие культур в англоязычных странах … 2017].

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В АВСТРАЛИЙСКОМ АНГЛИЙСКОМ

Обратимся к результатам исследования по выявлению основных тенденций в области словесного ударения в австралийском варианте английского языка в сопоставлении с британским и американским вариантами, проведенному Е. А. Бурой. В качестве материала автором исследования были выбраны словари – 18-е издание «The English Pronouncing Dictionary» (2011) Д. Джоунза и электронная версия 6-го издания национального австралийского словаря «Macquarie Concise Dictionary» (2013).

Методом сплошной выборки из словаря Д. Джоунза были собраны все многосложные слова, акцентная структура которых различалась в британском и американском вариантах. Количество таких слов составило 1390, или 2,4 % по отношению ко всем представленным в словаре словам за исключением односложных слов. Большинство слов оказались заимствованиями из романских языков, являющихся как именами

нарицательными, так и собственными. В австралийском национальном словаре «Macquarie Concise Dictionary» были найдены лишь 1088 слов из списка: ввиду социокультурных особенностей страны часть найденных слов там просто не употребляется.

Суммируя выводы, к которым пришел автор исследования, можно перечислить следующие особенности и тенденции в области словесного ударения, характерные для австралийского варианта английского языка:

• Около половины слов из списка с несовпадающей британо-американской акцентуацией (47 %) в австралийском варианте следуют британским моделям.

• Двусложные слова в австралийском английском реализуются в равной степени по двум из четырех моделей: с главным ударением на первом слоге ['- -] и с главным ударением на втором слоге [-' -]. Адаптация двусложных заимствований в австралийском происходит преимущественно по британскому варианту, с ударением на первом слоге:

BrE	AmE	AusE
'ballet (*фр.*)	bal'let	'ballet
'café (*фр.*)	ca'fé	'café
'dinar (*араб.*)	di'nar	'dinar
'signor (*итал.*)	sig'nor	sig'nor*

**В последнем случае слово в австралийском произносится по американской модели.*

• По мере увеличения количества слогов в словах в австралийском варианте английского произношения проявляются совершенно оригинальные модели словесного ударения, отличные от британской и американской акцентуации. Одной из причин может быть использование иных акцентных моделей из тех, которые характерны для британского и американского вариантов.

BrE	AmE	AusE
ˌmayon'naise	'mayonnaise	mayon'naise
ˌassig'nee	asˌsig'nee	assig'nee
ˌtirami'su	ˌtira'misu	tiˌrami'su

Также характерно использование типично австралийских акцентных моделей, которые не зафиксированы ни в британском, ни в австралийском вариантах. К таким относятся многосложные слова с одноударными моделями, в которых ударение падает на третий, четвертый или пятый слог: *circum'locutory*, *unrecog'nizable*, *volatili'zation*.

• Процент слов с двуударными моделями в австралийском варианте крайне мал, вместо этого используются одноударные модели: *elec'tricity*, *acade'mician*, *metempsycho'sis*.

• На местоположение ударения оказывает влияние и морфологическая структура слова:

– в двусложных глаголах на ***-ate*** ударение падает на второй слог по британскому варианту:

BrE	AmE	AusE
mi'grate	'migrate	mi'grate
do'nate	'donate	do'nate
nar'rate	'narrate	nar'rate

– в трехсложных глаголах на ***-ate*** ударение падает на первый слог по британскому варианту:

BrE	AmE	AusE
'dislocate	dis'locate	'dislocate
'infiltrate	in'filtrate	'infiltrate
'remonstrate	re'monstrate	'remonstrate

– приставка ***de-*** в многосложных словах не притягивает ударение, как и в американском английском, прослеживается тенденция к реализации второстепенного ударения, падающего на корень: *BrE ˌdecolouri'zation – AmE deˌcolouri'zation – AusE deˌcolouri'zation*;

– приставка ***trans-*** берет на себя второстепенное ударение по британской модели: *BrE ˌtransporta'bility – AmE transˌporta'bility – AusE ˌtransporta'bility*;

– суффикс ***-berry*** в названиях ягод остается безударным, как и в британском варианте, в то время как в американском варианте на него падает третичное ударение: *BrE 'raspberry – AmE 'raspˌberry – AusE 'raspberry* [Бурая, 2016; Шевченко, Бурая, 2020; Методы анализа звучащей речи, 2020].

ОСОБЕННОСТИ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В НОВОЗЕЛАНДСКОМ АНГЛИЙСКОМ

Количество слов, найденных в новозеландском словаре, сократилось значительно больше, нежели в австралийском словаре – в ходе сопоставительного анализа зафиксировано 873 слова. Отсутствие многих слов в словаре объясняется различиями в социокультурной тематике стран (сюда относятся имена собственные, географические названия и проч.), также встречается несовпадение количества слогов в словах как следствие разной степени редукции. Как результат, сократился и список частотных слов, установленный по трем корпусам [Shevchenko, Pozdeeva, 2017]: изначальные 89 единиц сократились до 82 в австралийском и до 79 в новозеландском. Несмотря на это, все типичные черты австралийского и новозеландского вариантов отразились в списке частотных слов.

Если для австралийского варианта английского языка характерно отсутствие второстепенных ударений и главное ударение на третьем, четвертом или пятом слоге, то в новозеландском варианте наоборот, наличие дополнительных ударений (в основном посттонических) является спецификой ударения в многосложных словах:

AusE	*NZE*
Paki'stan	'Pakis,tan
ciga'rette	,ciga'rette
acade'mician	a,cade'mician

Исследование проводилось Бурой Е. А. на базе электронной версии Новозеландского оксфордского словаря Т. Деверсона и Г. Кеннеди [Deverson, Kennedy, 2005; Бурая, 2016].

Как и австралийский вариант, новозеландский английский демонстрирует тенденцию приверженности в большей степени к британским, нежели к американским акцентным структурам многосложных слов. Однако совершенно противоположная тенденция прослеживается в характере второстепенного ударения: типично австралийские одноударные акцентные модели содержат только главное ударение на третьем, четвертом или пятом слоге, в новозеландском же многосложные слова

Диаграмма 1

ТЕНДЕНЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТНЫХ МОДЕЛЕЙ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В АВТРАЛИЙСКОМ АНГЛИЙСКОМ
[Шевченко, Бурая, 2020]

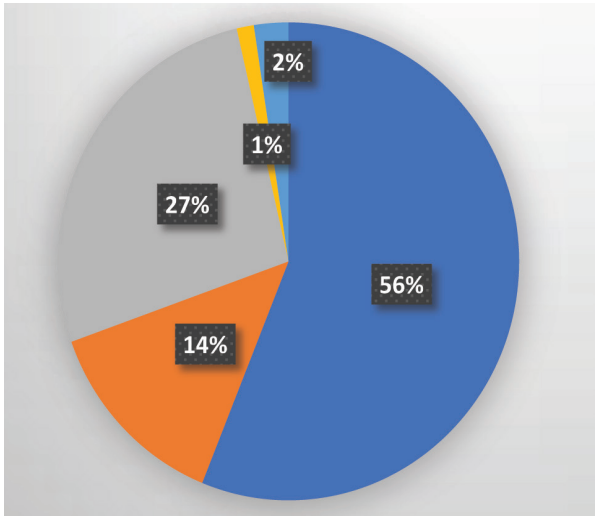
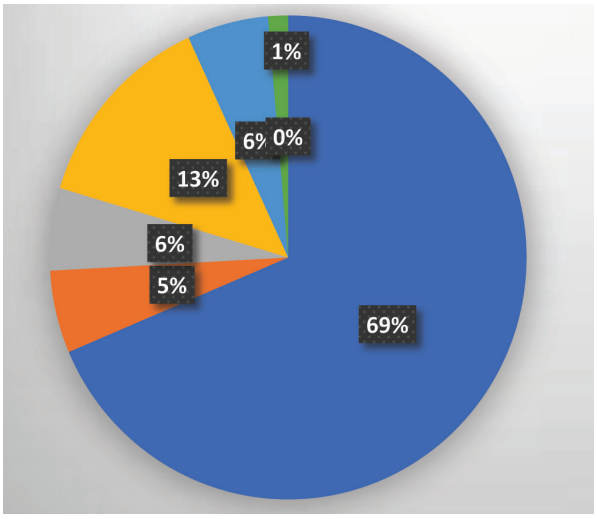


Диаграмма 2

ТЕНДЕНЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТНЫХ МОДЕЛЕЙ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В НОВОЗЕЛАНДСКОМ АНГЛИЙСКОМ
[Шевченко, Бурая, 2020]



такого типа содержат главное и ритмическое ударение (см. диаграммы 1 и 2).

Таким образом, результаты проведенных исследований высвечивают еще больший процент совпадения новозеландских акцентных моделей с британскими – 69 %, тогда как австралийский вариант совпадает с британским в 56 % случаев. Совпадения с американскими моделями также присутствуют, но в меньших долях. Важным является проявление ритмического своеобразия в дополнительных ударениях [Шевченко, Бурая, 2020].

Появление ритмических ударений в новозеландском варианте английского произношения может быть свидетельством контакта с моросчитающим языком маори: ритм английской речи в Новой Зеландии под влиянием маори изучался посредством крупных корпусных исследований на аутентичных записях речи переселенцев разных эпох [Nokes, Hay, 2012; Vowell, 2012].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ДИСКУССИЯ

Доминирование британских акцентных моделей в изолированных Австралии и Новой Зеландии объясняется сохранением исторического авторитета Британии в сфере образования, культуры и управления. Американское произношение также оказывает свое влияние на рассматриваемые национальные варианты английского путем средств массовой информации и американизированного медиапространства. Однако австралийский и новозеландский английский демонстрируют и свое собственное своеобразие в области акцентуации – сокращение ритмических ударений в австралийском и появление дополнительных ударений под влиянием маори в новозеландском. Последний в меньшей степени подвергся влиянию американского произношения и американских акцентных моделей.

Таким образом, сочетая уникальные национальные акцентные модели с британскими и американскими чертами в разных пропорциях, словесное ударение в Австралии и Новой Зеландии приобретает неповторимую национальную идентичность, которая воспринимается и распознается перцептивно носителями других вариантов английского языка.

Дальнейшее исследование вариативности акцентной структуры английского многосложного слова предполагает верификацию высказанных наблюдений, основанных на данных словарей, путем привлечения звучащего материала аутентичной спонтанной речи жителей Австралии и Новой Зеландии, так как при помещении слов в контекст живой речи ударения могут сдвигаться или пропадать под влиянием различных ритмических тенденций. Так, обращает на себя внимание корреляция зафиксированного в исследованиях быстрого темпа речи новозеландцев и наличия дополнительных ударений в новозеландском английском, что проявляется в нередуцированной артикуляции гласных в акцентируемых слогах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kachru Y., Smith L. E. Cultures, contexts, and world Englishes. Routledge, 2008.
2. Торсуев Г. П. Вопросы акцентологии современного английского языка. М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1960.
3. Vassilyev V. A. English phonetics: A theoretical course. Moscow: Higher School Publishing House, 1970.
4. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии: (На материале британ., америк., австрал., канад. вариантов англ. яз.). М.: Фоллис, 1992.
5. Шевченко Т. И. Английское словесное ударение в условиях длительного языкового контакта // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 160–168.
6. Шевченко Т. И., Бурая Е. А. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 4. С. 65–79.
7. Бурая Е. А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). С. 19–34. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest16-740z.pdf
8. Burchfield R.W. (ed.). The Cambridge history of the English language. Vol. V English in Britain and Overseas: Origins and Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
9. Crystal D. The past, present and future of English rhythm // Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!). IATEFL, 1996. P. 8–13.
10. Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2016.
11. Многообразие культур в англоязычных странах, отраженное в языке и речевом поведении / Шевченко Т. И. и др. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017.
12. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. Дубна: Феникс+, 2020.

13. Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multi-Lingual Community // LNAI 10458. 2017. P. 221–232.
14. Deverson T., Kennedy G. (eds.) The New Zealand Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2005.
15. Nokes J., Hay J. Acoustic Correlates of rhythm in New Zealand English: A diachronic study. In: Language Variation and Change. 2012. Vol. 24 (1). P. 1–31.
16. Vowell B. The English of Maori speakers: changes in rhythm over time and prosodic variation by topic. Unpublished Master's thesis. University of Canterbury. 2012.

REFERENCES

1. Kachru, Y., Smith, L. E. (2008). Cultures, contexts, and world Englishes. Routledge.
2. Torsuev, G. P. (1960). Voprosy akcentologii sovremennogo anglijskogo yazyka = Questions of accentology of modern English. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR.
3. Vassilyev, V. A. (1970). English phonetics: A theoretical course. Moscow: Higher School Publ. House.
4. Shahbagova, D. A. (1992). Foneticheskaya sistema anglijskogo yazyka v diahronii i sinhronii: (Na materiale britanskogo, amerikanskogo, avstralijskogo, kanadskogo variantov anglijskogo yazyka) = Phonetic system of the English language in diachrony and synchrony: (Based on the material of the British, American, Australian, Canadian versions of English). Moscow: Follis.
5. Shevchenko, T. I. (2021). English Word Stress in Long-Term Language Contact. Theoretical and applied linguistics, 7(2), 160–168. (In Russ.)
6. Shevchenko, T. I., Buraya, E.A. (2020). Word Stress in Five National Varieties of English: Rhythm Trends. Moscow University Philology Bulletin, 4, 65–79.
7. Buraya, E. A. (2016). Australian English Words-Stress in a Multicultural Society. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 1(740), 19–34. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest16-740z.pdf (In Russ.)
8. Burchfield, R.W. (ed.) (1994). The Cambridge history of the English language. Vol. V. English in Britain and Overseas: Origins and Development. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Crystal, D. (1996). The past, present and future of English rhythm. Changes in pronunciation (Special issue of Speak Out!, pp. 8–13). IATEFL.
10. Shevchenko, T. I. (2016). Sociofonetika: Nacional'naya i social'naya identichnost' v anglijskom proiznoshenii = Sociophonetics: National and Social Identity in English pronunciation. 2nd enlarged ed. Moscow: LENAND.
11. Shevchenko, T. I., Bezborodova, M. V., Buraya, E. A., Galochkina, I. E., Demina, M. A., Kartashevskaya, Yu. V., Kulikova, K. S. (2017). Mnogoobrazie kul'tur v angloyazychnyh stranah, otrazhennoe v yazyke i rechevom povedenii = Diversity of cultures in English-speaking countries reflected in language and speech behavior. Moscow: Moscow State Linguistic University.
12. Buraya, E. A., Shevchenko, T. I. (Eds.). (2020). Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya i rezul'taty = Methods of sounding speech analysis: new measurements and results. Dubna: Phoenix+.
13. Shevchenko, T., Pozdeeva, D. (2017). Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multi-Lingual Community. LNAI 10458 (pp. 221–232).
14. Deverson, T., Kennedy, G. (eds.). (2005). The New Zealand Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press.
15. Nokes, J., Hay, J. (2012). Acoustic Correlates of rhythm in New Zealand English: A diachronic study. Language Variation and Change, 24(1), 1–31.
16. Vowell, B. (2012). The English of Maori speakers: changes in rhythm over time and prosodic variation by topic. Unpublished Master's thesis. University of Canterbury.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борзых Анна Алексеевна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borzykh Anna Alexeyevna

Lecturer at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_32

Просодический ритм и гендерная дифференциация (на материале австралийского варианта английского языка)

Е. А. Бурая
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
helen812@list.ru

Аннотация. На материале австралийского варианта английского языка в работе предпринята попытка объединить в рамках одного эксперимента три из известных подходов к измерению ритма, а именно методики на Дельтах, на PVI и на периодах звонкости. Задачей исследования является проверка надежности этих методик путем сопоставления полученных данных, а также возможность их применения для проверки влияния гендерной принадлежность говорящего на ритм.

Ключевые слова: ритм, гендер, австралийский вариант английского языка, акустические корреляты ритма, метрики, PVI, Дельты, периоды звонкости

Для цитирования: Бурая Е. А. Просодический ритм и гендерная дифференциация (на материале австралийского варианта английского зыка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 32–40. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_32

Original article

Prosodic Rhythm and Gender Differentiation (on the material of Australian English)

Elena A. Buraya
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
helen812@list.ru

Abstract. The idea of the paper is to test through the example of Australian English within the scope of one study the validity of the three best-known approaches designed to quantify speech rhythm, namely, the methods based on the Deltas, on the PVIs and on voice timing. The paper also aims at finding out whether the gender factor has any influence on Australian English speech rhythm.

Keywords: rhythm, gender, Australian English, rhythm acoustic correlates, metrics, PVI, the Deltas, voice timing

For citation: Buraya, E. A. (2023). Prosodic Rhythm and Gender Differentiation (on the material of Australian English). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 32–40. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_32

ВВЕДЕНИЕ. АКУСТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ РИТМА

Самая известная классификация речевого ритма была разработана американским лингвистом К. Пайком и его британским последователем Д. Аберкромби [Pike, 1945; Abercrombie, 1967]. Основываясь исключительно на своих слуховых впечатлениях, авторы разделили языки на две группы: языки со слогосчитающим ритмом и языки с тактосчитающим ритмом.

В слогосчитающих языках повторяющимся элементом является слог, таким образом, все слоги в речи, ударные и безударные, являются равновеликими. В тактосчитающих языках через равные промежутки времени произносятся лишь ударные слоги.

В отличие от К. Пайка Д. Аберкромби считал, что распределение языков по двум группам является исключительно категориальным, существуют два и только два типа ритма, поэтому все языки мира должны принадлежать либо к одной категории, либо к другой.

Развитие компьютерных технологий позволило лингвистам создать программы, которые открывали новые возможности в исследовании речи, и дальнейшие исследования опровергли бинарный подход Пайка-Аберкромби. Эти исследования показали, что ритм можно рассматривать, как континуум. Кроме того, был выделен третий ритмический класс языков – морасчитающий, в которых каждая мора, единица подслогового уровня, произносится через равные промежутки времени.

На рубеже XX и XXI столетий было предложено несколько методик, которые, как полагают экспериментаторы, позволяют измерить ритм и установить ритмические различия между языками. Современным ритмологам хорошо известны эти подходы. Прежде всего, это исследование Ф. Рамуса и др. [Ramus et al., 1999]. Авторы разработали три параметра (metrics): 1) среднеквадратическое отклонение длительности вокалических интервалов, которое они обозначили, как ΔV. Этот параметр определяет степень редукции гласных в безударных слогах; 2) среднеквадратическое отклонение длительности консонантных интервалов, которое они обозначили, как ΔC. Величина параметра зависит от сложности структуры слога; и 3) доля вокалических интервалов во фразе, обозначенная как %V. В дальнейшем эти метрики получили название «Дельты». Авторы предложили рассматривать их как акустические корреляты ритма

Ф. Рамус и др. вычислили метрики для нескольких языков и поместили их значения на прямоугольную систему координат. Рисунок 1

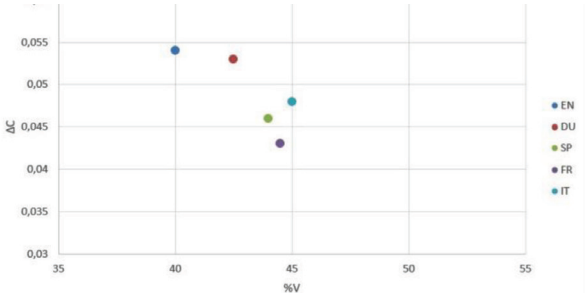


Рис. 1. Распределение языков на схеме (соотношение %V – ΔC)

демонстрирует результаты исследования Ф. Рамуса и др[1].

На схеме значения %V располагаются по оси *x*, а значения ΔV – по оси *y*. Авторы полагают, что соотношение %V – ΔV в наиболее наглядно показывает разделение языков на классы: английский язык (EN) соседствует с нидерландским (DU), а французский язык (FR) объединился с итальянским (IT) и испанским (SP). То есть, языки сгруппировались согласно их принадлежности к слого- или тактосчитающему классу.

Другой широко известный подход был предложен Э. Грабе и И. Лоу [Grabe, Low, 2002]. Их метод основан на применении индекса парной вариативности (Pairwise Variability Index – PVI), который определяется по формуле:

$$PVI = (\sum_{k=1}^{m-1} |d_k - d_{k+1}| / (m - 1),$$

где где m – это количество интервалов в высказывании, а d – длительность k-того интервала.

Индекс вычисляется отдельно для вокалических и консонантных сегментов и дает представление об их вариативности по длительности в соседних слогах. Кроме того, модификация формулы для вычисления вокалического PVI (nPVI) позволяет устранять индивидуальные различия говорящих по скорости речи. Авторы методики полагают, что показатель nPVI является более информативным, чем rPVI, консонантного индекса, и чем он выше, тем более тактосчитающим является язык.

Вычисления Э. Грабе и И. Лоу показали тенденции аналогичные результатам Ф. Рамуса и др. (рис. 2)[2] : немецкий, английский и нидерландский, тактосчитающие языки, образуют группу, которая располагается в верхней части схемы, а испанский и французский, слогосчитающие, локализуются ниже.

[1] Рисунок 1 – это модифицированная версия Figure 1, иллюстрирующая результаты Ф. Рамуса и др. [Rumus et al., 1999].

[2] Рисунок 2 – это модифицированная версия Figure 1, иллюстрирующая результаты Э. Грабе и И. Лоу [Grabe, Low, 2002].

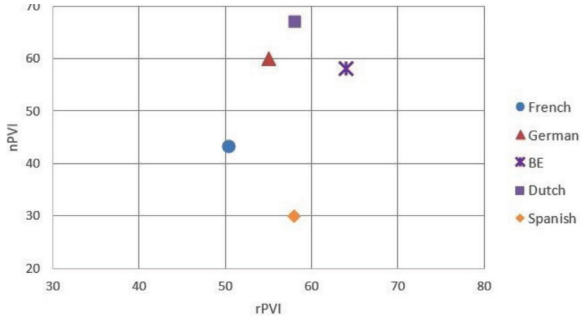


Рис. 2. Распределение языков на схеме (соотношение nPVI – rPVI)

Расположение языков на обеих схемах наглядно показало, что, хотя языки образуют две группы, тем не менее внутри каждой из групп они находятся на некотором расстоянии друг от друга, т. е. существует слабое различие внутри одной категории.

Далее авторы определили значения nPVI – rPVI для 18 языков и доказали, что ритмические различия между языками носят градиентный характер.

Затем Э. Грабе и И. Лоу решили сравнить свои результаты с результатами Ф. Рамуса и др. Для этого они вычислили %V и ΔC для 18 языков. И тут оказалось, что выводы, сделанные на основе разных методик, не всегда совпадают.

Вероятно, стоит согласиться с мнением Э. Грабе и И. Лоу, которые полагают, что их метод более объективен, чем метод Ф. Рамуса и др., так как позволяет устранить индивидуальные различия говорящих по темпу речи. Добавим, что опыты Р. Кумминг [Cumming, 2011] показали необходимость рассматривать ритм как просодическое явление, которое формируется всеми компонентами просодии – не только временными, но также высотными и силовыми. Поэтому, полагает она, Дельты и PVI измеряют только один из компонентов ритма и в силу этого не способны отразить регулярность, основанную на их комплексе. Представляется необходимым напомнить, что тезис о речевом риме как о сложном просодическом явлении был выдвинут А. М. Антиповой еще в 80-е годы XX столетия [Антипова, 1984]. Следует также упомянуть, что принцип использования всех компонентов просодии при анализе ритма был успешно применен в исследованиях Т. В. Сокоревой на материале американского варианта английского языка [Сокорева, 2020].

Новый подход к анализу речевого ритма Рамуса-Грабе означает концептуальный сдвиг в описании языков. К. Пайк и Д. Аберкромби считали, что тип ритма – это понятие категориальное, и все члены одной категории равны. Результаты Рамуса-Грабе предполагают градиентный характер различий, т. е. один язык может быть в большей или меньшей степени слого- или тактосчитающим, чем другой. При этом Э. Грабе и И. Лоу отмечают, что, хотя акустически ритмичность языков градиентна, их восприятие категориально.

Несмотря на то, что результаты исследований Ф. Рамуса и др. и Э. Грабе, И. Лоу разрушили представление о строго бинарном характере классификации ритмических классов, можно сказать, что их данные вполне согласуются с ритмической типологией Пайка-Аберкромби, так как языки, входящие, по их убеждению, в один класс, располагаются на схемах рядом.

Менее известна методика вычисления ритмических коррелятов, предложенная А. Фурчин и В. Делво [Fourcin, Dellwo, 2009], которая основана на вариативности периодов включения голоса (voice timing). В своих рассуждениях авторы опирались на опыты, проводимые с новорожденными [Nazzi et al., 1998], в которых было подмечено, что младенцы способны распознавать ритмические классы языков. Первоначальное ознакомление младенцев с речью происходит еще в перинатальный период, т. е. в утробе матери, и в такой ситуации, полагают авторы, звонкость является более заметной чертой, чем другие акустические свойства речевого сигнала.

В соответствии со своей гипотезой авторы отказались от вычисления предложенных ранее метрик, в основе которых лежит разделение речевого потока на гласные и согласные звуки, и предложили использовать качественно иной способ сегментации, а именно, на звонкие (voiced) и незвонкие (unvoiced) интервалы речевого сигнала. Разница заключается в том, что все гласные звуки наряду с аппроксимантами, носовыми и звонкими согласнымивходят в звонкие интервалы, и лишь глухие согласные составляют незвонкие сегменты. Подобное разграничение полностью основано на акустических свойствах речевого сигнала, а именно, на периодичности / апериодичности звуковых колебаний. Акустические свойства сегментов не всегда соответствуют своим фонологическим категориям, например, аппроксиманты в английском языке оглушаются перед глухими согласными. Эти несоответствия могут отражать специфику языка. Для определения звонких / незвонких интервалов достаточно снять показания ЧОТ и отметить интервалы с колебаниями F0, как «звонкие» (VO), а интервалы между ними – как «незвонкие» (UN).

А. Фурчин и В. Делво преобразовали метрики, разработанные Ф. Рамусом и др. [Ramus et al., 1999] и Э. Грабе, И. Лоу [Grabe, Low, 2002], в:

- %VO – доля звонких интервалов во фразе
- ΔUV – стандартное отклонение незвонких интервалов
- nPVI-VO – нормированный по скорости индекс парной вариативности звонких интервалов
- rPVI-UV – ненормированный по скорости индекс парной вариативности незвонких интервалов

Авторы методики вычислили долю звонких интервалов во фразе (%VO) и стандартное отклонение незвонких интервалов (ΔUV) для некоторых языков и сравнили свои данные с результатами, полученными Ф. Рамусом и др. Выяснилось, что параметры, указанные А. Фурчин и В. Делльво, привели к аналогичным тенденциям. Разница в подходах заключается, как полагают авторы, в меньшей трудоемкости, большей простоте и надежности.

Итак, в результате вычислений с использованием различных типов методик появляются некие величины, которые как бы олицетворяют ритм и которые можно рассматривать как его акустические корреляты. Их внедрение в дальнейшие исследования позволило лингвистам обосновать и подтвердить интуитивно ощущаемые различия в ритме различных языков.

В дальнейших исследованиях эти подходы были опробованы для определения ритмических особенностей других языков, различий между вариантами и диалектами одного языка, для описания особенностей ритма билингвов, для выявления степени влияния ритма родного языка на речь изучаемого.

РИТМ И ГЕНДЕР

Несмотря на то, что различия в речевом поведении мужчин и женщин стали интересовать лингвистов еще во второй половине XX столетия, гендерные особенности речевого ритма до недавнего времени практически не исследовались.

Дж. Ноукс и Дж. Хей провели диахроническое исследование новозеландского варианта английского языка и выявили гендерную зависимость: женские показатели nPVI оказались ниже мужских, т. е. женская речь в новозеландском английском является менее тактосчитающей [Nokes, Hay, 2012]. Однако в другом исследовании, также проведенном с привлечением новозеландского варианта, гендер говорящих не оказал влияния на ритм их речи [Szakay, 2006].

Анализ Дж. Ноукс и Дж. Хей выявил одну любопытную тенденцию. Оказалось, что новозеландцы говорят быстрее, чем представители других вариантов английского языка, и это приводит к нивелированию различий по длительности в соседних слогах. В результате значения nPVI понижаются. Но одновременно с уменьшением величины nPVI длительности в речи мужчин наблюдается увеличение значений PVI интенсивности, а в речи женщин – PVI высотного уровня.

Очевидно, что для сохранения контраста между ударными и безударными слогами при увеличении темпа выравнивание длительности соседних слогов компенсируется изменениями в других просодических параметрах, при этом мужчины и женщины используют разные стратегии: мужчины варьируют интенсивность, а женщины высотный уровень. Это наблюдение можно рассматривать как еще одно подтверждение того, что помимо длительности в анализ ритма необходимо включать и другие просодические параметры.

П. Коллиер [Callier, 2011] исследовал вопрос влияния гендера на ритм в китайском языке на материале телесериала. Результаты его анализа показали, что ритм мужских и женских персонажей различается.

Гендерные особенности речевого ритма изучались также на примере речи 8–10-летних детей, говорящих на языке каннада, одном из национальных языков Индии. Значения nPVI для мальчиков оказались выше, чем значения nPVI для девочек [Savithri et al., 2010], что говорит о более тактосчитающем характере речи мальчиков.

Как видно из данного обзора, исследования по гендерной дифференциации речевого ритма не только носят фрагментарный характер, но и являются противоречивыми.

Задачей настоящего исследования является проверка надежности каждой из трех методик путем сопоставления полученных результатов, а также определение гендерного влияния на ритм. Анализ проводился на материале австралийского варианта английского языка (AusE).

МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Исследовательский материал включает 20 реализаций одного и того же текста, начитанного носителями австралийского варианта английского языка, 10 мужчинами и 10 женщинами. Записи были взяты из архива сайта *accent.gmu.edu*. Каждый отрывок длится 50 с.

Сегментация речевого потока осуществлялась с применением программы Praat 6.1.01 [2019]. Для вычисления метрик использовалась программа Correlatore [Mariano, Romano, 2010], которая работает с файлами, аннотированными в Praat,

и автоматически вычисляет метрики на основе TextGrid file.

РЕЧЕВОЙ РИТМ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОЦЕНКА

Результаты по Дельтам

Напомним, что Ф. Рамус и его коллеги [Ramus et al., 1999] полагают, что соотношение показателей %V – ΔC наиболее наглядно отражает различия между языками в области речевого ритма. Чем выше показатель ΔC и ниже показатель %V, тем более тактосчитающим является язык. Поэтому вначале для каждого из 20 информантов были определены данные по %V и ΔC, которые затем были усреднены. Все результаты были нанесены на схему (рис. 3). Данные по %V расположены по оси *x*, а данные по ΔC – по оси *y*.

Полученные усредненные данные (%V = 42,2, ΔC= 5,4) были вставлены в схему Ф. Рамуса и др. [Ramus et al., 1999], показывающую расположение других языков (рис. 4).

Из рисунка следует, что AusE группируется с другими тактосчитающими языками, британским английским и нидерландским, будучи, однако, менее тактосчитающим, чем британский вариант. Для британского варианта показатель %V составляет 40,1 единицы против 42.2 единиц в AusE, а показатель ΔC равен 5,35 единицы против 5,4 единиц в AusE.

Напомним, что одной из задач настоящего исследования является решение вопроса, влияет ли гендерная принадлежность говорящего на ритм. Для этого были вычислены средние показатели для мужской и женской речи. Усредненная %V величина для мужской речи составляет 42,5 единиц против 41,8 единиц для женской речи, а усредненная ΔC величина составляет 5,3 единицы против 5,4 единиц для женской речи. Полученные данные были нанесены на схему (рис. 5).

Расположение полученных данных на схеме указывает на наличие незначительного гендерного различия. На схеме также видно, что женская AusE речь оказывается более тактосчитающей, чем мужская, так как она демонстрирует более низкий показатель для %V (41,8 vs 42,5) и более высокий показатель для ΔC (5,4 vs 5,3).

Результаты по PVI

Сначала для каждого из 20 говорящих были определены значения индексов PVI, нормированные

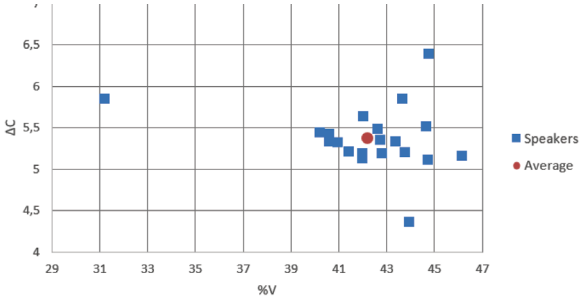


Рис. 3. Соотношение %V – ΔC для 20 AusE говорящих

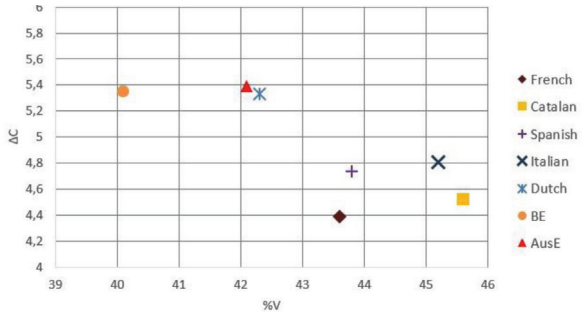


Рис. 4. Распределение AusE и других языков (соотношение %V – ΔC)

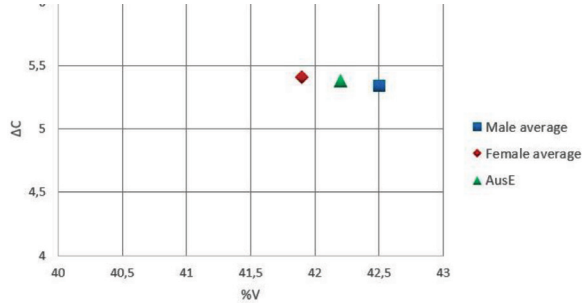


Рис. 5. Гендерные различия в AusE речи (соотношение %V – ΔC)

по темпу и скорости артикуляции, для вокалических сегментов (nPVI) и ненормированные для консонантных сегментов (rPVI). Затем были найдены их усредненные значения: nPVI составляет 57,9 единиц, а rPVI – 85,8 единиц. На рисунке 6 представлены результаты вычислений. Данные по nPVI расположены по оси *x*, а данные rPVI по оси *y*.

В распоряжении ритмологов имеются величины показателей индексов по другим вариантам английского языка: британскому (BE), сингапурскому (SE) [Grabe, Low, 2002], пакеха[1] и маорийскому[2]

[1] Так в Новой Зеландии называются жители европейского происхождения. По национальному составу это в основном потомки британцев. Пакеха английский, собственно, подразумевает новозеландскую национальную разновидность английского языка.

[2] Вариант английского языка, используемый образованными представителями маори – коренного населения Новой Зеландии.

[Szakay, 2006]. Таким образом, мы получаем возможность сравнить полученные нами результаты по AusE. Все имеющиеся данные были нанесены на схему (рис. 7).

Рисунок наглядно показывает, что британский, новозеландский и австралийский варианты образуют группу, что они имеют очень близкие, но все же различные показатели индексов. При этом показатель nPVI, который авторы методики считают более информативным, чем rPVI, оказывается для австралийского варианта несколько выше, нежели для британского (57,9 vs 57,2). Это означает, что австралийский вариант является более тактосчитающим, чем британский.

Значения nPVI для сингапурского и маорийского вариантов оказались значительно ниже. Известно, что нативизированные варианты английского языка являются менее тактосчитающими, так как подвержены влиянию слогосчитающих языков-субстратов [Fuch, 2016]. Для сингапурского английского таковыми являются, в частности, китайский и малайский. Малайский язык имеет значительно более низкие показатели nPVI (53,6), чем британский английский, а китайский язык оказался самым слогосчитающим из 18 языков (nPVI = 27,0), которые были проанализированы (Grabe, Low 2002), Язык коренного народа Новой Зеландии, маори, относят к мало изученному типу морасчитающих языков, что объясняет еще более низкие значения nPVI для маори английского.

Затем были усреднены и сопоставлены данные по мужским и женским голосам. Средний показатель nPVI для австралийцев-мужчин составил 55,8 единиц, и rPVI равен 82,1 единицы. Аналогичные данные по австралийкам составили 60,0 единиц для nPVI и 80,0 для rPVI. Результаты вычислений представлены на схеме (рис. 8).

Локализация значений nPVI – rPVI на схеме указывает на гендерную дифференциацию. Как вокалические, так и консонантные значения индекса различаются, при этом женская речь при более высоких показателях nPVI является более тактосчитающей, чем мужская.

Здесь необходимо отметить, что результаты по PVI вступают в противоречие с выводом раздела 4.1. Как отмечалось выше, вычисления, выполненные по методике Ф. Рамуса и др., указывают на то, что AusE является менее тактосчитающим вариантом, нежели британский, а согласно методике Э. Грабе и И. Лоу он оказался более тактосчитающим.

На наш взгляд, расхождение в данных не является критичным: обе методики показали результаты, очень близкие к британскому варианту. Степень отклонения в сторону более (согласно методу PVI) или менее (согласно методу по Дельтам) тактосчитающего

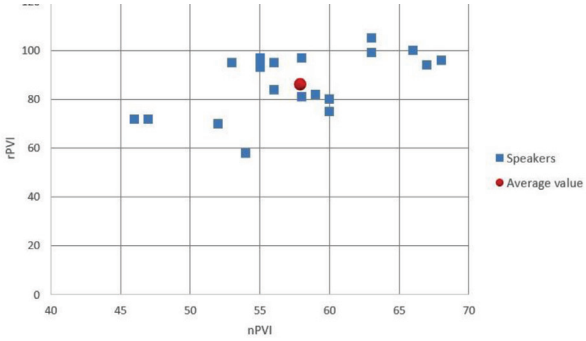


Рис. 6. Данные по PVI для 20 AusE говорящих

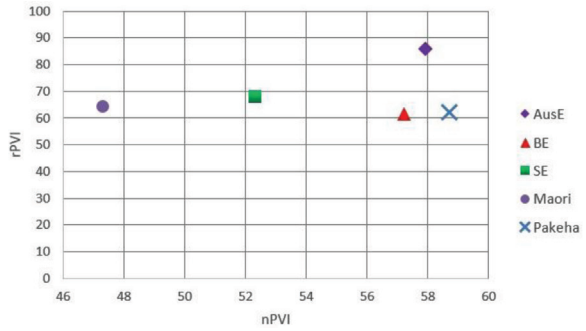


Рис. 7. Распределение вариантов английского языка (соотношение nPVI – rPVI)

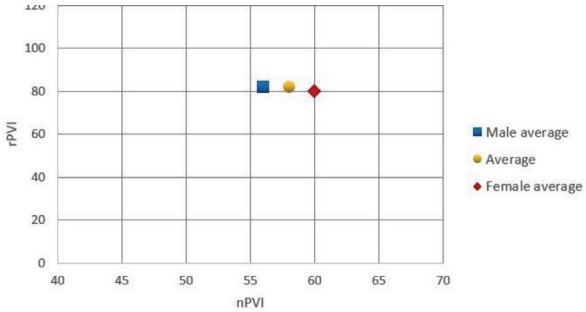


Рис. 8. Гендерные различия в AusE речи (соотношение nPVI – rPVI)

характера австралийского ритма относительно британского стандарта является минимальной. Бесспорной, однако, является необходимость использования в дальнейших исследованиях других компонентов просодии, высотного и силового.

Результаты по Дельтам и PVI, основанные на периодах включения голоса

В данном исследовании мы попытались аппробировать методику вычисления метрик, предложенную А. Фурчин и В. Делво [Fourcin, Dellwo, 2009]. Как было отмечено в разделе 1, авторы предложили качественно иной принцип сегментации

речевого потока, а именно деление на звонкие (VO) и незвонкие (UV) интервалы, которые вычисляются на основе показателей ЧОТ. Длительность звонких интервалов есть разница между двумя непрерывными маркерами ЧОТ, а длительность незвонких интервалов, соответственно, есть разница между периодами отсутствия ЧОТ в речевом сигнале.

Авторы этой методики, однако, не предоставили какие-либо данные по языкам, полученные при вычислениях метрик, согласно этому методу. Поэтому сравнение результатов по австралийской речи с результатами по иной англоязычной речи не представляется возможным. Однако мы попытались применить эту методику для выявления гендерной дифференциации.

Результаты по Дельтам

Сначала были определены величины параметров %VO и ΔUV для всех говорящих и вычислены их средние значения. Затем были усреднены данные отдельно по мужской и женской речи. Среднее значение %VO для мужской речи составляет 65,5 единиц против 60,3 единицы для женской речи, и среднее значение ΔUV для мужской речи достигает 5,2 единицы против 5,3 единицы для женской речи (рис. 9).

Расположение метрик на схеме говорит о наличии гендерных различий в австралийском ритме, а также свидетельствует о том, что женская речь оказывается более тактосчитающей, нежели мужская, так как ее средние %VO показатели выше, а ΔUV показатели ниже, нежели соответствующие величины для мужской речи.

Результаты по PVI

По той же процедуре вычислялись показатели PVI. Усредненная UV-PVI величина для мужской речи составила 74,4 единицы, а усредненная VO-PVI величина составила 63,8 единицы. Соответствующие метрики для женской речи набрали 67,2 и 74,5 единицы. Результаты этого этапа представлены на рисунке 10.

На схеме видно, что проекции звонких и незвонких показателей индекса различаются по гендерной принадлежности. Данные по VO-PVI для женской речи оказались выше, нежели для мужской, что свидетельствует о ее тенденции к более тактосчитающему типу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение ритмических акустических коррелятов, вычисленных по разным методикам: %V– ΔC, nPVI – rPVI, %VO – ΔUV и nPVI-VO – rPVI-UV, вычисленных для измерения ритма в AusE, а так же для определения влияния гендерного фактора на ритм привело к следующим результатам:

1. Как и ожидалось, AusE принадлежит к группе тактосчитающих языков. Значения его метрик – дельт и PVI – очень близки к соответствующим значениям для британского варианта. Тем не менее была отмечена противоположная тенденция: вычисления по методу, основанному на Дельтах, показали, что AusE является менее тактосчитающим вариантом, чем британский стандарт, а вычисления, основанные на PVI, определили его, как более тактосчитающий. Проблема нуждается в дальнейшей проработке, желательно с привлечением иных просодических параметров – высотных и силовых.
2. Гендерный фактор определенно влияет на речевой ритм в AusE. Женская речь в AusE является более тактосчитающей, чем мужская.
3. Применение трех различных методик для определения влияния гендерной принадлежности на ритм привело к сопоставимым результатам на каждом этапе исследования. Это свидетельствует о надежности применяемых методик, по крайней мере, для определения гендерной дифференциации.

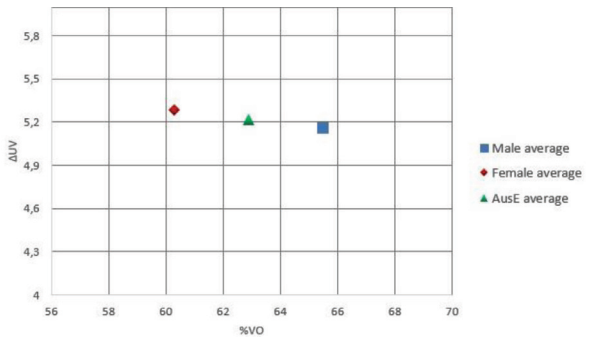


Рис. 9. Гендерные различия в AusE речи (соотношение %VO – ΔUV)

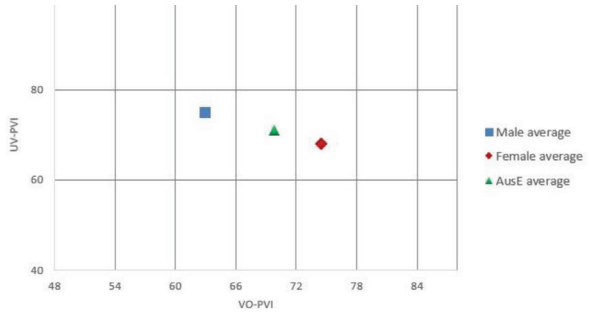


Рис. 10. Гендерные различия в AusE речи (соотношение UV-PVI – VO-PVI)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pike K. The Intonation of American English. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1945.
2. Abercrombie D. Elements of General Phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967.
3. Ramus F., Nespor M., Mehler J. Correlates of linguistic rhythm in the speech signal // Cognition. 1999. Vol. 73 (3). P. 265–292.
4. Grabe E., Low E. Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis // Gussenhoven C., Waner N. (eds): Papers in Laboratory Phonology. 2002. Vol. 7. P. 515–546.
5. Cumming R.E. The Language-Speciific Interdependance of Tonal and Durational Cues in Perceived Rhythmicality // Phonetica. 2011. Vol. 68 (1). P. 1–25.
6. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984.
7. Сокорева Т. В. Опыт применения статистических методов в анализе речевого сигнала // Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Дубна: Феникс +, 2020. С. 218–238.
8. Fourcin A., Dellwo V. Rhythmic classification of languages based on voice timing. 2009. URL: discovery.ucl.ac.uk>id/eprint/15122/1/15122.pdf
9. Nazzi Th., Bertoncini J., Mehler J. Language Discrimination by Newborns: Toward an Understanding of the Role of Rhythm // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1998. Vol. 24 (3). P. 756–766.
10. Nokes J., Hay J. Acoustic correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study // Language Variation and Change. 2012. Vol. 24 (1). P.1–31.
11. Szakay A. Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English // Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology / Warren P, Watson C. (eds.). 2006. P. 421– 426.
12. Callier P. Social Meaning in Prosodic Variability // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2011. Vol. 17 (1). P. 41–50.
13. Savithri S. R., Sreedevi N., Kavya V. Speech Rhythm in Kannada Speaking Children // Journal of the All India Institute of Speech & Hearing. 2010. Vol. 29 (2). P. 175–180.
14. Praat: doing phonetics by computer. 2019. URL: http://www.fon.hum.uva.nl>
15. Mariano P., Romano A. Un confront tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore / Schmid S., Schwarzenbach M., Studer D. (Eds.) La dimensione temporal del parlato (Proc. of the V National AISV Congress). 2010. P. 79–100. University of Zurich, Collegiengebaude, 4–6 February, Torriana (RN): EDK.
16. Fuch R. Speech Rhythm in Varieties of English. Evidence from Educated Indian English and British English. Springer, 2016.

REFERENCES

1. Pike, K. (1945). The Intonation of American English. Ann Arbor: University of Michigan Press.
2. Abercrombie, D. (1967). Elements of General Phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Ramus, F., Nespor, M, Mehler, J. (1999). Correlates of linguistic rhythm in the speech signal. Cognition, 73(3), 265–292.
4. Grabe, E., Low, E. (2002). Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis. Gussenhoven C., Waner N. (eds): Papers in Laboratory Phonology 7, 515–546.
5. Cumming, R. E. (2011). The Language-Speciific Interdependance of Tonal and Durational Cues in Perceived Rhythmicality. Phonetica, 68(1), 1–25.
6. Antipova, A. M. (1984). Ritmicheskaya sistema anglijskoj rechi = The rhythmic system of English speech. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Sokoreva, T. V. (2020). Opyt primeneniya statisticheskih metodov v analize rechevogo signala = Experience in the application of statistical methods in speech signal analysis. In Buraya, E. A., Shevchenko, T. I. (eds.), Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya i rezul'taty. Dubna: Feniks +, 218 – 238. (In Russ.)
8. Fourcin, A., Dellwo, V. (2009). Rhythmic classification of languages based on voice timing. URL: discovery.ucl.ac.uk>id/eprint/15122/1/15122.pdf
9. Nazzi, Th., Bertoncini, J., Mehler, J. (1998). Language Discrimination by Newborns: Toward an Understanding of the Role of Rhythm . Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 24 (3), 756–766.
10. Nokes, J., Hay, J. (2012). Acoustic correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study . Language Variation and Change, 24 (1), 1–31.

11. Szakay, A. (2006). Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English. In Warren P, Watson C. (eds.), Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology (pp. 421–426).
12. Callier, P. (2011). Social Meaning in Prosodic Variability. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics, 17(1), 41–50.
13. Savithri, S. R., Sreedevi, N., Kavya, V. (2010). Speech Rhythm in Kannada Speaking Children. Journal of the All India Institute of Speech & Hearing, 29(2), 175–180.
14. Praat: doing phonetics by computer (2019). http://www.fon.hum.uva.nl>
15. Mariano, P., Romano, A. (2010). A. Un confront tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore. In Schmid S., Schwarzenbach M., Studer D. (eds.), La dimensione temporal del parlato (pp. 79–100): Proc. of the V National AISV Congress. University of Zurich, Collegiengebaude, 4–6 February, Torriana (RN): EDK.
16. Fuch, R. (2016). Speech Rhythm in Varieties of English. Evidence from Educated Indian English and British English. Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурая Елена Анисимовна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buraya Elena Anisimovna
PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_41

Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса)

И. Д. Генделев[1,2], **Н. Б. Цибуля**[3]

[1]*Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Россия, elijah011@mail.ru*
[2,3]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[3]*cybnb@mail.ru*

Аннотация. В статье на материале страноведческого дискурса рассматриваются особенности корреляции просодии и акцентирующих жестов в общении носителей английской и американской культур. В частности, исследуются жесты рук и головы, поза, направление взгляда, движение бровей и улыбка. Приводятся результаты сопоставительного анализа кинесических профилей представителей обеих стран. Выделенные тенденции взаимодействия акцентирующих жестов и просодических показателей свидетельствуют об их тесной взаимосвязи.

Ключевые слова: просодия, жесты-иллюстраторы, страноведческий дискурс, межкультурное общение

Для цитирования: Генделев И. Д., Цибуля Н. Б. Корреляция просодических характеристик и акцентирующих жестов в межкультурном общении (на материале британского и американского страноведческого дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С.41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_41

Original article

Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Communication (based on British and American cross-cultural discourse)

Ilya D. Gendelev[1,2], **Nadezhda B. Tsibulya**[3]

[1]*University of Science and Technology MISIS Moscow, Russia, elijah011@mail.ru*
[2,3]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[3]*cybnb@mail.ru*

Abstract. The article looks into the specifics of correlation between prosodic means and accentuating gestures in cross-cultural discourse between English and American speakers. The study provides a comparative analysis of their kinesic profiles. Closely scrutinised are hand and head gestures, posture, gaze, eyebrow movement and smile. Singled out tendencies in the interrelationship of accentuating gestures and prosodic parameters testify to the tight interconnection between prosody and nonverbal means.

Keywords: prosody, gestures-illustrators, cross-cultural discourse, intercultural communication

For citation: Gendelev, I. D., Tsibulya, N. B. (2023). Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Communication (based on British and American cross-cultural discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 41–47. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_41

ВВЕДЕНИЕ

Процесс коммуникации определяется правилами речевого и невербального поведения, особенно в межкультурном общении. Изучение просодии и невербалики в русле мультимодальной лингвистики вносит значительный вклад в понимание межкультурного общения как взаимодействия хранителей различных культурных кодов, что обусловливает *актуальность* работы.

Целью эксперимента является изучение жестов-иллюстраторов и их корреляции с просодией в процессе кросскультурного диалога представителей английской и американской культур. В частности, исследуются *жесты руки и головы*, *телодвижения*, *смена позы*, а также *направление взгляда, движение бровей, улыбка* и их соотношение с показателями частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности звукового сигнала (ИЗС).

Конкретными *задачами* являются:

1. Рассмотрение особенностей межкультурного общения и основных областей изучения невербального общения.
2. Исследование корреляции просодии и акцентирующих жестов.
3. Определение частотности использования кинесических единиц.
4. Сопоставительный анализ и выявление кинесических профилей представителей английской и американской культур.

Междисциплинарное обсуждение проблемы межкультурного взаимодействия в ракурсе корреляции просодии и невербального поведения говорящих определяет *новизну* работы.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОБЩЕНИЯ

Понятие *межкультурная коммуникация* впервые используется во второй половине XX века в работе Д. Трэгера и Э. Холла «Culture as communication: A model and analysis» [Trager, Hall, 1954]. Позже Э. Холл развивает идею о взаимозависимости коммуникации и культуры, где он впервые говорит о проблеме межкультурной коммуникации на уровне научного исследования [Hall, 1959].

Наряду с термином «коммуникация» в современном исследовательском дискурсе используется термин «общение». В нашей работе они используются как синонимичные [Цибуля, 2020].

Межкультурная коммуникация характеризуется рядом специфических черт, среди которых можно выделить следующие:

- *участие как минимум двух представителей различных культур*, которые идентифицируют себя и других коммуникантов на основе культурных отличий;
- *в общении индивидов отражается коммуникативный стиль культуры*. При этом особую роль играет ценностный аспект: всё, что создано человеком – как материальное, так и духовное, – является частью культуры, равно как и общение, будучи неотъемлемой составляющей бытия человека;
- процесс межкультурного взаимодействия обусловлен соотношением *нормативно-ценностных систем* и *созависимостью элементов* контактирующих культур.

Таким образом, рассмотренные особенности межкультурной коммуникации во многом определяют непосредственное взаимодействие ее участников, что необходимо учитывать при анализе невербального поведения и его соотношения с просодией.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЛАСТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Проблема невербального общения вызывает всё больший интерес со стороны научного сообщества, что объясняется двумя основными причинами. Во-первых, человеческая коммуникация никогда не протекает исключительно в вербальной форме, а всегда сопровождается невербальными компонентами. Во-вторых, согласно исследованиям А. Мейерабиана и других ученых, в передаче информации имеет место преобладание невербальных и интонационных сигналов над словесным сообщением [Argyle, Dean, 1965; Mehrabian, 1971; Hsee, Hatfield, Chemtob, 1992].

Традиционно выделяются такие области исследования невербального общения, как:

- *кинесика*, родоначальником которой является американский антрополог Р. Бердвистелл, изучает жесты, мимику, позы и телодвижения человека [Birdwhistell, 1968]; в рамках кинесики выделяют *гаптику* – исследование прикосновений в процессе общения – и *окулесику*, изучающую установление и поддержание *зрительного контакта*;
- *проксемика* – область науки, разработанная Э. Холлом, – исследует взаиморасположение собеседников в пространстве.

Большая заслуга в изучении жестов и мимики принадлежит П. Экману и У. Фризену. Они выделяют пять типов жестов: эмблемы, иллюстраторы,

регуляторы, аффективы и адапторы [Ekman, Friesen, 1969].

Эмблемы имеют четкую вербальную формулировку и понимаются всеми членами общества.

Жесты-иллюстраторы сопровождают и дополняют вербальное сообщение. Функционально они используются для описания объемов и очертаний предметов [Ekman, Friesen, 1969], а также моделирования абстрактных понятий [Цибуля, 2015]. *Акцентирующие жесты* (подвид жестов-иллюстраторов) коррелируют с ритмом высказывания и фразовым ударением, подчеркивая семантически важные слова.

Адапторы – неосознанные движения, направленные на самого́ говорящего или на манипуляцию предметами.

Регуляторы структурируют процесс общения, маркируя начало, продолжение или конец сообщения (англ. *turn-taking*).

Аффективы выражают эмоции говорящего [Ekman, Friesen, 1969].

Ярко-выраженная корреляция просодии с *жестами-иллюстраторами* позволяет выдвинуть гипотезу об их важной роли в процессе межкультурного общения [Цибуля, 2015].

ЭКСПЕРИМЕНТ

Материалом исследования является страноведческий дискурс – документальный телесериал BBC «Stephen Fry in America», который описывает путешествия известного английского актера Стивена Фрая по штатам США. Отобранный материал представлен спонтанной речью носителя стандартного английского произношения *Received Pronunciation*, а также носителей американского произносительного стандарта *General American*.

В данной статье описываются результаты анализа первого эпизода. *Узкий корпус* исследования составил 4 минуты 16 секунд; *широкий корпус* – около 120 минут.

В эксперименте использовались *методы* аудитивного, визуального, акустического и комплексного сопоставительного анализа.

В рамках исследования применялись компьютерные программы для цифровой обработки речевого сигнала: Praat, версия 6.2.03; Microsoft Photos (Video Editor), версия 2022.31060.30005.0; Sound Forge, версия 9.0. Рассмотрение акцентирующих жестов и их корреляции с просодическим оформлением высказывания проводилось с помощью приложения VLC media player, версия 3.0.8, посредством воспроизведения фрагментов на различной скорости.

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРОСОДИИ И АКЦЕНТИРУЮЩИХ ЖЕСТОВ

Рассмотрим несколько примеров.

1. Героиня объясняет С. Фраю различия между понятиями *wicca* и *witchcraft*:

   Erm… wicca has become a colloquialism | erm… meaning witchcraft. ||

   В первой синтагме слова *wicca* и *colloquialism* выделяются ЧОТ и ИЗС. На невербальном уровне эти слова акцентируются жестом левой руки, резким поднятием правой и кивком. Во второй синтагме слово *meaning* выделяется с помощью ЧОТ, а *witchcraft* – посредством ЧОТ и ИЗС, что коррелирует с жестами руки и головы.
   При произнесении респондентом слова *wicca* Стивен резко отстраняется, тем самым увеличивая коммуникативное расстояние. Однако затем, реагируя на слово *colloquialism*, он кивает головой и сокращает дистанцию. Его движения совпадают с ритмом фразы, произнесенной героиней, и свидетельствуют о процессе зеркалирования.

2. Стивен беседует с командиром подводной лодки. На вопрос о средней продолжительности погружения офицер отвечает:

   Six… | between six and eight months. ||

   Слова *six* и *months* являются ключевыми и выделяются ЧОТ и ИЗС. На невербальном уровне эти слова акцентируются движениями руки, головы и тела, а также сопровождаются выразительной мимикой – респондент щурит глаза и морщит нос при произнесении *six*, подчеркивая тем самым длительность погружения подлодки. Невербальное поведение С. Фрая характеризуется зеркалированием – при произнесении собеседником *months* Стивен прищуривает глаза, имитируя его мимику.
   Рассмотрим ответное высказывание С. Фрая:

   Six and eight months? ||

   Выраженная корреляция между показателями ЧОТ и ИЗС при произнесении слова *months* и невербальным поведением: акцентирующий жест обеих рук, головы, изменение положения тела и прищуривание – свидетельствует о крайней степени удивления.

3. С. Фрай спрашивает леди Чарльз:

   What were they called, the upper…? ||

   Слова *what* и *upper* выделены ИЗС и акцентирующими движениями рук, головы и тела. С. Фрай также прищуривается, стараясь вспомнить подходящее слово. Одновременно он сокращает дистанцию между собой и леди, что является показателем заинтересованности. Согласно исследованию А. Мейерабиана, приближение к партнеру означает интерес и позитивное отношение [Mehrabian, 1971].
   На вопрос С. Фрая леди Чарльз отвечает:

   Because that's what Mrs. Astor's | ballroom in New York could hold. ||

   Слова *what*, *Mrs.* и *Astor's* акцентируются с помощью ИЗС и подчеркиваются движениями руки и головы.
   Во второй синтагме слово *ballroom* выделяется ЧОТ и ИЗС, а *hold* – посредством ЧОТ. Оба слова сопровождаются акцентирующим движением руки. Таким образом, в слове *hold* наблюдается корреляция типа «ЧОТ + жест», что совпадает с ядерным тоном.

4. Актер, играющий роль А. Линкольна, говорит:

   Well, | I wanted to go back to where we'd started | 87 years ago | in Philadelphia. ||

   Слово *well* выделяется ЧОТ, ИЗС и акцентирующим движением руки. Одновременно актер уменьшает коммуникативное расстояние и опускает взгляд.
   Слова *where*, *started*, *eighty* и *Philadelphia* выделяются ЧОТ и ИЗС и подчеркиваются движениями рук и головы. В словах *years* и *ago* наблюдается корреляция типа «ЧОТ + жест» с локализацией пика в ядерном тоне.

ТЕНДЕНЦИИ КОРРЕЛЯЦИИ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В СТРАНОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Выявленные в ходе эксперимента тенденции корреляции просодии и невербалики представлены на рисунке 1.

Так, представители английской и американской культур демонстрируют взаимодействие ЧОТ и ИЗС с кинесическими средствами в 51 % случаев от общего числа выявленных корреляций. Полученные результаты свидетельствуют о тесной взаимосвязи между показателями просодии и невербаликой и встречаются с одинаковой частотностью в речи представителей обеих культур.

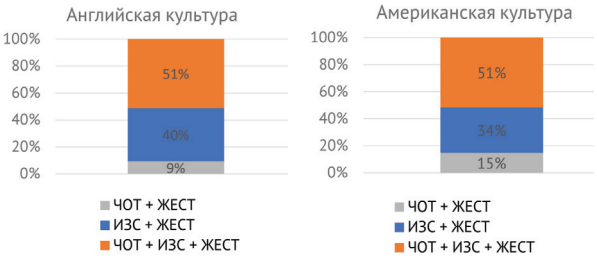


Рис. 1. Тенденции корреляции просодических показателей и невербальных средств в страноведческом дискурсе

Менее распространенным оказывается соотношение кинесических средств с показателями ИЗС. В речи англичанина подобный тип корреляции наблюдается несколько чаще (40 %), чем в речи американцев (34 %). Соотношение невербальных средств только с показателями ЧОТ выявлено в 15 % случаев у американцев и в 9 % – у представителя английской культуры. Подобный тип корреляции совпадает с ядерным тоном высказывания.

ЧАСТОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИНЕСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТРАНОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Согласно задачам исследования был проведен анализ кинесических единиц, коррелирующих с просодическими показателями, с целью выявления тенденций их использования представителями двух культур. Для анализа были выбраны следующие кинемы: *жест руки, головы, телодвижение, смена позы, направление взгляда на собеседника, движение бровей* (*подняты / нахмурены*), *улыбка*. Расчет производился в зависимости от наличия кинесических средств в одной синтагме в процентном отношении к общему количеству синтагм, произнесенных обоими говорящими в каждой сцене. Результаты исследования представлены на рисунке 2.

КИНЕСИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУР

В результате проведенного анализа были выявлены кинесические профили представителей двух культур.

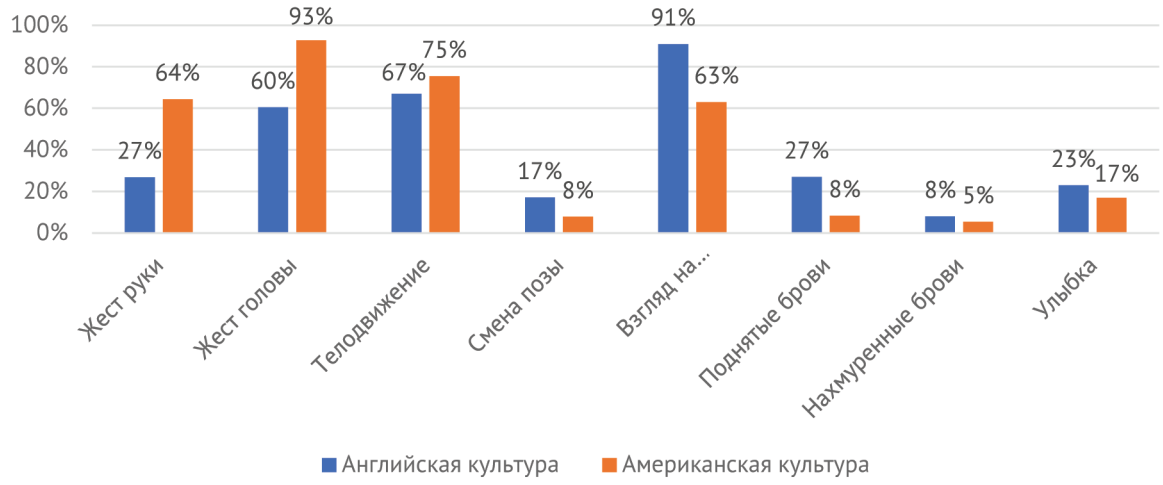


Рис. 2. Частотность использования кинесических единиц в страноведческом дискурсе

1. *Кинесический профиль представителя английской культуры* характеризуется высоким уровнем использования таких жестов-иллюстраторов, как жест головы и телодвижение (наблюдаются в 60–67 %). Важно отметить, что среди жестов головы наиболее распространенным является кивок, что обусловливается прагматической ролью говорящего – его намерением расположить к себе собеседника, создать благоприятные условия для беседы. При этом кивки сопровождаются телодвижениями, что усиливает выделение слов и создает эмфатический эффект. Жесты рук используются реже (27 %).

Взгляд на собеседника наблюдается в 91 % случаев. С одной стороны, это обусловлено функционально, поскольку, как показывают исследования, слушающий чаще смотрит на собеседника, чем говорящий [Kendon, 1967; Cummins, 2012; Jokinen et al., 2013; Ho et al., 2015]. С другой стороны, более длительный визуальный контакт является общепринятым в рамках английской культуры, демонстрируя интерес, вовлеченность, вежливое отношение к говорящему [Hall, 1969].

Кинема «поднятые брови» (27 %), с одной стороны, выражает искренний интерес, а с другой – является маркером удивления [Корлыханова, 2000]. Нахмуренные брови (8 %) – менее распространенный мимический сигнал – указывает на сосредоточенность и задумчивость.

Улыбка представителя английской культуры сопровождает 23 % синтагм, выражает интерес и искреннее отношение С. Фрая к обсуждаемой теме.

Смена позы (17 %) наблюдается преимущественно в положении стоя, либо в тех случаях, когда Стивен увеличивает или сокращает коммуникативную дистанцию, демонстрируя позитивное или негативное отношение к обсуждаемой теме.

Кинесический профиль представителей американской культуры: наиболее частотным является кивок – жест, который сопровождает 93 % проанализированных синтагм и выполняет контактоустанавливающую функцию. Посредством кивка представители американской культуры выражают не только интерес и готовность продолжать общение, но также демонстрируют ожидание поддержки и понимания со стороны слушающего.

Помимо кивка, распространенными являются телодвижения (75 %) и жесты руки (64 %).

Зрительный контакт возникает в 63 % случаев, в основном во время восприятия информации. Как известно, отсутствие визуального контакта помогает говорящему сосредоточиться и более точно выразить мысль. С другой стороны, в общении у американцев не принято пристально смотреть на собеседника – их «скользящий» взгляд часто переходит на окружающие предметы [Hall, 1969].

Наименее частотными оказались мимические сигналы: улыбка (17 %), поднятые брови (8 %), нахмуренные брови (5 %), а также смена позы (8 %).

Сопоставительный анализ английского и американского кинесических профилей свидетельствует о тенденции к превалированию акцентирующих жестов головы, тела и руки (в порядке убывания) в речи представителей американской культуры, что обусловлено их функцией в общении (говорящий) и культурными особенностями. С другой стороны, в невербальном поведении англичанина движения тела, головы и руки (по убыванию) используются реже, что определяется культурной

спецификой общения англичан. При этом на невербальном уровне также отражены такие требования к ведущему, как эмпатия, внимание к речи партнера и естественная реакция на его высказывания. С этой целью С. Фрай дольше смотрит на собеседника, чем его американские респонденты, чаще использует улыбку и кинему «поднятые брови». Различия в длительности взгляда обусловливаются культурными особенностями общения и функциональной ролью его участников (слушающий / говорящий).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно результатам исследования можно сделать следующие обобщения о корреляции просодических и кинесических средств в межкультурном общении.

1. Симультанная корреляция типа «ЧОТ + ИЗС + жест» характерна для речи представителей как английской, так и американской культур (51 % *vs.* 51 %).
2. Соотношение типа «ИЗС + жест» наблюдается несколько чаще в речи представителя английской культуры (40 % vs. 34 %).
3. Наименее частотной является корреляция типа «ЧОТ + жест» с локализацией пика ЧОТ в ядерном тоне. Данный тип больше характерен для представителей американской культуры (15 % vs. 9 %).
4. Англичанин использует такие кинемы, как: «взгляд на собеседника», «телодвижение», «жест головы», «поднятые брови», «жест руки», «улыбка», «смена позы» (по убыванию частотности).
5. Для представителей американской культуры характерны следующие кинемы: «жест головы», «телодвижение», «жест руки», «взгляд на собеседника», «улыбка» (по убыванию частотности).
6. Значительные различия в использовании кинесических средств представителями двух культур наблюдаются в частотности использования жестов руки и головы, смены позы, поддержания зрительного контакта и движения бровей.
7. Указанные расхождения в употреблении жестовых единиц и их корреляции с просодией обусловлены особенностями каждой из культур, а также функциональной ролью ее представителей: слушающий / говорящий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis // Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. № 3. P. 137–149.
2. Hall E. The Silent Language. New York: Anchor Books Editions, 1959.
3. Цибуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения: монография. М.: Гнозис, 2020.
4. Argyle M., Dean J. Eye Contact, Distance and Affiliation // Sociometry. 1965. Vol. 28. № 3. P. 289–304.
5. Mehrabian A. Silent Messages. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, Inc, 1971.
6. Hsee C. K., Hatfield E., Chetmob C. Assessments of the Emotional States of Others: Conscious Judgements Versus Emotional Contagion // Journal of Social and Clinical Psychology. 1992. Vol. 11. № 2. P. 119–128.
7. Birdwhistell R. Kinesics // International Encyclopedia of the Social Sciences / ed. by D. L. Sills, R. K. Merton. 1968. P. 379–385.
8. Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica. 1969. № 1. P. 49–98.
9. Цибуля Н. Б. Динамический аспект жестов и просодии (на материале британского и американского вариантов английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 22 (733). С. 162–169.
10. Kendon A. Some Functions of Gaze-direction in Social Interaction // Acta Psychologica. 1967. Vol. 26. № 1. P. 22–63.
11. Cummins F. Gaze and Blinking in Dyadic Conversation: A Study in Coordinated Behaviour among Individuals // Language and Cognitive Processes. 2012. Vol. 27. № 10. P. 1525–1549.
12. Jokinen K., Furukawa H., Nishida M., Yamamoto S. Gaze and Turn-taking Behavior in Casual Conversational Interactions // ACM Transactions on Interactive Intelligent Systems. 2013. Vol. 3. № 2. P. 1–30.
13. Ho S., Foulsham T., Kingstone A. Speaking and Listening with the Eyes: Gaze Signaling during Dyadic Interactions // PloS one. 2015. Vol. 10. № 8. DOI https://doi.org/10.1371/journal.pone.0136905
14. Hall E. The Hidden Dimension. New York: Anchor Books Editions, 1969.

15. Корлыханова Е. Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств выражения эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. М., 2000.

REFERENCES

1. Trager, G., Hall, E. (1954). Culture as Communication: A Model and Analysis. Explorations: Studies in Culture and Communication, 3, 137–149.
2. Hall, E. (1959). The Silent Language. New York: Anchor Books Editions.
3. Cibulya, N. B. (2020). Oblasti issledovaniya neverbal'nyh sredstv obshcheniya = Fields of nonverbal studies: monograph. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
4. Argyle, M., Dean, J. (1971). Eye Contact, Distance and Affiliation. Sociometry, 28(3), 289–304.
5. Mehrabian, A. (1971). Silent Messages. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company, Inc.
6. Hsee, C. K., Hatfield, E., Chetmob, C. (1992). Assessments of the Emotional States of Others: Conscious Judgements Versus Emotional Contagion. Journal of Social and Clinical Psychology, 11(2), 119–128.
7. Birdwhistell, R. (1968). Kinesics. In D. L. Sills, R. K. Merton (eds.), International Encyclopedia of the Social Sciences (pp. 379–385).
8. Ekman, P., Friesen, W.V. (1969). The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage, and Coding. Semiotica, 1, 49–98.
9. Tsibulya, N. B. (2015). Dynamic Aspect of Gestures and Prosody (on the material of British and American English). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 22(733), 162–169. (In Russ.)
10. Kendon, A. (1967). Some Functions of Gaze-direction in Social Interaction. Acta Psychologica, 26(1), 22–63.
11. Cummins, F. (2012). Gaze and Blinking in Dyadic Conversation: A Study in Coordinated Behaviour among Individuals. Language and Cognitive Processes, 27(10), 1525–1549.
12. Jokinen, K., Furukawa, H., Nishida, M., Yamamoto, S. (2013). Gaze and Turn-taking Behavior in Casual Conversational Interactions. ACM Transactions on Interactive Intelligent Systems, 3(2), 1–30.
13. Ho, S., Foulsham, T., Kingstone, A. (2015). Speaking and Listening with the Eyes: Gaze Signaling during Dyadic Interactions. PloS one, 10(8). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0136905
14. Hall, E. (1969). The Hidden Dimension. New York: Anchor Books Editions.
15. Korlyhanova, E. L. (2000). Vzaimodejstvie prosodicheskih i kinesicheskih sredstv v vyrazhenii emocional'nyh znachenij radosti, gneva, udivleniya v scenicheskoj rechi (na materiale anglijskogo yazyka) = Correlation of prosodic and kinesic means in the expression of emotional meanings of joy, anger, surprise in theatrical speech (on the material of the English language): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Генделев Илья Дмитриевич
аспирант кафедры фонетики английского языка
Московского государственного лингвистического университета
ассистент кафедры иностранных языков и коммуникационных технологий университета МИСИС

Цибуля Надежда Борисовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка,
Заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gendelev Ilya Dmitrievich
Postgraduate student of the Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University,
Lecturer at the Department of Foreign Languages and Communication Technologies, MISIS University

Tsibulya Nadezhda Borisovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language,
Professor Emeritus of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_48

Модели взаимодействия собеседников по высотно-диапазональному параметру в дружеской беседе

А. В. Горбылева[1], **Т. И. Шевченко**[2]

[1]*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия*
nastyagorbyleva@gmail.com
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
tatashevchenko@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается механизм взаимной адаптации собеседников в диалоге посредством конвергенции высотных и диапазональных показателей. Пунктами сближения оказываются слова, которые встречаются в речи каждого участника. Они отражают тематическое и просодическое единство диалога, которое реализуется как межличностное и даже межгендерное взаимодействие. Три модели взаимодействия структурно различны, в то время как конвергенция является их общей характеристикой.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, диалог, взаимодействие, аккомодация, конвергенция

Для цитирования: Горбылева А. В., Шевченко Т. И. Модели взаимодействия собеседников по высотно-диапазональному параметру в дружеской беседе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 48–54. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_48

Original article

Friendly Talk-in-Interaction Models Based on Pitch and Pitch Range Parameters

Anastasia V. Gorbyleva[1], **Tatiana I. Shevchenko**[2]

[1]*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*
nastyagorbyleva@gmail.com
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
tatashevchenko@mail.ru

Abstract. The study reveals the mechanism of speakers’ mutual adaptation in a dialogue by means of pitch and pitch range convergence. The points of convergence are constituted by lexemes, which coincide in both speakers’ outputs. They reflect the thematic and prosodic unity of the dialogue, which manifests itself in interspeaker including intergender interaction. The three models of interaction show structural variance, convergence being their common feature.

Keywords: American English, dialogue, interaction, accommodation, convergence

For citation: Gorbyleva, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Friendly Talk-in-Interaction Models Based on Pitch and Pitch Range Parameters. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 48–54. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_48

ВВЕДЕНИЕ

Явление взаимной адаптации собеседников в диалоге, которое по определению известного английского лингвиста Д. Кристалла [Crystal, 1999], можно считать самым выдающимся открытием лингвистики XX века, по-разному проявляется на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Результатом процесса аккомодации считается конвергенция, которая проявляется в повторах синтаксических структур, лексических единиц и фонетических характеристик речи двух собеседников в процессе диалога. Лабораторные эксперименты методом «теневого повтора» фразы (shadowing experiment) [Babel, 2012; Goldinger, 1998], повторов при выполнении задач по дорожной карте [Pardo, 2006] и записи переговоров двух участников компьютерных игр [Levitan, Hirshberg, 2011], работающих с разных компьютеров, потребовали от участников приближения их просодических показателей. Однако изучение неподготовленной речи представляет собой новую и более сложную задачу выявления сближения участников беседы в естественных условиях без предварительной программы структурированного дискурса. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы найти релевантные признаки сближения показателей участников дружеской беседы, основанной на высотных и диапазональных измерениях.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили диалоги Корпуса разговорной американской речи университета Санта-Барбара (Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech) [Du Bois et al., 2000], состоящего из 60 записей спонтанной естественной речи. В подавляющем большинстве случаев представлена личная, очная беседа двух или более людей. Корпус оснащен аннотациями согласно социальным факторам собеседников, таких как гендер, возраст, штат происхождения, уровень образования, профессия и этническая принадлежность (белый, черный, чикано, индейское племя Кроу, латиноамериканцы). В целях сохранения анонимности собеседников, личные имена и любая другая информация, потенциально способная привести к идентификации личности, были изменены.

МЕТОДОЛОГИЯ

Экспериментальный анализ включал в себя три этапа: составление корпуса опорных слов-подхватов, электронно-акустический и математико-статистический.

На первом этапе эксперимента было необходимо выполнить вербальный анализ текстов – транскрипций диалогов, выполненных составителями корпуса. Данный этап заключался в поиске слов-подхватов – лексем первого собеседника (А), повторяющихся в ответных репликах второго участника диалога (Б).

На данном этапе метод вербального анализа текста был применен к отобранному корпусу (12 диалогов, 24 говорящих) общей длительностью четыре часа. В диалоге у каждого из двух собеседников, в начале, середине и конце диалога были выявлены повторяющиеся ключевые слова-подхваты, связанные с обсуждаемой темой беседы. Выбор данных лексических единиц объясняется тем, что оба собеседника произносят их через короткие промежутки времени в течение диалога [Горбылева, 2019]. С целью определения степени конвергенции в ходе взаимодействия говорящих, в каждом диалоге было выделено от восьми до 11 повторяющихся слов, в сумме 107 слов-подхватов.

Вторым этапом стал электронно-акустический анализ отобранных слов. С целью определить степень конвергенции, а также выявить и классифицировать модели взаимодействия собеседников в диалоге были определены следующие параметры слов-подхватов: средняя ЧОТ (Гц); минимальная ЧОТ (Гц); максимальная ЧОТ (Гц); диапазон (пт). Диапазон слов-подхватов показывает соотношение между максимальной и минимальной ЧОТ внутри каждого слова.

В целом материал исследования слов-подхватов составили 642 значений ЧОТ (Гц) и 214 значений диапазона (пт), в сумме узкий корпус составили 856 числовых значений.

В рамках третьего этапа, с целью выявления статистически значимых различий между тремя группами (в начале, середине и конце диалога) был применен *t*-тест по критерию Манна – Уитни – Уилкоксона с переменной «дельта разности ЧОТ между собеседниками» и факторами «фаза диалога» (категории – начало, середина, конец).

РЕЗУЛЬТАТЫ

При изучении просодических особенностей произнесения ключевых слов-подхватов в начале, середине и конце рассматриваемых диалогов обнаружились следующие модели взаимодействия по параметру ЧОТ.

Модель 1: конвергенция – дивергенция (сближение – расхождение) – собеседники идут навстречу друг другу, их показатели сближаются к середине диалога (конвергенция), затем к концу диалога их показатели расходятся (дивергенция)

(срединные показатели ниже начальных и конечных).

Модель 2: конвергенция – усиленная конвергенция (последовательное сближение) – собеседники сближаются к середине диалога (конвергенция), и этот процесс идет по нарастающей к концу разговора (конвергенция) (срединные показатели ниже начальных, а конечные еще ниже срединных).

Модель 3: дивергенция – конвергенция (сближение в завершении) – собеседники расходятся к середине диалога (дивергенция), а к концу опять сближаются (конвергенция) (срединные показатели выше начальных и конечных).

Модель 1: конвергенция-дивергенция (сближение – расхождение)

По параметру ЧОТ и диапазона в четырех из 12 анализируемых диалогов наблюдается первая модель взаимодействия, когда оба собеседника идут навстречу друг другу, приближая свои показатели ЧОТ, но потом возвращаются к своим исходным индивидуальным характеристикам.

Средний показатель модуля разности демонстрирует, что от начала к середине беседы собеседники сближаются, разность между ними уменьшается (с 2,8 пт до 1,9 пт), что является проявлением конвергенции. К концу беседы говорящие диалога 7 проявляют признаки дивергенции, разность между ними увеличивается до 6,2 пт. Динамика изменений повторяется на высотно-мелодическом уровне (см. рис. 1).

Модель 2: конвергенция – усиленная конвергенция (последовательное сближение)

В четырех из 12 анализируемых диалогов по параметру ЧОТ и диапазона наблюдается вторая модель взаимодействия, когда собеседники сближаются к середине диалога и этот процесс нарастает в конце разговора.

Например, установлено, что в диалоге 6 модуль разности между собеседниками по диапазону меняется с развитием беседы: наблюдается значительное сближение от начала к середине беседы (12,9 пт → 4,9 пт) и еще большее сближение от середины к концу беседы (4,9 пт → 1,8 пт). По параметру среднего уровня ЧОТ слов-подхватов собеседники также проявляют высокую степень согласованности, по словам-подхватам видно, что дикторы пошагово повторяют уровень ЧОТ своего собеседника (см. рис. 2).

Модель 3: дивергенция – конвергенция (сближение в завершении)

По четырем из 12 анализируемых диалогов наблюдается третья модель взаимодействия, при которой показатели собеседников расходятся к середине диалога (дивергенция), а к концу опять сближаются (конвергенция). Например, при анализе диалога 12 средние показатели модуля разности по диапазону позволяют сделать вывод о незначительной степени дивергенции в середине беседы (2,3 пт → 2,9 пт) и сближении к концу беседы (2,9 пт → 1,6 пт). Динамика взаимодействия собеседников

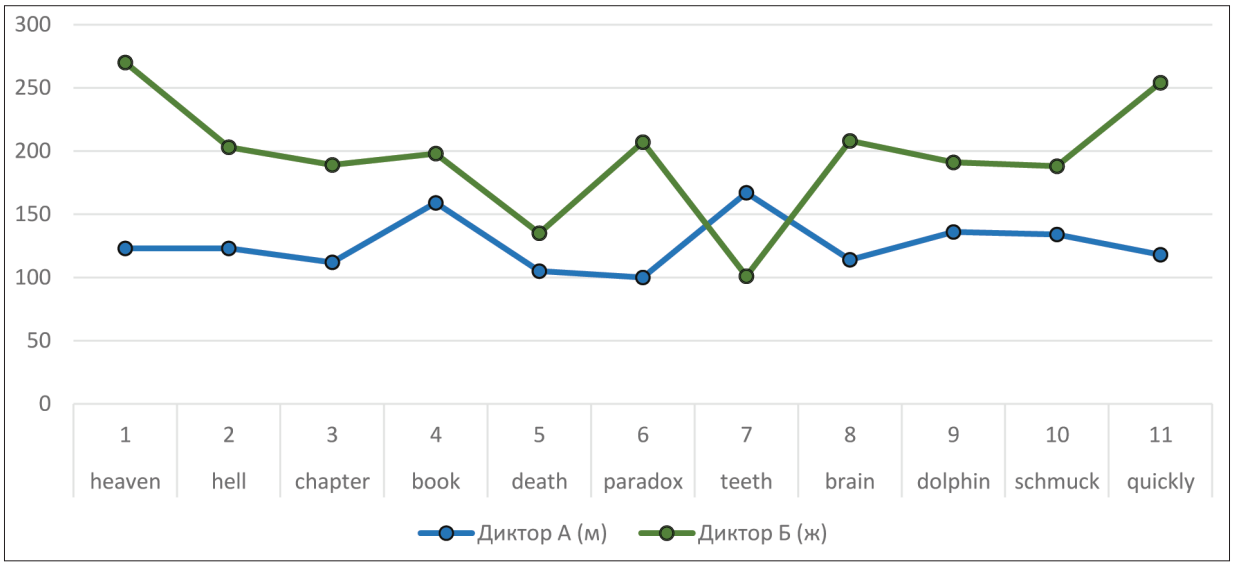


Рис. 1. Модель 1: динамика изменения параметра ЧОТ (Гц) в словах-подхватах в диалоге 7 (м-ж)

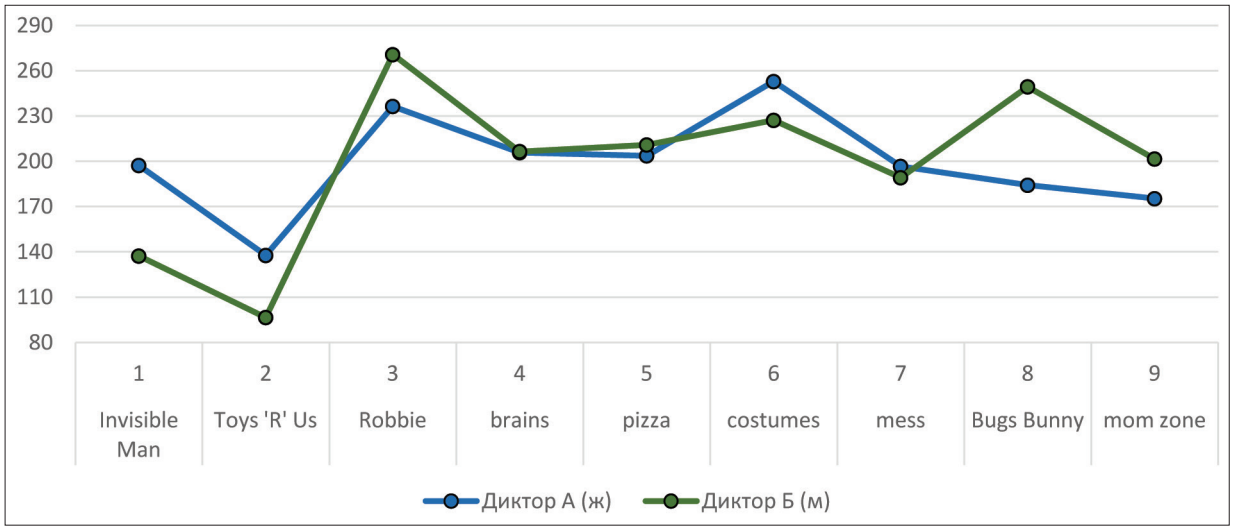


Рис. 2. Модель 2: динамика изменения параметра ЧОТ (Гц) в словах-подхватах в диалоге 6 (м-ж)

по уровню ЧОТ подтверждает выводы, основанные на параметре диапазона. Дивергенция в середине беседы обоснована сильным расхождением показателей на слове *cars*, к концу беседы наблюдается постепенное сближение показателей по словам *firestone*, *Samurai*, *insurance* (см. рис. 3).

Примечательно, что в половине диалогов наблюдается синхронизация, или пошаговая согласованность. Траектория движения ЧОТ одного партнера колеблется, повышаясь и понижаясь, а траектория второго одновременно повторяет эту динамику, что говорит о параллельном развитии беседы.

С целью верификации полученных выводов о динамике сближения / расхождения между двумя собеседниками был высчитан модуль разности между показателями ЧОТ средн двух собеседников по каждому слову-подхвату. Средние показатели модуля разности, высчитанные для начала, середины и конца каждого диалога, подтверждают наши наблюдения. Дельта между уровнями ЧОТ собеседников в начале беседы лежит в пределах от 0 пт до 7 полутонов, средняя дельта – 3 полутона. В середине беседы в среднем дельта меньше и составляет 2 полутона. В конце беседы дельта между двумя собеседниками значительно увеличивается и составляет 5 полутонов (см. табл. 1). Это свидетельствует о том, что в среднем тенденция к сближению средних высотно-мелодических показателей на словах-подхватах в середине беседы является доминирующей.

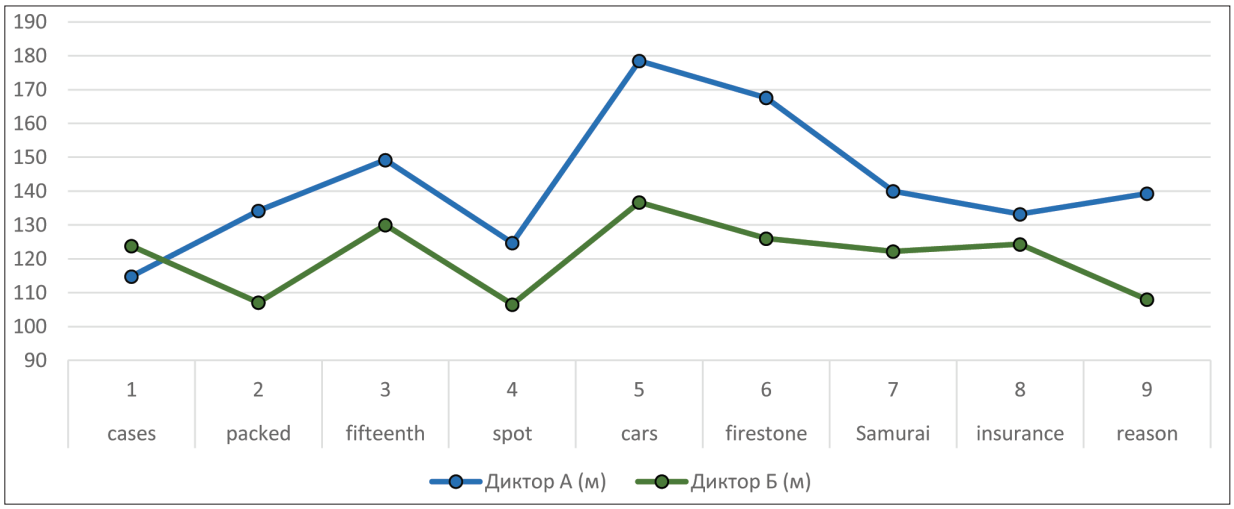


Рис. 3. Модель 3: динамика изменения параметра ЧОТ (Гц) в словах-подхватах в диалоге 12 (м-м)

Таблица 1

ДЕЛЬТА РАЗНОСТИ МЕЖДУ ДВУМЯ СОБЕСЕДНИКАМИ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМИ УРОВНЯ ЧОТ$_{средн}$ СЛОВ-ПОДХВАТОВ ДЛЯ 12 ДИАЛОГОВ (в пт)

Номер диалога	Начало диалога	Середина диалога	Конец диалога
1	2	0	8
2	1	1	9
3	4	1	2
4	4	1	2
5	6	4	9
6	2	0	2
7	7	3	9
8	0	2	6
9	2	6	3
10	1	1	0
11	6	6	6
12	2	4	3
Среднее	**3**	**2**	**5**

Результаты расчета критерия Манна – Уитни – Уилкоксона подтверждают данные выводы и свидетельствуют о статистически значимых отличиях показателей разности по уровням ЧОТ в середине и конце диалога. Было установлено, что дельта между уровнями ЧОТ собеседников в середине диалога значительно меньше, чем в конце диалога ($p = .027$) (см. табл. 2).

Таблица 2

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИТЕРИЯ МАННА – УИТНИ – УИЛКОКСОНА ПО ДЕЛЬТЕ МЕЖДУ УРОВНЯМИ ЧОТ СОБЕСЕДНИКОВ В СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ ДИАЛОГОВ

Independent Samples T-Test			
		Statistic	**p**
Дельта разности ЧОТ между двумя собеседниками	Mann-Whitney U	38.5	0.027
Note. H_a конец > середина			

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три установленные модели взаимодействия (конвергенция – дивергенция; конвергенция – усиленная конвергенция; дивергенция – конвергенция) свидетельствуют о том, что несмотря на разнообразие моделей, конвергенция присутствует в каждой модели, только в разной степени на разных этапах дискурса, основанного на стремлении участников к согласию. Наиболее характерная динамика двустороннего вербального контакта состоит в том, что собеседники приближаются друг к другу, уменьшая интервал высотно-диапазональных различий, что особенно заметно при гетерогенном гендерном составе, т. е. в диалогах мужчины и женщины.

Выявленное сближение высотно-диапазональных просодических характеристик, как правило в середине беседы, в том числе уменьшение межгендерных различий, отмеченных в словах-подхватах, свидетельствует о периодах позитивного взаимодействия всех участников диалога, о проявлении их взаимного стремления к согласию и пониманию. При этом динамика развития может варьироваться, что нашло свое отражение в разнообразии выявленных моделей схождения и расхождения линий разных собеседников. Это соответствует спонтанному характеру естественной речи, в отличие от контролируемых экспериментов, например, согласованности игроков в компьютерных играх, нацеленных на выполнение одной прагматической задачи и ограниченных условиями эксперимента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. The Future of English: a Welsh perspective // Plenary address to TESOL. New York, 1999.
2. Babel M. Evidence for phonetic and social selectivity in spontaneous phonetic imitation // Journal of Phonetics. 2012. Vol. 40. P. 177–189.
3. Goldinger S. Echoes of echoes? An episodic theory of lexical access // Psychological Review. 1998. Vol. 105. P. 251–279.
4. Pardo J. On phonetic convergence during conversational interaction // Journal of the Acoustical Society of America. 2006. Vol. 119. P. 2382–2393.
5. Levitan R., Hirschberg J. Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions // INTERSPEECH: Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association. P. 3081–3084.
6. Du Bois J. W., Chafe W. L., Meyer Ch., Thompson S. A. Santa Barbara corpus of spoken American English // Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 2000. URL: www.linguistics.ucsb.edu/research/santabarbaracorpus
7. Горбылева А. В. Просодическая конвергенция как результат взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (3). С. 41–51.

REFERENCES

1. Crystal, D. The Future of English: a Welsh perspective // Plenary address to TESOL. New York, 1999.
2. Babel, M. (2012). Evidence for phonetic and social selectivity in spontaneous phonetic imitation. Journal of Phonetics, 40, 177–189.
3. Goldinger, S. (1998). Echoes of echoes? An episodic theory of lexical access. Psychological Review, 105, 251–279.
4. Pardo, J. (2006). On phonetic convergence during conversational interaction. Journal of the Acoustical Society of America, 119, 2382–2393.
5. Levitan, R., Hirschberg, J. (2011). Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. In INTERSPEECH (pp. 3081–3084): Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association.
6. Du Bois, J. W., Chafe, W. L., Meyer, Ch., Thompson, S. A. (2000). Santa Barbara corpus of spoken American English. Philadelphia: Linguistic Data Consortium. www.linguistics.ucsb.edu/research/santabarbaracorpus
7. Gorbyleva, A. V. (2019). Prosodicheskaja konvergencija kak rezul'tat vzaimodejstvija sobesednikov v spontannom dialoge = Prosodic convergence as a result of speakers' interaction in spontaneous dialogue. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, 5(3), 41–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбылева Анастасия Васильевна
старший преподаватель кафедры романо-германских языков
Дипломатической академии МИД России

Шевченко Татьяна Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorbyleva Anastasia Vasilevna
Senior Lecturer, Department of Romance and Germanic Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Shevchenko Tatiana Ivanovna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_55

Произносительный акцент как показатель политических компетенций?

Л. В. Гришина

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
lgrishina@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу причин явления, получившего название «glass-ceiling effect». Согласно исследованиямпреградой для претендентов на руководящие должности может стать их иностранный акцент. По мнению работодателей, он указывает на недостаточные политические компетенции соискателей. Неоднозначность термина «политические компетенции», а также субъективность восприятия акцента и стереотипное мышление сказываются на шансах карьерного роста иммигрантов. Эта взаимосвязь акцента и политических способностей может говорить о скрытой форме дискриминации.

Ключевые слова: иностранный акцент, политические компетенции, предвзятая оценка, стереотип, дискриминация

Для цитирования: Гришина Л. В. Произносительный акцент как показатель политических компетенций? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 55–61. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_55

Original article

Pronunciation Accent as a Signal of Political Skill?

Lyubov V. Grishina

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
lgrishina@inbox.ru

Abstract. The article looks into the causes of the so-called glass-ceiling effect. Recent research shows that non-native speakers may not reach executive positions because of their foreign accent. Nonnative speakers are assessed by employers as having poorer political skill. The author theorizes that the ambiguity of the idea of political skill coupled with biased perceptions of accents and stereotypes about immigrants are relevant for immigrants’ success in executive positions. This may well point to indirect discrimination.

Keywords: foreign accent, political skill, biased assessment, stereotypes, discrimination

For citation: Grishina, L. V. (2023). Pronunciation accent as a signal of political skill? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 55–61. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_55

ВВЕДЕНИЕ

Согласно данным ООН, количество иностранных рабочих в мире растет. В 2019 году их насчитывалось 169 миллионов человек, что на 3 % больше, чем в 2017, почти 5 % мировой рабочей силы (*Новости ООН. 30.06.2021*). Россия входит в пятерку стран с самым высоким числом иностранных рабочих: на 1 мая 2022 года в России находилось 3,35 миллиона трудовых мигрантов (*РБК. 01.07.2022*). На первом же месте традиционно США, на втором Германия, затем Саудовская Аравия (*International Migration. 2020*).

Как правило, эти люди не являются носителями языковой нормы страны пребывания и говорят с более или менее выраженным иностранным акцентом. Можно предположить следующее: чем выше должность в той или иной компании, тем меньше вероятность того, что ее будет занимать сотрудник из среды иммигрантов. Для успешного продвижения по службе им приходится обращаться к специалистам по исправлению произношения. Это связано не только с желанием улучшить свои коммуникативные навыки, но также с попыткой избавиться от негативно оценочных суждений в свой адрес, нередко предвзятых и тенденциозных. Они создают барьеры для успешного карьерного роста (*Financial Times. 03.11.2016*).

Еще в 2013 году сооснователя самой влиятельной в мире программы акселерации для стартапов в сфере информационных технологий Y Combinator Пола Грэхема обвинили в ксенофобии за признание в одном из своих интервью того факта, что наличие сильного иностранного акцента у претендентов уменьшает их шансы на зачисление в эту программу (*Financial Times. 03.11.2016*).

В результате Пол Грэкхем вынужден был внести в необходимое уточнение в свои слова. Как впоследствие объяснил Грекхем, он имел в виду в своем интервью лишь настолько сильный иностранный акцент, что его наличие затрудняет понимание смысла речи соискателя, препятствует ему ясно изложить суть своего проекта. Другими словами, иноязычный акцент – это не столько культурный маркер, сколько фактор, который может создать значительные трудности для продвижения ваших талантов просто в силу того, что вас трудно понять. Но как оказалось, дело было не только в плохих коммуникативных способностях претендентов.

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ИНОСТРАННОГО АКЦЕНТА

В более широком контексте проблему можно представить следующим образом: иностранный акцент создает трудности для карьерного роста. На эту тему в последнее время было проведено немало исследований, в силу понятных причин прежде всего в США, где неносители американского варианта английского языка подвергались дискриминации при приеме на работу или продвижении на руководящие посты. Предметом изучения стало предвзятое отношение к тем, для кого английский язык был неродным. По некоторым оценкам, количество таких людей в мире приближается к двум миллиардам человек [Жерновая, Латышева, Лобанова, 2015]. Согласно же Longman Dictionary, английский – самый широко используемый язык международного общения [Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics, 1992, с. 472].

Для описания случаев отказа претендентам в продвижении по карьерной лестнице в силу причин, никак не связанных с их профессиональными качествами, было введено словосочетание *glass-ceiling effect* – тип дискриминации, при которой вне зависимости от всех других характеристик (личностных, рабочих и т. п.) соискателю-носителю иноязычного акцента закрывали путь к карьерному росту и руководящей должности. Согласно определению министерства труда США от 1995 года, *glass ceiling* – это неравенство возможностей при продвижении по карьерной лестнице в силу расовых или гендерных характеристик, абсолютно не зависящих от требований к соискателю для получения конкретной должности, особенно руководящей. Сам термин подразумевает, что такие барьеры «невидимы», т. е. совершенно не очевидны, но трудно преодолимы [US Department of Labor, 1995].

Давно ведутся дискуссии о причинах подобной дискриминации. Отмечено, что, прежде всего, она связана с предвзятым отношением и умалением достоинств какой-либо группы меньшинств через противопоставление ее доминирующему большинству [Тлостанова, 2006]. Представляется, что в этом случае уместно было бы называть такое отношение примером экзотизации. Так как иностранный акцент – самый очевидный признак иммигранта, эффект *glass ceiling*, прежде всего, выражается в предвзятом отношении к носителям иноязычного акцента.

Можно также предположить, что негативное отношение представителей доминантной группы к носителям иностранного акцента в значительной степени связано с испытываемой ими антипатией к последним. Во многих исследованиях проблемы социальной идентичности авторы считают, что при оценке аутгруппы люди склонны акцентировать внимание на тех чертах, которые считают непривлекательными, негативными, т. е. на тех, которые

выгодно, по их мнению, подчёркивают их собственные положительные качества (Т. Г. Стефаненко, Д. Бар-Таль, Э. Эриксон).

Безусловно, иностранный акцент – сложное явление. Разные акценты создают разное восприятие у носителей языка, что уже говорит о предвзятости оценки акцента. Из-за непривычного звучания носитель акцента «выпадает» из доминантной группы. Очевидно, что чувство антипатии вызывает недоверие к говорящему. Оно, в свою очередь, порождает устойчивые стереотипы и предрассудки, относящиеся к носителям иностранного акцента.

Лингвисты отмечают, что «наличие иноязычного акцента» – неточный термин. Так, по определению Г. Джайлза, иностранный акцент относится к области фонологии (в том числе и к интонации) родного языка говорящего даже после того, как говорящий достиг превосходного уровня владения лексикой, грамматикой и синтаксисом неродного языка [Giles, 1970]. Сила произносительного акцента не зависит от языковой беглости или компетенций. Как известно, сами носители языка могут говорить с региональным акцентом, который также может вызывать предрассудительное отношение [Попова, 2018].

Исследователи указывают на так называемые престижные типы произношения. Они существуют в пределах одного языка, что позволяет сделать вывод: произносительный акцент – такой же важный социальный маркер, как и цвет кожи, национальность и др. Его наряду с такими признаками, как внешность место жительства, доход и др., относят к группе относительно постоянных маркеров. Вместе с постоянными маркерами (возраст, пол, национальность) они играют важную роль в портретировании.

Так, в Великобритании, несмотря на бурно развивающиеся в последние несколько десятилетий процессы демократизации и так называемого «размывания» произносительной нормы, нормативное произношение до сих пор считается надрегиональным. По оценкам исследователей, им владеет лишь 3 % населения, а именно его самая привилегированная часть [Шевченко, 1990]. Сегодня описаны разновидности этого типа произношения, связанные с местом рождения, проживания, образования и социального положения говорящих (Rosewarne, Wells). В условиях глобализации, когда английский язык активно используется как средство международного общения, залогом успешной коммуникации стало принято называть не соответствие норме, а ее доступность и понятность. Очевидные произносительные ошибки, которые были недопустимы всего лишь несколько десятилетий назад в речи публичного человека или диктора, сегодня не воспринимаются как нечто шокирующее [Медведева, 2017].

Но вместе с тем все эти разновидности произношения не перестали восприниматься как соответствующие социальные маркеры. Сказанное объясняет, почему в свое время Маргарет Тэтчер избавилась от своего линкольнширского акцента, а с другой стороны, почему получивших образование в престижных частных заведениях Тони Блэра и Джорджа Осборна обвинили в подражании эстуарному английскому: имитируя этот вариант нормативного британского произношения, на котором говорит юго-восток страны, они стремились создать впечатление «своих парней» (*Financial Times. 03.11.2016*). Другими словами, их задачей было минимизировать любые признаки, которые могли бы подчеркнуть их отличие от тех, на кого они пытались повлиять.

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЙ АКЦЕНТ И ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Проблема восприятия произносительного акцента, как оказывается, заключается не только в понятности, ясности речи, о которой говорил сооснователь Y Combinator. Выяснилось, что при одинаковом уровне владения языковым материалом (лексикой, грамматикой и т. д.) шансы соискателей на руководящую должность оценивались по-разному именно из-за наличия или отсутствия у них акцента. Как только акцент воспринимается слушающими как неродной, «неудобопонятный», внимание аудитории переключается от сути высказывания на его форму. Как результат, говорящий больше не вызывает доверия, звучит неубедительно и настораживающе [Huang, Frideger, Pearce, 2013].

В исследовании Л. Хуанга, М. Фридегера, Дж. Пиерса и других ученых подтверждается тезис о том, что акцент может стать помехой для карьерного роста. В ходе проведения экспериментов, которые исключали влияние расовых признаков на оценку работодателя, они обнаружили, что шансы носителей американского варианта произношения получить рекомендацию на искомую должность были на 16 % выше, чем у тех, кто говорил с иностранным акцентом. Такой шанс оказался еще выше – на 23 % – у тех носителей американского английского, кто желал получить финансовую поддержку для своего бизнеса. По сложившемуся убеждению ученых, иностранный акцент для работодателей – это маркер ограниченных политических компетенций претендента: возможно, такой работник не будет иметь необходимого влияния на своих подчиненных и не сможет

эффективно руководить своей командой. Таким образом, предвзятое отношение к носителям иностранного акцента связывают не с их владением языком в целом (которое чаще всего не хуже, чем у носителей языка), а с оценкой их политических способностей, которые в свою очередь обязательны для успешной деятельности на руководящей должности.

Следует отметить, что коммуникативные и политические компетенции не тождественные понятия: политические компетенции включают в себя большее количество других компетенций, таких как межличностное влияние, социальная проницательность, способность объединять людей для коллективной работы и даже искренность. Так в одном из первых определений политических компетенций Г. Минцберга говорится о сочетании базиса власти и энергозатрат [Mintzberg, 1983]. Большинство ученых все-таки описывают политические навыки через такую компетенцию, как межличностное влияние.

В эксперименте, проведенном американскими учеными [Huang, Frideger, Pearce, 2013], работодателям предлагалось оценить уровень политических компетенций кандидата, ответив, например, на такой вопрос, знает ли он на инстинктивном уровне, что именно он должен сказать и сделать, чтобы повлиять на действия и решения других. По мнению многих ученых, способность оказывать влияние на окружающих основана на синтонности, выстраивании отношений, сотрудничестве и умении слушать (Huff-cutt, Conway, Roth, Stone, 2001; Klein, DeRouin, Salas, 2006; Roth, Bobko, McFarland, Buster, 2008).

Надо признать, что в научной классификации качеств, необходимых для проявления политического влияния, можно встретить самые разнообразные названия самого феномена: политическое поведение, тактика воздействия, самопрезентация, межличностное влияние [Ferris, Treadway, 2012]. Такое изобилие терминов, очевидно, вызвано высокой вариативностью норм применения различных тактических приемов оказания влияния. В силу такой расплывчатости в терминологии вынесение решений на основании оценки политических компетенций стали одним из излюбленных приемов, применяемых в отношении носителей иноязычного акцента: работодатели получили достаточно, по их же мнению, меритократичное обоснование для отказа в приеме на работу.

Не все исследователи включают в определение политических компетенций произносительных акцент. Следует отметить, что в 1981 году Дж. Пфеффер предположил, что политические компетенции подразумевают терпимое отношение к неоднозначным обстоятельствам, умение отстаивать интересы, способность решительно противостоять конфликтной ситуации и справиться с ней, настойчивость и, что примечательно, эффективное использование языка [Pfeffer, 1981].

Такие исследователи, как Дж. Пфеффер, высказали мнение, что политические компетенции крайне необходимы для эффективности руководства, а Г. Минцберг подчеркнул их важность при исполнении таких управленческих ролей, как «лидер», «связующий центр», «наладчик по беспорядкам» и «переговорщик». Управленцев с более развитым политическими способностями считали достойными для повышения не только вышестоящее начальство, но и руководители того же уровня. По убеждению некоторых исследователей, политические компетенции играют даже бóльшую роль в карьере, нежели самоконтроль, эмоциональный интеллект и уверенность в собственных силах как руководителя [Semadar, Robins, Ferris, 2006].

Таким образом, политические компетенции представляют собой неоднозначный сложный конструкт, имеющий крайне важное значение для карьеры руководителя. Оказывается, что иноязычный акцент претендентов на важные управленческие должности служит для руководства компаний сигналом их недостаточно развитого политических компетенций в силу целого ряда причин. Во-первых, из-за такого акцента они звучат менее убедительно, мажорантно и социально ответственно, чем носители нормативного произношения. Во-вторых, оцениваются они, как правило, теми же носителями родного языка, представителями доминирующей группы, которая инстинктивно будет обращать внимание не только на то, о чем говорит претендент на социально престижную должность, но и на то, как он это делает. Наличие / отсутствие иностранного акцента в конечном итоге влияет на общее впечатление, которое производит говорящий на работодателя и его коллег. В исследовании И. Е. Абрамовой доказано, что носители нормативного произношения более строго оценивают иностранный акцент, нежели образованные носители региональной нормы [Абрамова, 2011]. Как правило, в качестве «судей» при назначении на руководящие посты выступают именно обладатели хорошего образования с грамотной речью. К тому же, не следует забывать о давно укоренившемся в общественном сознании образе иммигранта – человека, менее знакомого с местными потребностями и особенностями, а значит, не самым лучшим образом способного осуществлять руководство коллективом.

Экспериментально доказанная связь между иностранным акцентом и шансами говорящего

с этим акцентом на получение руководящей должности наводит на резонный вопрос: насколько это верно – судить о политических способностях претендента по его произношению. Как известно, в США и многих других станах дискриминация по признаку места рождения при приеме на работу признана незаконной, но, к сожалению, она остается достаточно распространенным явлением. Возможно, будет справедливым предположить, что из-за известной расплывчатости определения политических компетенций данный критерий работодатели сочли очень удобным для объяснения причин отказа, таким образом, завуалировав свое нежелание брать на руководящий пост носителя иностранного акцента. Можно назвать это скрытым проявлением того же расизма или отторжения аутгруппы. Белая раса все еще остается доминирующей, но проблема расовой нетерпимости заставляет работодателей быть очень осторожными в своей оценке представителей меньшинств и иммигрантов. Неслучайно, по наблюдениям лингвистов, сегодня иностранный акцент вызывает более предвзятое отношение, чем, например, раса [Charles, Nkomo, 2012].

К тому же не следует забывать, что для представителей многих профессий, например, для юристов или банковских служащих есть определенная установка на соответствие сложившемуся образу, общепринятым представлениям о людях этой профессии. К социальным параметрам субъектов той или иной профессиональной деятельности обычно относят и их поведение, и их внешний облик, в том числе акцент, которые в совокупности составляют некую модель целостно-синкретического образа. Как раз основное требование в этих кругах – не выделяться, стать своим, «как все». Преподаватель Королевского колледжа Холлоуэй Луиза Эшли отмечает: – «Я знакома с людьми, которые работают в юридической сфере, в сфере бухгалтерского учета и инвестиционно-банковских услуг, и которым советовали слушать радио 4 Би-Би-Си (Radio 4) для профессионального звучания»[1] (прив. по: *Financial Times. 03.11.2016*). Очевидно, что в этих случаях любое «отклонение» от доминантной группы не приветствуется, что серьезно сказывается на социальной мобильности.

[1] Перевод наш. – *Л. Г.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка способности носителя иностранного акцента влиять на окружающих и руководить коллективом во многом основана на предубеждениях, стереотипах и субъективном мнении о говорящем. Такая оценка, несомненно, будет обусловлена и типом искомой должности, и приписыванием претеденту на социально престижную должность некоторых считающихся необходимыми или несовместимыми с нею характеристик. В результате политические способности носителей иностранного акцента оцениваются ниже чем, у претендентов, имеющих нормативное произношение. Оценка политических компетенций на основании произносительного акцента указывает, с одной стороны, на бесспорную важность таких качеств для руководителя, но с другой – на ее неоднозначность в силу предубеждений и стереотипов, сложившихся в обществе по отношению к иммигрантам. Вынесение суждений о способностях работника по его произносительному акценту может также свидетельствовать о стремлении работодателя избежать обвинений в проявлении дискриминации к представителям других рас и национальностей из-за их несоответствия общепринятой норме.

Для более объективного анализа проблемы влияния иностранного акцента на оценку политических компетенций его носителей, несомненно, требуется проведение дальнейших исследований. Особенно интересным представляется анализ ситуации с другими языками мира, например, изучение отношения работодателей в России к рабочим-иммигрантам и значимости иностранного акцента в плане их шансов на продвижение по карьерной лестнице.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жерновая О. Р., Латышева А. И., Лобанова Н. С. Английский язык как язык международного общения: кому принадлежит английский язык сегодня? // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4 (48). С. 440–449. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-kak-yazyk-mezhdunarodnogo-obscheniya-komu-prinadlezhit-angliyskiy-yazyk-segodnya?ysclid=l5i02u7ljt892311061
2. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics / ed. by J. C. Richards, H. Platt, J. Platt. 2nd ed. London: Longman, 1992.

3. What's Working (and What's Not). A summary of research on the economic impacts of employment and training programs. Department of Labor, Washington, DC : Government Printing Office, 1995. URL: https://eric.ed.gov/?id=ED379445
4. Тлостанова М. В. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. №1 (11). С. 106–123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-porozhdenie-ili-alternativa-globalizatsii
5. Giles H. Evaluative Reactions to Accents // Educational Review. 1970. Vol. 22. P. 211–227. DOI: https://doi.org/10.1080/0013191700220301
6. Попова М. В. Иноязычный акцент как существенный компонент социального портрета мигранта // Этнопсихолингвистика. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnyy-aktsent-kak-suschestvennyy-komponent-sotsialnogo-portreta-migranta/viewer
7. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990.
8. Медведева Т. В. Инновации в системе английских аппроксимантов: ошибки или маркеры развития? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 128–137. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/10_783.pdf
9. Huang L., Frideger M., Pearce J. L. Political Skill: Explaining the Effects of Nonnative Accent on Managerial Hiring and Entrepreneurial Investment Decisions // Journal of Applied Psychology Online First Publication. August 12, 2013. doi: 10.1037/a0034125
10. Mintzberg H. Power in and around organizations. NJ: Englewood Cliffs, 1983. URL: https://mintzberg.org/books/power-and-around-organizations
11. Ferris G. R., Treadway D. C. Politics in Organizations: History, Construct Specification, and Research Directions. В кн.: Politics in organizations. Theory and Research Considerations / G. R. Ferris & D. C. Treadway (eds.). New York, 2012. P. 3–26.
12. Pfeffer J. Power in organizations. Marshfield, MA: Pitman. 1981.
13. Semadar A., Robins G., Ferris G. R. Comparing the validity of multiple social effectiveness constructs in the prediction of managerial job performance // Journal of Organizational Behavior. 2006. Vol. 27. P. 443 – 461. doi:10.1002/job.385 URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Comparing-the-validity-of-multiple-social-in-the-of-Semadar-Robins/9ba6f511e61c32fdb2fc975be2cb56d1a8d4e7c9
14. Абрамова И. Е. Оценка степени иностранного акцента носителями языка и билингвами // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1 (13). С. 83–89. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-stepeni-inostrannogo-aktsenta-nositelyami-yazyka-i-bilingvami/viewer
15. Charles, A. C., Nkomo, S. M. The intersection of race and politics // Politics in organizations / G. R. Ferris, D. C. Treadway (eds.). New York, 2012. P. 451–486.

REFERENCES

1. Zhernovaya, O. R., Latysheva, A. I., Lobanova, N. S. (2015). Anglijskij jazyk kak jazyk mezhdunarodnogo obshhenija: komu prinadlezhit anglijskij jazyk segodnja? = English as an international lingua Franca: Who owns English today? Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal), 4(48). https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-kak-yazyk-mezhdunarodnogo-obscheniya-komu-prinadlezhit-angliyskiy-yazyk-segodnya?ysclid=l5i02u7ljt892311061 (in Russ.).
2. Richards, J. C., Platt, H., Platt, J. (eds.). (1992). Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Longman. 2nd ed. London: Longman.
3. What's Working (and What's Not). (1995). A summary of research on the economic Impacts of employment and training programs. Department of Labor, Washington, DC.: Government Printing Office. https://eric.ed.gov/?id=ED379445
4. Tlostanova, M. V. (2006). Mul'tikul'turalizm: porozhdenie ili al'ternativa globalizacii? = Multiculturalism: Creation of Globalization or Alternative to Globalization? Vestinik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Filosofiya, 1(11), 106–123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-porozhdenie-ili-alternativa-globalizatsii (In Russ.)
5. Giles, H. (1970). Evaluative reactions to accents. Educational Review, 22, 211–227. https://doi.org/10.1080/0013191700220301

6. Popova, M. V. (2018). Foreign accent as an essential component of migrant social portrait. Entopsikholingvistica, 1. https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnyy-aktsent-kak-suschestvennyy-komponent-sotsialnogo-portreta-migranta/viewer (In Russ.)
7. Shevchenko, T. I. (1990). Sotsial'naya differentsiatsiya angliyskogo proiznosheniya = Social Differentiation of English Pronunciation. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.)
8. Medvedeva, T. V. (2017). Innovations in the system of English approximants: mistakes or evolution markers? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(783), 128–137. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/10_783.pdf (In Russ.)
9. Huang, L., Frideger, M., Pearce, J. L. (2013). Political Skill: Explaining the Effects of Nonnative Accent on Managerial Hiring and Entrepreneurial Investment Decisions Journal of Applied Psychology Online First Publication, August 12. doi: 10.1037/a0034125
10. Mintzberg, H. (1983). Power in and around organizations. Englewood Cliffs, NJ. URL: https://mintzberg.org/books/power-and-around-organizations
11. Ferris, G. R., Treadway, D. C. (eds.). (2012). Politics in Organizations: History, Construct Specification, and Research Directions. In G. R. Ferris & D. C. Treadway (eds.), Politics in organizations. Theory and Research Considerations (pp. 3–26). New York.
12. Pfeffer, J. (1981). Power in organizations. Marshfield, MA: Pitman.
13. Semadar, A., Robins, G., Ferris, G. R. (2006). Comparing the validity of multiple social effectiveness constructs in the prediction of managerial job performance. Journal of Organizational Behavior, 27, 443– 461. doi:10.1002/job.385 https://www.semanticscholar.org/paper/Comparing-the-validity-of-multiple-social-in-the-of-Semadar-Robins/9ba6f511e61c32fdb2fc975be2cb56d1a8d4e7c9
14. Abramova, I. E. (2011). Perception of foreign accent by native and non-native speakers. Vestnik of Irkutsk State Linguistic University, 1(13), 83–89. https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-stepeni-inostrannogo-aktsenta-nositelyami-yazyka-i-bilingvami/viewer (In Russ.)
15. Charles, A. C., Nkomo, S. M. (2012). The intersection of race and politics. In G. R. Ferris & D. C. Treadway (eds.), Politics in organizations. Theory and Research Considerations (pp. 451–486). New York.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Любовь Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка № 1 Дипломатической академии МИД РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishina Lubov Viktorovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the English Language #1,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111'1
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_62

Формирование индивидуально-авторского концепта в художественном произведении (на примере текста романа Грэма Свифта «Waterland»)

К. В. Землякова

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Санкт-Петербург, Россия, ksu-zemlyakova@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена когнитивно-семантическому анализу текстовых репрезентаций концепта «HISTORY» в романе Г. Свифта «Waterland». Цель исследования – описать формирование индивидуально-авторского концепта в произведении. Интерпретация макроконцепта «HISTORY» и его субконцептов в романе осуществляется посредством анализа языковых и стилистических средств, что позволяет представить полное описание смысловой структуры концептосферы художественного произведения.

Ключевые слова: концептуализация, художественный концепт, концептосфера романа, макроконцепт, субконцепт, индивидуально-авторское содержание концепта, языковые средства, стилистические средства

Для цитирования: Землякова К. В. Формирование индивидуально-авторского концепта в художественном произведении (на примере текста романа Грэма Свифта «Waterland») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 62–68. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_62

Original article

Formation of an Individual Author's Concept in Fiction (based on the novel "Waterland" by Graham Swift)

Ksenia V. Zemlyakova

Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications,
Saint Petersburg, Russia, ksu-zemlyakova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to a cognitive-semantic analysis of textual representations of the concept HISTORY in the novel "Waterland" by G. Swift. The purpose of the research is describing formation of an individual author's concept in fiction. The interpretation of the macro-concept HISTORY and its sub-concepts in the novel is performed through the analysis of language means and stylistic devices that help to provide a full description of the semantic structure of the concept-sphere in fiction.

Keywords: conceptualisation, artistic concept, concept-sphere of a novel, macro-concept, sub-concept, individual author's content of a concept, language means, stylistic devices

For citation: Zemlyakova, K. V. (2023). Formation of an Individual Author's Concept in Fiction (based on the novel "Waterland" by Graham Swift). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 62–68. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_62

ВВЕДЕНИЕ

Структурирование мира в языке предстает результатом двух познавательных процессов – концептуализации и категоризации – и носит интерпретирующий характер [Болдырев, 2020, с. 25]. Осуществлять упорядочение знаний в результате их когнитивной обработки позволяет такой «инструмент», как концепт. Являясь центральным понятием в когнитивистике и лингвокультурологии, концепт является лингвоментальным образованием, которое также используется в качестве инструмента анализа текста, и прежде всего, текста художественного [Сергеева, 2022, с. 72]. Ученые, рассматривающие художественные тексты в системе лингвистического анализа и теории языка, предлагают разграничивать концепты-универсалии (национальные, общекультурные) и индивидуальные авторские концепты (О. С. Акетина 2013, Т. И. Васильева 2015, С. В. Капустина 2011, Е. В. Сергеева 2022). Т. И. Васильева пишет о трансформации национальных представлений сквозь призму индивидуального сознания, в результате чего возникает индивидуально-авторская составляющая в структуре концептосферы [Васильева, 2015, с. 38]. Е. В. Сергеева трактует индивидуально-авторский художественный концепт как «феномен, отличающийся номинацией, а также рядом специфических содержательных и вербализационных особенностей» [Сергеева, 2022, с. 77]. Исследователь причисляет концепты к индивидуально-авторским, если они не просто имеют образные средства воплощения, а наполнены авторским содержанием и отличаются от концептов-универсалий набором репрезентантов.

По убеждению Е. А. Огневой, «художественный концепт – это компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [Огнева, 2013, с. 54]. Отражение явлений окружающей действительности в сознании народа, то есть обработка некого знания коллективным сознанием, сближает художественный концепт с концептом в когнитивистике и может дать методологические основания для его вычленения и описания из пространства художественного произведения. Опираясь на вышесказанное, считаем возможным предложить подробную схему изучения художественного концепта. Для начала необходимо представить описание аналогичной концептуальной ячейки, занимаемой концептом «HISTORY» в конкретном языке и культуре, а затем следует соотнести языковые репрезентации концепта в тексте романа и выявить индивидуально-авторские «надстройки» в его интерпретации. Согласимся с мыслью Н. Н. Болдырева: «Универсальное, общее всегда проявляется в особенном, частном, предполагает его наличие и наоборот – частное не может существовать без общего как основы для сравнения» [Болдырев, 2020, с. 26]. С таких позиций нами проанализирован концепт HISTORY в романе Грэма Свифта «Waterland» (1983). Данный художественный текст до сих пор находится в фокусе рассмотрения учеными с разных ракурсов: с позиций языкознания и литературоведения. Роман содержит обширный материал для анализа функционирования языковых единиц, для рассмотрения их лингвокультурологической специфики, а также подтверждения значения романа в европейском и мировом литературном процессе [Hewitt, 2006; Землякова, 2022; Проскурнин, 2013].

ЭКСПЛИКАЦИЯ МАКРОКОНЦЕПТА «HISTORY» И ЕГО СУБКОНЦЕПТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ

Исследователями творчества Г. Свифта подтвержден статус макроконцепта HISTORY как центрального, базового в тексте романа «Waterland» [Стринюк, 2013; Стринюк, 2016; Тарасова, 2016; Трынкова, 2008]. Имя макроконцепта выбрано как название для определенной совокупности абстрактных понятий, входящих в макроконцепт в виде субконцептов. Считаем, что макроконцепт HISTORY составлен из входящих в него концептуальных областей LIFE, DEATH, TIME.

Описание ключевого макроконцепта осуществляется двумя группами средств: языковых и стилистических. **Языковые** средства позволяют описать круг значений, в которых слово-имя концепта возникает в художественном тексте. **Стилистические** средства значимы с точки зрения обнаружения неочевидных вариантов употреблений универсальных лексем, появления в несвойственных им контекстах. Как пишет Е. А. Огнева, «лингвистический анализ художественного текста направлен на выявление стилистически обусловленных средств, которые раскрывают индивидуально-авторские особенности использования разноуровневых единиц в художественной речи» [Огнева, 2013, с. 51–52]. Рассматриваемый нами художественный текст обладает высокой степенью метафоризации. Метафорической вербализации подвергается такие абстрактные субконцепты, как «LIFE», «DEATH», «TIME». Ввиду ограниченного объема статьи подробнее остановимся на вербализаторах субконцепта LIFE как наиболее представленного метафорическими моделями в тексте романа.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ МАКРОКОНЦЕПТА «HISTORY»

Начнем с имени макроконцепта и его словарных значений. На языковом уровне макроконцепт HISTORY эксплицируется в многозначности лексемы *history* и ее синонимах *a fairy-tale, a tale, a story, a yarn*. В английском языке лексема *history* многозначна и трактуется через следующие дефиниции.

1) В своем первом значении это события прошлого (*history – all the events that happened in the past; record of important or public events*[1]). В книге Г. Свифта воспоминания главного героя о мрачном прошлом его родного края накладываются на еще более мрачный личный опыт. Том – учитель истории, чьи уроки представляют собой долгое и сложное повествование. Его лекции содержат не просто рассказ об общественном и экономическом развитии Фенленда – края на востоке Англии, но и индивидуальную историю взросления и историю о том, как он стал свидетелем убийства. Подобные эпизоды преподносятся ученикам в виде притч, баек.

2) Второе значение лексемы – «дисциплина, историческая наука» (*history – the study of past events as a subject at school or university; study of past events, especially human affairs*[2]). В эпиграфе к роману автор ставит на первое место именно этот аспект изучения истории.

3) Третье значение – «рассказ, история» (*history – a written or spoken account of past events*[3]). В данном значении лексема является ядром синонимического ряда. В роман включены многочисленные формы, жанры историй: *a story*, *a yarn, a tale*, *a fairy-tale*. Рассказы героя представлены как перволичное повествование в виде «диалогически и устно ориентированной формы воспоминания» [Авраменко, 2021, с. 203]. Таким образом, многократно употребляемая лексема *history* возникает в романе в различных значениях. Сама лексема и ее синонимы могут реализовать сразу несколько значений: и науки, дисциплины, т. е. точного знания, и придумки, сказки, байки, т. е. ненаучного, субъективного изложения хода событий.

Следующие текстовые репрезентации содержат рассуждения героя об истории как феномене и о своем месте в ней. Они подтверждают субъективное образное мировидение учителя и могут быть описаны через модель «ЧЕЛОВЕК – РАССКАЗЧИК ИСТОРИЙ»:

- History is a yarn.
- The Cricks spun yarns.
- Stories have been told … to quell restless thoughts.
- these hesitant but tell-tale traits broke surface…
- But man – let me offer you a definition – is the story-telling animal.

С «историей» как объектом познания выполняются действия: человек плетет истории (по аналогии с плетением нити, закручиванием пряжи), рассказывание баек успокаивает его тревожные мысли. Компоненты *tell-tale traits* (болтовня, красноречие), *yarn* (байка, сказка), *stories* содержат значения субъективного знания, фантазийного, недостоверного.

Следующие дефиниции лексемы *history* объединяет общий компонент антропоцентричности – наличие человека и связь исторического процесса с человеческой деятельностью, жизнью, артефактами.

4) *History – a record of something happening frequently in the past life of a person, family or place; systematic account of natural phenomena*[4] (история – то, что вершится не только с человеком, с его семьей и народом: каждый предмет, место или природное явление (объект) обладает своей собственной, не менее богатой, чем у человека, судьбой, хранит в себе индивидуальный опыт). Стоит отметить, что в данном значении содержится компонент мифического мышления, идея некой судьбы: события могут происходить с кем-то помимо его воли.

5) *History – whole train of events connected with nation, person, thing*[5]. Иными словами, носителем и творцом истории в самом общем смысле выступает народ. С. А. Стринюк в своих работах, посвященных проблематике романа, пишет о незначительном влиянии поворотных исторических моментов на жизни простых людей [Стринюк, 2016, с. 68], так как индивидуальные ценности и индивидуальное сознание представляют большую важность и интерес [Стринюк, 2013, с. 186].

6) *History – the set of facts that are known about somebody's past life*[6]. Как видим, пятое и шестое значения лексемы *history* связаны с событиями, опытом, имеющими вещественное, материальное воплощение, привязанными в сознании человека к определенным вещам его быта. Это значение синонимично словосочетанию *human history*.

7) *History – the past events concerned in the development of a particular place, subject*[7]. В этой

[1] Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2000. P. 567.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Oxford English Dictionary Online. URL: // https://www.oed.com/

[5] Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/

[6] MacMillan Dictionary Online. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary

[7] Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/

дефиниции лексемы *history* присутствует компонент движения, развития. В описании понятийной составляющей макроконцепта «HISTORY» также имеет значение сема «особенности» (particular), связанности с чем-либо особым, отдельным, исключительным.

8) Помимо вышеперечисленных значений, слово *history* может употребляться в языке в сочетании с не менее важным для человеческого сознания концептом «LIFE»: *life history – all the events that happen during the life of a living thing* (*person*, *animal or plant*)[1].

На основе вышесказанного заключаем, что в романе траектория описания макроконцепта HISTORY представлена в виде движения от частных, конкретно ощутимых предметов (например, бутылки эля, сваренного прадедом героя) к целому роду и нации. «Проводником» авторской трактовки выступает человек, главный герой.

Связь разномасштабных пластов истории в рассматриваемом произведении описана в работе Б. М. Проскурнина. Ученый указывает на плюральность исторических планов в романе: «план настоящего (Том Крик дает свой последний урок), план недавнего прошлого (события, объясняющие, почему урок оказался последним), план прошлого (детство и отрочество героя) и, наконец, план давно прошедшего времени – история предков и края – Фенов – где происходят все события романа» [Проскурнин, 2013, с. 49].

Результаты рассмотрения словарных дефиниций дают более точное и полное представление о том, какими субконцептами представлен макроконцепт HISTORY в индивидуальном человеческом сознании: жизнь, судьба, время, труд, человек, природа, окружающие предметы, развитие, движение от прошлого через настоящее в будущее, опыт. Данные субконцепты («LIFE», «FATE», «TIME», «WORK», «HUMAN», «NATURE», «MOVEMENT», «EXPERIENCE») образуют концептосферу романа.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ МАКРОКОНЦЕПТА «HISTORY»

Мы остановимся на субконцепте «LIFE» как наиболее представленном в романе стилистическими средствами – авторскими метафорами. Считаем, что представленные в романе стилистические репрезентанты придают субконцепту LIFE индивидуально-авторское содержание.

По мысли Н. Н. Болдырева, личный языковой опыт, различные характеристики предметов и событий и приписываемая им индивидуальная оценка выражаются в виде авторских метафор, образных сравнений [Болдырев, 2020, с. 33]. Согласно концепции распознавания индивидуально-авторской метафоры, разработанной Е. Б. Рябых, метафора порождается из личностно-физиологического, исторического, ситуативного контекста и социокультурного контекста автора [Рябых, 2021, с. 90]. Для интерпретации авторских метафор требуется восприятие полного контекста романа и понимание социально-исторического фона.

Жизненный путь каждого из героев романа нелегок. Изначально он обусловлен тем, что в их судьбе непременно заложена необходимость борьбы с водной стихией за территорию, борьбы с заболачиванием земель. Семейство Криков в романе олицетворяет поколение «творцов» истории в болотном крае Фенов. Именно они приложили большие усилия для формирования ландшафта этой территории. Поселяясь у рек, предки были вынуждены сначала превращать болотистую почву в пригодный для проживания край, где можно жить, растить детей, таким образом, буквально создавая жизнь целого рода из воды:

- Whereas the Cricks emerged from water, the Atkinsons emerged from beer.
- The problem of the Fens has always been the problem of drainage.
- You do not reclaim a land without difficulty and without ceaseless effort and vigilance. The Fens are still being reclaimed even to this day. Strictly speaking, they are never reclaimed, only being reclaimed.

Предки Криков осваивают и застраивают болотный край, он расширяется, привлекая к этим территориям все новых людей, которые будут здесь в будущем осушать болота и строить заводы. Следовательно, в субконцепте «LIFE» присутствует значение преодоления, усилия, труда, что выявляется путем метафорического моделирования.

Наиболее представленная и крупная метафора – «LIFE IS TOIL».

- Cricks who out of their watery *toils* could always dredge up a tale or two…
- their *efforts*, little by little, were changing the map

[1] Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: https://www.ldoceonline.com/

– despite emptiness, monotony, this Fenland, this palpable earth raised out of the flood by centuries of *toil*, is a magical, a miraculous land

Лексемы *effort*, *vigilance*, *toil* из понятийной сферы «человеческая деятельность» формирует понятийный уровень субконцепта «LIFE». Данная метафорическая модель используется в тексте романа также в модифицированном виде, образуя два деривата:

LIFE IS A BATTLE.
– it [rain] transforms the lands around the Ouse and Leem into an aqueous *battlefield*…

LIFE IS VICTORY.
– to where the peaty soil, such as has been *won* from water…

Оба контекста направлены на образную реализацию представления о том, что «завоевать» территорию можно только в результате борьбы, битвы с природными явлениями. Все модификации общей метафоры актуализируют модель «LIFE IS A HARD THING», из нее выводится суждение о том, что исторический процесс требует больших усилий, история строится и протекает через преодоления всевозможных препятствий, и в своей жизни человек сталкивается с множеством сложностей.

Еще одним ответвлением модели «LIFE IS TOIL» является ее смысловое продолжение – «LIFE IS PUMPING». Под трудом могут подразумеваться разные действия, и авторское видение уподобляет жизнь с физическим действием откачивания воды:

– Dad is trying to *pump up away* not just this added curse, but all the ill luck of *his life*.

Данная реализация смысловой составляющей макроконцепта «HISTORY» и субконцепта «LIFE» возможна только в конкретно взятом романе. Данная метафорическая модель демонстрирует область пересечения общекультурного концепта «HISTORY» и индивидуально-авторского наполнения макроконцепта HISTORY в романе «Waterland». Среди стилистических средств, представляющих развертывание модели «LIFE IS PUMPING», в тексте используются олицетворения и звукоподражание:

– the pumps were ***tump-tumping***, as they do, ***incessantly***, so that you scarcely notice them, all over the Fens.
– When I was a boy a pump still worked on Scott's Drain… ***adding*** its ***pulse-beat*** to that of many others.

Компоненты *pulse-beat, incessantly* задействованы для уподобления насосов человеку, который не устает, а их работа сравнивается с ударами человеческого сердца. Авторская «настройка» в интерпретации субконцепта «LIFE» может быть сформулирована в виде следующей идеи: размеренный ход жизни героев сопровождается мерным постукиванием насосов, будто сообщая им о том, что все идет своим чередом, как надо, символизируя спокойствие, стабильность, благополучие. Парадоксальность борьбы за жизнь на этой территории заключается в том, что процесс осушения, выкачивания воды из земли постоянен, как сама жизнь, не прекращается ни на минуту. Стоит упомянуть, что данная мысль получает закрепление в модифицированной модели «HUMAN IS A PUMP», которая участвует в вербализации субконцепта «HUMAN» в романе:

– For there is such a thing as ***human drainage*** too, such a thing as ***human pumping***.

Смысловые компоненты со значением физического действия выкачивания воды используются не только применительно к земле, почве, но и к человеческому телу (телу утонувшего мальчика): *futile* ***pumping at*** *Freddie's* ***body,***

Анализ выявленных моделей позволяет заключить, что осмысление писателем макроконцепта «HISTORY» и его субконцептов эксплицируется через метафорические процессы выкачивания воды, откачивания, осушения. На этапе наращивания данных авторских «надстроек» в структуре субконцепта «LIFE» концептосфера романа приобретает индивидуально-авторское содержание. История, по Грэму Свифту, есть последовательность не событий, но действий, образующих жизнедеятельность человека с целью сохранения его жизни и необходимости продолжать род. Согласно авторской логике Свифта, история есть временная последовательность, отражаемая в результатах человеческих действий, накапливаемая и передаваемая из прошлого в будущее, закрепляемая жизнью каждого отдельного индивидуума, который своими преобразованиями формирует часть истории национальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании приведено описание макроконцепта «HISTORY» через построение его понятийной составляющей на базе словарных дефиниций лексемы-имени макроконцепта в англоязычных словарях. Перечисление смысловых характеристик

концепта позволяет представить концепт в его универсальном употреблении и функционировании. Соотношение словарных значений лексемы *history* с текстовыми репрезентациями макроконцепта в романе «Waterland» позволяет судить об индивидуально-авторской интерпретации концепта. Авторское содержание макроконцепта отражает его содержательные компоненты, полученные в результате индивидуальной обработки сознанием универсального концепта HISTORY.

Описание образной составляющей макроконцепта осуществляется через конструирование его субконцепта «LIFE» методом метафорического моделирования. Вычлененные модели «LIFE IS TOIL / A BATTLE / VICTORY / PUMPING» объединены общей макромоделью «LIFE IS A HARD THING», соответственно, «HUMAN HISTORY IS A HARD THING».

Также выделяется метафора HUMAN IS A PUMP, которая может быть использована при моделировании субконцепта HUMAN внутри концептосферы романа. Выявление языковых и когнитивно-стилистических средств репрезентации других субконцептов романа представляет перспективу исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные доминанты языкового сознания. Коллективная монография. 2020. № 4 (43). С. 21–79.
2. Сергеева Е. В. Художественный концепт «прошедшее» в зарубежной прозе И. А. Бунина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 3. С. 72–78.
3. Васильева Т. И. Художественная концептосфера: национальное и индивидуальное // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(48). С. 37–39.
4. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд., доп. М.: Эдитус, 2013.
5. Hewitt K. Waterland by Graham Swift: a commentary with annotations. Perm: Perm State University, 2006.
6. Землякова К. В. Персонификация как средство когнитивной репрезентации концепта ИСТОРИЯ в романе Грэма Свифта “Waterland” // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 235–240.
7. Проскурнин Б. М. О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980–2000-х гг.) // Мировая литература в контексте культуры (Научный журнал). 2013. Вып. 2 (8) С. 38–51.
8. Стринюк С. А. Субъективная проза Грэма Свифта: проблема характера и концепция личности в романе «Водоземье» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 185–191.
9. Стринюк С. А. Концепции исторического развития в романе Г. Свифта «Водоземье» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 65–70.
10. Тарасова А. М. Реализация концепта «история» в произведениях современных англоязычных авторов // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 75–78.
11. Трынкова О. В. Концепт «history» в составе метафорических моделей в англоязычном постмодернистском романе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 255–259.
12. Авраменко И. А. Ивлин Во «Возвращение в Брайдсхед»: нарратив, прошлое, воспоминание // Два века английского романа: коллективная монография. Санкт-Петербург: Маматов, 2021. С. 190–205.
13. Riabykh E. B. Schöpfung, verständnisund erkennenderindividuellen Autorenmetapher im Rahmen des künstlerischen Diskurses // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. No 4. P. 90–98. DOI 10.20916/1812-3228-2021-4-90-98.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2020). Dominantnyy printsip organizatsii yazyka i yazykovogo soznaniya = The dominants-oriented principle of language and linguistic consciousness structure. Kognitivnye dominanty yazykovogo soznaniya, 4(43), 21–79. (In Russ.)
2. Sergeeva, E. V. (2022). Khudozhestvennyy kontsept «proshedshee» v zarubezhnoy proze I. A. Bunina = The artistic concept of “the past” in the foreign prose of I. A. Bunin. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly, 3, 72–78. (In Russ.)
3. Vasil’eva, T. I. (2015). Literary conceptual sphere: national and individual. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 6-1(48), 37–39. (In Russ.)

4. Ogneva, E. A. (2013). Kognitivnoe modelirovanie kontseptosfery khudozhestvennogo teksta = Cognitive modeling of literary concept-sphere. Moscow: Editus. (In Russ.)
5. Hewitt, K. (2006). Waterland by Graham Swift: a commentary with annotations. Perm: Perm State University.
6. Zemlyakova, K. V. (2022). Personifikatsiya kak sredstvo kognitivnoy reprezentatsii kontsepta ISTORIYA v romane Grema Svifta "Waterland" = Personification as a means of cognitive representation of the concept HISTORY in the novel "Waterland" by Graham Swift. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 2(49), 235–240. (In Russ.)
7. Proskurnin, B. M. (2013). O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya sovremennoy angliyskoy literatury (sud'by romana v Anglii 1980–2000-kh gg.) = On some principal tendencies of contemporary English literature development (dynamics of novel in England of the 1980s – 2000s). Mirovaya literatura v kontekste kul'tury, 8, 38–51. (In Russ.)
8. Strinyuk, S. A. (2013). Subjektivnaya proza Grema Svifta: problema kharaktera i kontseptsiya lichnosti v romane "Vodozem'e" = Subjective narrative in Graham Swift's writing: character and personality in the novel "Waterland". Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, 4(24), 185–191. (In Russ.)
9. Strinyuk, S. A. (2016). Concepts of historic development in Graham Swift's novel "Waterland". Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 2, 65–70. (In Russ.)
10. Tarasova, A. M. (2016). Realizatsiya kontsepta «istoriya» v proizvedeniyakh sovremennykh angloyazychnykh avtorov = Implementation of the concept "HISTORY" in the works of modern English authors. Perevod i sopostavitel'naya lingvistika, 12, 75–78. (In Russ.)
11. Trynkova, O. V. (2008). Kontsept "history" v sostave metaforicheskikh modeley v angloyazychnom postmodernistskom romane = The concept "history" in metaphorical models in the English postmodern novel. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2, 255–259. (In Russ.)
12. Avramenko, I. A. (2021). Evelyn Waugh "Brideshead Revisited": narrative, past, reminiscence. In Dva veka angliyskogo romana (pp. 190–205). Saint Petersburg: Mamatov. (In Russ.)
13. Riabykh, E. B. (2021). Schöpfung, verständnisund erkennenderindividuellen Autorenmetapher im Rahmen des künstlerischen Diskurse = Generation, understanding and recognition of an individual author'smetaphor within the framework of artistic discourse. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 4, 90–98. 10.20916/1812-3228-2021-4-90-98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Землякова Ксения Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zemlyakova Ksenia Vladimirovna
PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_69

Восприятие русскоязычными англофонами австралийской орфоэпической нормы

К. С. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, xenia_kulikova@inbox.ru

Аннотация. В отличие от широко известных и подробно проанализированных вариантов английского языка, австралийский английский (AuE) устойчиво воспринимается как гораздо более «экзотический» и получает меньше внимания. В статье осуществлен анализ перцептивного восприятия русскоязычными англофонами австралийского варианта английского языка с целью выявить способность распознавать фонетические и фонологические тонкости AuE, подчеркивающие индивидуальность этого диалекта с необычной и богатой историей.

Ключевые слова: австралийский английский, слитная речь, восприятие, орфоэпическая норма, сопоставительный анализ

Для цитирования: Куликова К. С. Восприятие студентами-русскоязычными англофонами австралийской орфоэпической нормы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 69–75. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_69

Original article

Perception of Australian Orthoepic Norm by Russian Anglophones

Xenia S. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, xenia_kulikova@inbox.ru

Abstract. In contrast to the widely known and thoroughly analyzed variants of the English language, Australian English is often perceived as much more ‘exotic’ and receives less attention. The paper analyses the way Russian Anglophones perceive the Australian variant of the English language (AuE) by ear in order to identify the ability to recognize phonetic and phonological subtleties of AuE which emphasize the individuality of this dialect with its unusual and rich history.

Keywords: Australian English, spoken speech, perception, orthoepic norm, comparative analysis

For citation: Kulikova, X. S. (2023). Perception of Australian orthoepic norm by Russian Anglophones. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 69–75. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_69

ВВЕДЕНИЕ

Вопреки популяризованному неверному мнению, австралийский английский (AuE) обладает целым набором ярких специфических черт, позволяющих различным ученым не без оснований считать его отличным от других региональных вариантов английского языка не только по произношению, но и правописанию, грамматической системе и, разумеется, словарному запасу. Немаловажно, что анализ возникновения и эволюции австралийского английского не представляет особых трудностей для исследователя. Предыстория этого варианта относительно коротка, и «язык Осси» демонстрирует миру свои уникальные индивидуальные особенности немногим дольше, чем два столетия.

Лингвистические предпосылки создания AuE способствовали формированию его уникальности. Будучи колонией Великобритании, Австралия была превращена британским правительством в континент для тех, кто был отправлен в изгнание, поскольку тюрьмы в то время были переполнены. Коренными жителями Австралии являлись аборигены, а после колонизации, особенно в связи с золотой лихорадкой 1850 года, в загорелую страну тысячами прибыли англичане, ирландцы, валлийцы и шотландцы. Таким образом, первое поколение детей, рожденных на австралийском континенте, оказало большое влияние на появление нового языкового варианта, являющегося своеобразным «плавильным котлом» для различных акцентов и языков Британских островов, и в конечном итоге способствовало рождению необычного диалекта, отличного от других вариантов английского языка [Rajendra S., Rajendra V., 2006; Damousi, 2010]. Примечательно, что говорящие на британском английском известны подчеркнутым желанием показать, что они хорошо образованы и культурны, тогда как американцы стремятся к тому, чтобы их язык был ясным и понятным для всех классов общества. Австралийский английский с самого начала возникал под лозунгом: «У нас есть своя страна и свой язык, который может привести всех прочих говорящих на различных вариантах английского в полное недоумение» [Desmond, 2011].

Характерные особенности австралийского английского отражают специфическое восприятие мира, свойственное данной нации. К концу XIX века количество тех, кто был рожден непосредственно на территории новой страны, превысило количество тех, кто иммигрировал сюда прежде, и формированию национальной идентичности и гордости был придан новый мощный импульс. К этому времени австралийский акцент уже сложился, а в начале 1940-х годов были предприняты первые попытки анализа фонологии AuE, в результате которых ученые утвердились во мнении, что австралийский английский вовсе не является неким «искажением» британского варианта или какой-либо другой разновидности английского языка, но самостоятельным диалектом, развившимся в ходе естественных языковых процессов, протекающих под воздействием политических, географических, социальных и культурных факторов [Richards, 2015].

Следует отметить, что Австралия не обладает настолько существенным количеством акцентов и диалектов, как Британские острова, однако на континенте традиционно выделяли три основных разновидности речи – Cultivated Australian (CAu), наиболее приближенный к BBC English, престижному акценту британцев, Broad Australian (BrAu), характеризующийся назальной окраской гласных, «плоскостью» интонационных контуров и, в частности, сдвигом дифтонгов *race – rice*, а также General Australian (AuE), на сегодняшний день являющийся самой популярной разновидностью австралийского английского языка, на которой говорят огромное количество современных жителей континента.

Исторические изменения и дополнения в развитии фонологии австралийского английского языка демонстрируют стирание границ между «народным говором» (BrAu), с одной стороны, и престижной культивированной речью (CAu) – с другой, и промежуточной общей версией (AuE). Эти тенденции в произношении всегда были связаны с желанием австралийцев отдалиться от традиционных связей с BBC English и сосредоточиться на поддержании и укреплении собственной национальной уникальности. По той же причине изначальной популярностью не пользовались так называемые «австрализмы», однако со временем они приобрели значительную популярность из-за снижения интенсивности австралийско-британских международных контактов. Таким образом, к концу XX века австралийский акцент, воплощающий в себе австралийские ценности и являющийся символом национальной идентичности, наконец, одержал славную победу над британским английским языком [Crotty, Roberts, 2009].

В целом, различия в австралийском английском в меньшей степени носят региональный характер и в большей степени определяются социальными, культурными, образовательными и сельско-городскими факторами [Nadal, 2016].

Среди общих характеристик австралийского английского в целом наблюдаются следующие любопытные черты:

- замедленный темп речи и суженный голосовой регистр по сравнению с BBC English, а также uptalk;
- замена дифтонга /eɪ/ дифтонгом /aɪ/, в результате чего слово *brain* звучит как *brine*;
- частая трансформация краткого гласного /ɪ/ в подобие слабого /i/, встречающегося в BBC в конечном открытом слоге, в результате чего словосочетание *fish and chips* может звучать как *feesh and cheeps*;
- дифтонгизация долгого /i:/ – *see* [si:→ səɪ];
- произнесение долгого дифтонгоида /u:/ как /əʊ/ – *cool* [ku:l → kəʊl];
- монофтонгизация дифтонга /ɪə/ – *near* and *clear* произносятся как [ni:] and [kli:];
- отсутствие существенной разницы между звуками /ʌ/ и /ɑ:/ – может ощущаться контраст длины, но звуки одинаковы по качеству, в результате чего слова *tut* [tʌt] и *tart* [tɑ:t] будут произноситься одинаково;
- замена краткого гласного /æ/ на краткий гласный /e/, в результате чего слова *bad* и *man* артикулируются как *bed* и *men*;
- назальная окраска гласных;
- безэрность и наличие связующего и интрузивного /r/;
- трансформация глухого взрывного /t/ и также звукосочетаний /tj, dj/ во фрикативные согласные /tʃ, dʒ/ – *Tuesday* ['tju:zdeɪ → 'tʃu:zdaɪ];
- одноударные согласные – фонологический процесс, состоящий в озвончении глухого /t/ и артикуляции его как /ɾ/. Одноударные согласные встречаются как в интервокальной позиции после ударной гласной, например, в словах *butter* ['bʌɾə], *water* ['wɔ:ɾə], *flatter* ['flæɾə], а также в тех случаях, когда согласная и гласная сливаются на границе двух слов, например, в словосочетании *get out* [geɾ aʊt];
- уподобление звукосочетаний /sj/ и /zj/ звукам /ʃ/ и /ʒ/, соответственно, в результате чего слова *assume* и *resume* произносятся как *ashume* и *rezhume*);
- частая элизия согласных /k, t, g/, в результате чего слова *facts* и *recognize* артикулируются как [fæks] and ['rekənaɪz];
- *h*-dropping, в результате чего словосочетание *half past two* будет произноситься как ['a: pa:s tu:] [Dixon, 2010].

Любопытное исследование по австралийской фонологии провели Mitchell и Delbridge. Авторы проанализировали различия между AuE и BBC English с точки зрения места артикуляции гласных и подчеркнули тот факт, что такие австралийские гласные, как /ɪ/, /e/, /æ/, /ɜ:/, /ə/, являются более закрытыми, нежели британские, а звук /ɪ/ в AuE сильнее продвинут вперед, чем в BBC English [Mitchell, Delbridge, 1946] (см. табл. 1):

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ АВСТРАЛИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ГЛАСНЫХ ПО MITCHELL И DELBRIDGE

Australian English	Ряд гласного	BBC English
iː, ɪ, e, æ, ɑː, ʌ	Передние гласные	iː, ɪ, e, æ
ɜː, ə	Средние гласные	ɜː, ə
ɒ, ɔː, ʊ, uː	Задние гласные	ɑː, ʌ, ɒ, ɔː, ʊ, uː

Таким образом, AuE является вариантом английского языка, помимо уникальных особенностей сочетающим в себе черты различных других вариантов, например, британского, кокни, эстуарного, американского. Однако «язык Осси» традиционно находится в тени гораздо более популярных британской и американской орфоэпических норм, и многие обучающиеся признают тот факт, что затрудняются назвать хотя бы один характерный фонетический признак AuE, когда речь заходит о региональных вариантах английского языка. В этой связи более детальное рассмотрение и анализ фонологических черт данного варианта студентами-англофонами, несомненно, будет способствовать расширению их фонетического и культурного кругозора, оттачиванию перцептивных и произносительных навыков, необходимых для улучшения навыков речепроизводства и речевосприятия на иностранном языке, и расширению коммуникативных границ.

В соответствии с вышесказанным, автором данной статьи был проведен эксперимент с целью выяснить, смогут ли студенты-англофоны идентифицировать австралийский вариант английского

языка на слух и дать фонетические характеристики каким-нибудь из идентифицированных ими черт AuE.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для определения способности студентов-англофонов к правильной идентификации австралийского варианта английского языка на слух, а также способности дать фонологическим характеристикам данного варианта профессиональную оценку (с целью дальнейшего применения полученных результатов, в частности, при обучении теоретической и практической фонетике английского языка для улучшения перцептивных и артикуляционных навыков обучающихся), был проведен эксперимент на основе произносительной нормы Австралии (AuE).

В эксперименте в качестве слушателей приняли участие 20 студентов обоих полов (с приблизительным сохранением гендерного баланса – 11 девушек и девять молодых людей), обучающихся на третьем курсе лингвистических факультетов московских вузов, в том числе МГЛУ. Студенты изучают дисциплины «практическая фонетика английского языка» и «теоретическая фонетика английского языка» в соответствии с методическими программами, принятыми в их высших учебных заведениях, и имеют по данным дисциплинам отличные оценки.

Материалом исследования послужили записи слитной речи австралийцев в формате «развернутая ответная реплика интервью». Дикторами были 10 мужчин в возрасте 20–30 лет, проживающие в Сиднее, Мельбурне, Брисбене, Аделаиде и Перте, получающие либо имеющие высшее образование в гуманитарных областях, среди них представители творческих профессий (художник-галерист и фотограф дикой природы), а также спортсмены-серферы. Все беседы проводились в сходных условиях, комфортных для участников эксперимента, что способствовало спонтанности и естественности речи. О целях исследования заранее не сообщалось, дабы избежать возможной гиперкоррекции речи при чтении и во время беседы.

Из данных записей речи были тщательно сегментированы те звуковые отрывки, в которых не содержалось никаких указаний на австралийское происхождение дикторов. Отобранный таким образом материал оказался достаточно обширным, его хронометраж составил около 60 минут. Полученные образцы были подвергнуты обработке программным обеспечением для профессионального редактирования звукозаписей «Adobe Audition», в том числе для сглаживания фоновых шумов, поскольку записи развернутых высказываний были сделаны на улице.

Принадлежность речи говорящих к литературной орфоэпической норме Австралии определялась профессиональными преподавателями – фонетистами Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в соответствии с классификацией фонетических особенностей AuE, указанной в специализированной фонетической литературе [Cox, Fletcher, 2012; Hickey, 2012; Crystal, 2019]. Для формирования статистики был использован пакет Microsoft Office Excel.

Каждому из слушателей – участников эксперимента было предложено внимательно ознакомиться с отобранным звуковым материалом в полном объеме и постараться указать фонологические черты, которые они сочтут специфическими в сравнении с британской литературной произносительной нормой, а также ответить на главный вопрос: какой именно региональный вариант английского языка они слышат.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Результаты проведенного эксперимента (см. табл. 2) представляют существенный интерес.

Овладение интонационными контурами и вообще мелодикой того или иного языка или, в данном случае, регионального варианта языка традиционно представляет для обучающихся наибольшую сложность. Однако узнавание просодических особенностей на слух является более легкой задачей, что и продемонстрировал данный эксперимент – мелодические признаки оказались для слушателей самыми несложными в идентификации. Замедленный темп речи дикторов отметили все участники, и подавляющее большинство также подчеркнули «относительное однообразие колебаний высоты голоса» и превалирование восходящих тонов, оценочно охарактеризовав подобные высказывания как «забавные». Следует отметить, что большинство студентов оказались знакомы с правильным термином для обозначения этого явления – uptalk.

Безэрность была отмечена абсолютным большинством слушателей, что неудивительно, так как данный признак является весьма заметным в речи. Практически все участники эксперимента отметили замену говорящими дифтонга /eɪ/ на дифтонг /aɪ/ и даже подобрали в своих записях минимальные пары типа *mate – mite*, *rain – Rhine*, *day – die*, *bay – bye*, *Spain – spine*, *tame – time*, *pain – pine* и т. д.

Следующие заметные характеристики были также перечислены большинством слушателей – участников эксперимента (в порядке убывания):

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО СЛУШАТЕЛЕЙ,
ОТМЕТИВШИХ ТОТ ИЛИ ИНОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК В РЕЧИ ДИКТОРОВ

Фонетические особенности	Слушатели, отметившие признак (в %)
/æ/ → /e/	47
/eɪ/ → /aɪ/	98
/ɪ/ → /i/	68
/sj, zj/ → /ʃ, ʒ/	89
/t/ → /tʃ/	91
/tj, dj/ → /tʃ, dʒ/	88
/uː/ → /əʊ/	90
/ʌ/ ≈ /ɑː/	34
h-dropping	95
uptalk	96
безэрность	100

Фонетические особенности	Слушатели, отметившие признак (в %)
дифтонгизация /iː/	91
замедленный темп	100
интрузивный /r/	69
Мелодика	
монофтонгизация /ɪə/	84
назальность гласных (twang)	87
одноударные согласные (flapping)	93
связующий /r/	79
сужение регистра	95
элизия /k, t, g/	31

- *h*-dropping (в словах *'ello*, *'ouse*, *'appy*, *'igh*, *'ome*, *'oping* и т. д.);
- флэпы (в словах *butter*, *water*, *better*, *scooter*, *sitter* и т. д.);
- произнесение фрикативного согласного /tʃ/ вместо альвеолярного согласного /t/ (*too* → *chew*, *trend* → *chrend, teen* → *cheen* и т. д.);
- дифтонгизация долгого /iː/ (*tea* [tiː → təɪ], *sea* [siː → səɪ], *be* [biː → bəɪ] *cheek* [tʃiːk → tʃəɪk], *teen* [tiːn → təɪn], *speak* [spiːk → spəɪk] и т. д.);
- замена долгого /uː/ на /əʊ/ (*pool* [puːl → pəʊl], *soon* [suːn → səʊn], *boot* [buːt → bəʊt] и т. д.).
- замена звукосочетаний /sj, zj/ на щелевые фрикативные /ʃ, ʒ/ (в словах *assume*, *resume*, *presume*, *pursue* и т. д.)
- замена звукосочетаний /tj, dj/ на щелевые фрикативные /tʃ, dʒ/ (*tumour – chewmour*, *Tuesday – Chewsday* и т. д., в словах *reduce*, *introduce*, *produce* и т. д.);
- явный назальный характер в речи практически всех дикторов;
- монофтонгизация дифтонга /ɪə/ (в словах *near*, *clear*, *tear*, *dear*, *bear*, *fear* и т. д.).
- наличие связующего /r/ (в словосочетаниях *there is / are*, *where is / are*, *fear of*, *for us*, *her eyes*, *creature is*, *wear it*, *hair is*, *car is* и т. д.).

Следует отметить, что целый ряд других особенностей речи дикторов были отмечены меньшим числом слушателей, поскольку данные модификации являются более сложными и требуют более обширных теоретических знаний о звуковых модификациях, возможных в английской речи, а также особых перцептивных умений, в частности, тонкости слуха:

- наличие интрузивного /r/ (*media attention* → *media*[r]*attention*, *a media event* → *a media*[r] *event*, *I saw a film* → *I saw*[r]*a film*, *Sarah and Jake* → *Sarah*[r] *and Jake* и т. д.);
- ослабление краткого гласного /ɪ/ (*tick* → *teek*, *chick* → *cheek*, *chin* → *cheen*, *tip* → *teep*, *sin* → *seen*, *spin* → *speen*);
- замена краткого гласного /æ/ на краткий гласный /e/ (*mad – med*, *melody – malady*, *sad – said*, *sand – send* и т. д.);
- малозаметная разница между звуками /ʌ/ и /ɑː/ (в словах *park*, *cart*, *start*, *draft*, *far*, *car* и т. д.);
- элизия взрывных согласных /k, t, g/ (в словах *facts, recognize* и т. д.).

Таким образом, практически всем студентам-англофонам, участвующим в эксперименте, удалось распознать звуковые модификации, являющиеся особенностями речи дикторов, а также дать им «фонетическую» оценку.

Однако при ответе на главный вопрос проводимого эксперимента, а именно, к какому региональному варианту английского языка следует отнести речь дикторов, результаты эксперимента кардинально изменились. То, что дикторы говорят на австралийском английском, сумели определить только две студентки-участницы эксперимента, причем признавшись, что опирались в своих выводах не на теоретическое знание непосредственно черт данного варианта, а на предыдущий эмпирический опыт – одна из них является поклонницей творчества австралийского актера Хью Джекмана (родился в Сиднее) и регулярно смотрит его интервью на языке оригинала, а вторая смотрит в оригинале многосерийную американскую медицинскую драму «Доктор Хаус», где ее любимым персонажем является врач из Австралии Роберт Чейз, роль которого исполняет австралийский актер Джесси Спенсер (родился в Мельбурне). Остальные участники эксперимента признались, что затрудняются идентифицировать диалект, употребляемый в прослушанных речевых отрывках, поскольку исходя из имеющихся у них теоретических знаний о существующих вариантах английского языка, они могут сказать, что отмеченные ими специфические особенности принадлежат к разным вариантам.

Среди высказанных предположений были американский английский из «южных штатов» (один из студентов назвал Луизиану как догадку, поскольку знал, что луизианский говор является безэрным; также на эту мысль некоторых слушателей навел флэппинг, назальность и сужение голосового регистра), кокни и эстуарный английский (в качестве аргументов приводились сдвиг /eɪ/ → /aɪ/, *h*-dropping, дифтонгизация /iː/, замена /t/ и подобных сочетаний на /tʃ/ и подобные сочетания и uptalk); некоторые участники эксперимента предположили AAVE в связи и заменой /æ/ → /e/, поскольку сочли, что данная модификация может служить признаком этого варианта.

По признанию студентов-англофонов, наибольшее удивление у них вызвала замена /ɪ/ → /i/, поскольку за ошибки в парах слов, различаемых по смыслу в связи с признаком долготы/краткости гласного, они подвергались самой серьезной критике со стороны преподавателей-фонетистов. Также их удивила возможность существования в варианте английского языка такого сдвига, как /æ/ → /e/, который они охарактеризовали как «типичную ошибку русскоговорящих», и отсутствие заметной разницы между гласными /ʌ/ и /ɑː/ по той же причине.

Узнав, что прослушали записи слитной речи дикторов, говорящих на австралийском английском, участники эксперимента выразили сожаление, что не знакомы с характерными фонологическими особенностями данного варианта, и изъявили желание восполнить этот пробел в своих знаниях теоретической и практической фонетики.

ВЫВОДЫ

Детальные теоретические знания о специфических характеристиках всех региональных вариантов английского языка, в первую очередь, несомненно, способствуют оттачиванию перцептивных и артикуляционных навыков, необходимых для беспрепятственной коммуникации, а также расширяют кругозор студентов-англофонов, тем самым являясь прекрасным средством для культурного обогащения, необходимого в условиях современной многополярности мира и принятия иного образа мыслей и жизни. Практическое умение определить и при желании испробовать «на вкус» различные литературные нормы и диалекты английского языка также будет отличной тренировкой для студентов-англофонов, а также объектом профессиональной гордости, давая возможность продемонстрировать фонетический талант и интеллектуальные способности. Повышение популярности, в частности, литературной нормы Австралии среди студентов также представляет несомненный интерес для лингвистов и преподавателей фонетики английского языка – новые теоретические изыскания и свежий взгляд на практические компетенции всегда способствуют приливу научной и творческой энергии как у преподавателя, так и у его аудитории, чей исследовательский интерес будет только подкреплен возможностью узнать больше о чьей-либо необычной культуре через призму главного средства передачи культурных реалий и ценностей, а именно, национального языка и речи. Дополнительным позитивным фактором в данной языковой ситуации станет укрепление способности обучающихся овладевать аутентичным языком и таким образом адаптироваться в коммуникативной среде, естественной для его носителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rajendra S., Rajendra V. Cultures of the world. Australia. Amazon: Kindle, 2006.
2. Damousi J. Colonial voices. A cultural history of English in Australia 1840–1940. Cambridge: CUP, 2010.

3. Desmond V. The Awful Australian. Sydney: Alexandria Library, 2011.
4. Richards K. The story of Australian English. Sydney: University of South Wales, 2015.
5. Crotty M., Roberts D.A. The turning points in Australian English. Amazon: Kindle, 2009.
6. Nadal A. A comparative analysis of Australian English and RP monophthongs. Barcelona: Universitat Autónoma, 2016.
7. Dixon R. M. W. The languages of Australia. New York: CUP, 2010.
8. Mitchell A.G., Delbridge A. The Pronunciation of English in Australia. London: Angus and Robertson Ltd, 1946.
9. Cox F., Fletcher J. Australian English pronunciation and transcription. Cambridge: CUP, 2012.
10. Hickey R. Standards of English, codified varieties around the world. New York: CUP, 2012.
11. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Bangor: University of Wales, 2019.

REFERENCES

1. Rajendra, S., Rajendra, V. (2006). Cultures of the world. Australia. Amazon: Kindle
2. Damousi, J. (2010). Colonial voices. A cultural history of English in Australia 1840–1940. Cambridge: CUP.
3. Desmond, V. (2011). The Awful Australian. Sydney: Alexandria Library.
4. Richards, K. (2015). The story of Australian English. Sydney: University of South Wales.
5. Crotty, M., Roberts, D. A. (2009). The turning points in Australian English. Amazon: Kindle.
6. Nadal, A. (2016). A comparative analysis of Australian English and RP monophthongs. Barcelona: Universitat Autónoma.
7. Dixon, R. M. W. (2010). The languages of Australia. NY: CUP.
8. Mitchell, A.G., Delbridge, A. (1946). The Pronunciation of English in Australia. London: Angus and Robertson Ltd.
9. Cox, F., Fletcher, J. (2012). Australian English pronunciation and transcription. Cambridge: CUP.
10. Hickey, R. (2012). Standards of English, codified varieties around the world. NY: CUP.
11. Crystal, D. (2019). The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Bangor: University of Wales.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Ксения Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Xenia Sergeevna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373.46
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_76

Сравнительный анализ использования жестов-адаптеров в синхронном переводе

А. В. Леонтьева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lentevanja27@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль мануальных жестов-адаптеров в синхронном переводе, а также выявляются сопровождающие их типы затруднений. При исследовании корпуса из 20 видео были применены такие методы, как семантический анализ жестов и лексико-фонетический анализ затруднений. В результате был установлен высокий уровень употребления жестов-адаптеров; он был отмечен вместе с таким типом затруднений, как заполнители пауз.

Ключевые слова: жесты, синхронный перевод, жесты-адаптеры, когнитивная нагрузка, полимодальность

Для цитирования: Леонтьева А. В. Сравнительный анализ использования жестов-адаптеров в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 76–81. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_76

Original article

The Comparative Analysis of Adapters in Simultaneous Interpreting

Anna V. Leonteva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lentevanja27@gmail.com

Annotation. The present study investigates the role of manual adapting gestures in simultaneous interpreting and the accompanying types of verbal difficulties. 20 videos were analyzed using the semantic analysis of gestures and lexico-phonetic analysis of verbal difficulties. The result showed a high level of the usage of adapters, especially in combination with such difficulties as fillers.

Keywords: gestures, simultaneous interpreting, adapters, cognitive load, multimodality

For citation: Leonteva, A. V. (2023). The comparative analysis of adapters in simultaneous interpreting. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 76–81. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_76

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике наблюдается тенденция к изучению языка в аспекте полимодальности, т. е. интерес современных исследователей не ограничивается лишь вербальным планом. Экстралингвистические составляющие коммуникации, такие как просодия, жесты, расстояние между говорящими, также несут важную информацию. В данной работе внимание уделяется мануальным жестам, а именно адаптерам. Данные жесты являются наименее изученными в сравнение с другими типами жестов, например дейктическими, прагматическими, репрезентирующими и т. п. Однако адаптеры являются важной частью построения коммуникации, их использование не лишено смысла и важно в процессе коммуникации.

Адаптеры являются одними из самых распространенных и употребляемых жестов [Beattie, Aboudan 1994]. Они также являются одними из первых жестов, которые начинает употреблять человек, так как схожи с естественными физиологическими движениями, например почесываниями, поправлением одежды и т. д.

В научной литературе адаптеры описываются по-разному: «самоадаптеры почесывания» («grooming self-adaptors») [Ekman, Friesen, 1969, с. 85], «жесты самоконтакта» («self-contact gestures») [Morris, 1977, с. 103], «манипуляторы» [Marcovic, 2017, с. 13]. Такие жесты способны указывать на внутреннее состояние говорящих, как правило, они совершаются подсознательно, так как используются для самоуспокоения, если говорящий испытывает стресс, тревогу или ощущает потерю контроля над ситуацией [Ekman, 2004, Marcovic, 2017]. Наиболее частыми адаптерами являются почесывания, накручивание прядей волос, перебирание пальцев, покашливания и т. п. В данный момент также отмечается роль смартфонов, так как различные манипуляции с данным гаджетом, по-видимому, способны снизить уровень тревоги говорящего [Hans, Hans, 2015].

При общей классификации жестов по интенциональности и по градации от эмблем, жестов с высокой конвенциональностью и намеренностью, обусловленной их семантикой, так как они способны заменять слова или понятия (например, поднятый вверх большой палец используется для выражения одобрения), до самих адаптеров, последние находятся на противоположной стороне жестового континуума, так как они являются идеосинхроничными жестами. Говорящий совершает такие жесты часто неосознанно и ненамеренно и поэтому не наделяет их каким-либо смыслом [Ekman, Sorenson, Friesen, 1969]. Такие жесты описываются в контексте самофокусированных движений [Freedman, 1977], так как они часто возникают в момент задумчивости и «ухода в себя». Эти движения не имеют коммуникативной направленности [Cienki, 2017].

Однако отсутствие семантики и коммуникативности не делают данные жесты менее значимыми, нежели другие жесты. Адаптеры способствуют снижению когнитивной нагрузки, которую испытывают коммуниканты в процессе общения или выполнения некоторых задач [Cienki, Iriskhanova, 2020].

Понятие когнитивной нагрузки неотъемлемо связано с процессом синхронного перевода, так как подобный вид деятельности является трудоемким и энергозатратным. Сложность процесса перевода зависит от различных факторов, например, от наличия лексических единиц, которые являются сложными для быстрого понимания. Такими единицами могут быть числительные, идиомы, перечисления и т. д. Иные затруднения может вызвать тематика текста, так как повышенное содержание незнакомых терминов может осложнять процесс понимания текста-исходника, а значит, и его перевода. Сложности могут возникать также на просодическом и фонетическом уровнях, например, если исходный текст произносится с высоким темпом речи или с незнакомым / сложным для понимания акцентом. Трудность также может представлять незнакомая логика построения исходного текста.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ материала проводился на 20 видеозаписях синхронного перевода с русского языка на английский и с английского на русский со средней продолжительностью 10 минут. Общая продолжительность корпуса составляет 200 минут.

Видеоматериал был проанализирован в специальной программе ELAN, предназначенной для анализа речи[1]. В процессе лексико-фонетического анализа были выявлены типы затруднений, которые возникали у участников эксперимента в процессе перевода. Для установления сопровождающих их типов жестов был использован семантический анализ невербальной составляющей.

Типы затруднений анализировались для выявления моментов повышения когнитивной нагрузки у переводчиков. В результате были выделены следующие типы речевых затруднений: увеличение длительности звука (гласного / согласного) (*wellllll, sooo, таким ооообразом*), замедление общего темпа

[1] URL: https://archive.mpi.nl/tla/elan

речи, долгие паузы, повторы слов (*триста- триста, million- million*), неразборчивая речь/бормотание, обрыв речи (слов / фраз) (*диноза-, biodiver-*), заполнители пауз (*эммм, нуууу, ааа*).

Анализ невербальной составляющей показал, что переводчики используют четыре типа жестов: адаптеры, репрезентирующие, прагматические и дейктические жесты. Адаптеры в свою очередь были разделены на два подтипа: самоадаптеры, т. е. движения, направленные на себя (поглаживание волос, касание одежды / аксессуаров и т. п.) и объектные адаптеры, движения, направленные вовне (касание стола, пульта управления и т. п.).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Результаты проведенного анализа показали, что адаптеры являются вторыми по встречаемости жестами (первыми по употреблению жестами стали прагматические, см. табл. 1). Большое количество употребления адаптеров может быть связано с тем, что их амплитуда как правило является небольшой и ограниченной в пространстве, поэтому они привлекают меньше внимания. Такие жесты могут быть восприняты как более подходящие в рабочей обстановке [Poyatos, 1997], что соответствует обстановке, которая возникает во время синхронного перевода. Более того, сам процесс такого перевода, как было отмечено выше, является довольно энерго- и ресурсозатратным. В таком случае адаптеры выступают в качестве средства снижения когнитивной нагрузки, общего стрессового фона, а также могут способствовать процессу «перераспаковки» лексических единиц из одного языка в другой. На это также может указывать частое употребление адаптеров совместно с заполнителями пауз, так как заполнители могут сигнализировать о возникновении затруднения в процессе воспроизведения речи [Levelt, 1983], которая связана с процессом подбора языковой единицы для выполнения корректного перевода (см.: [Clark, Fox Tree, 2002]).

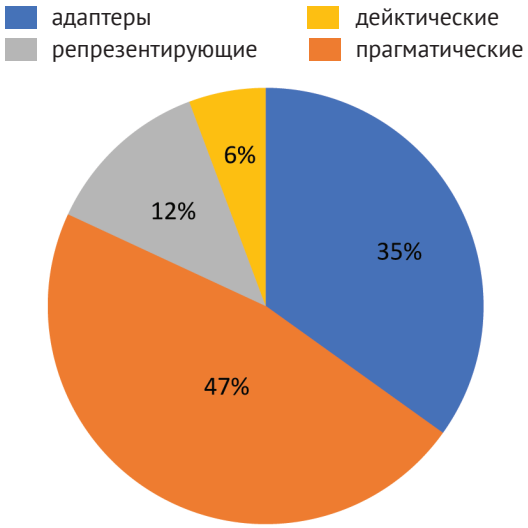
Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ТИПОВ ЖЕСТОВ В РЕЧИ

Адаптеры	704
Прагматические	949
Репрезентирующие	250
Дейктические	115
Итого	2018

Диаграмма 1

ПРОЦЕНТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ЖЕСТОВ В РЕЧИ



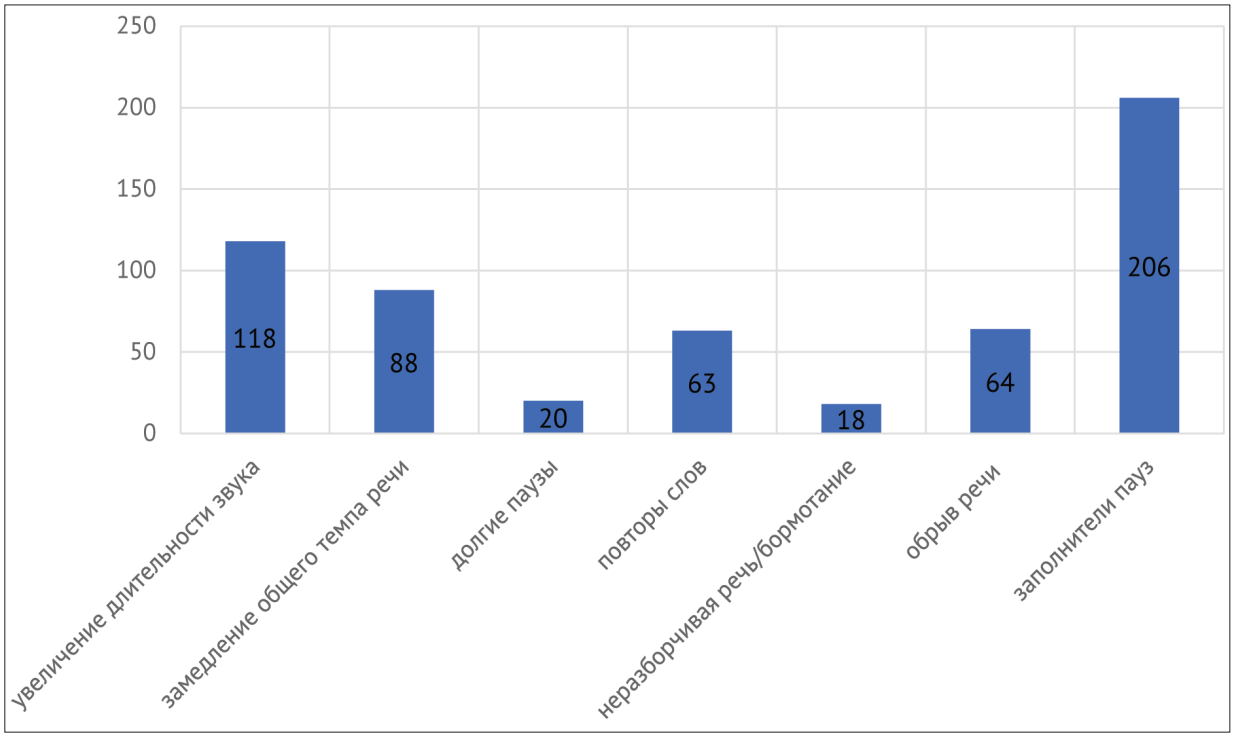
Анализ подкатегорий адаптеров показал, что говорящие чаще использовали самоадаптеры (533), чем объектные адаптеры (44). Преобладание самоадаптеров может свидетельствовать о том, что жесты, направленные на себя, являются более эффективными при снижении нагрузки и выполнении рабочих задач, таких как, например, облегчение понимания перевода для слушающего или использование такой заполненной паузы для дальнейшего планирования перевода [Tissi, 2000]. В рамках данного исследования мы предполагаем, что такие жесты способствуют ментальному (внутреннему) концентрированию в сравнение с другими типами жестов, репрезентирующими, прагматическими и дейктическими, которые чаще используются для реализаций некоторых коммуникативных функций (см. диаграмму 1).

Далее для выявления частотности совместного употребления были проанализированы полимодальные кластеры «речевое затруднение + адаптер». Анализ показал, что чаще всего адаптеры сопровождают такие затруднения, как заполнители пауз (206 случаев употребления) и увеличение длительности звука (118 случаев употребления) (см. диаграмму 2).

Сопоставительный анализ перевода с русского на английский и с английского на русский показал, что в переводе с русского на английский употребление кластеров является более частым (см. табл. 2). Тем не менее есть некоторые различия при увеличении длительности звука и долгих паузах, так как данные кластеры встречаются чаще в переводе с английского языка на русский. Данная речевая закономерность может объясняться общей

Диаграмма 2

КОЛИЧЕСТВО РЕЧЕВЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ В РЕЧИ



тенденцией к более частой встречаемости таких затруднений при данном направлении перевода. Однако особенности перевода с русского на английский требуют дополнительных исследований.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО КЛАСТЕРОВ
«РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ + АДАПТЕРЫ»

Речевые затруднения	англ.-рус.	рус.-англ.
увеличение длительности звука	69	49
замедление общего темпа речи	37	51
долгие паузы	14	6
повторы слов	16	42
неразборчивая речь / бормотание	7	11
обрыв речи	23	41
заполнители пауз	94	112
Итого	260	312

При рассмотрении процентного соотношения встречаемости полимодальных кластеров, мы можем заметить, что одинаково часто встречаются кластеры с заполнителями пауз (36 % в обоих направлениях перевода) и примерно одинаковое процентное распределение получает замедление общего темпа речи (см. диаграммы 3–4). Таким образом, можно предположить, что данные кластеры наименее зависимы от направления перевода и являются наиболее универсальными.

Диаграмма 3

ПРОЦЕНТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАСТЕРОВ
«РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ + АДАПТЕРЫ»
В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ

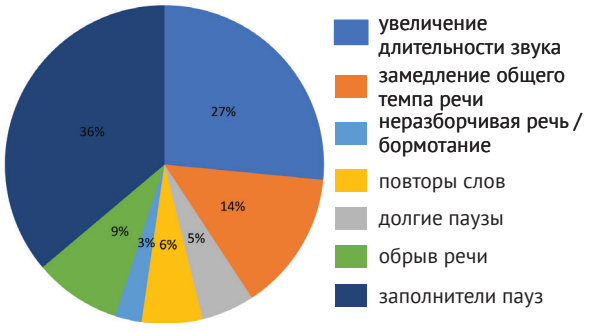
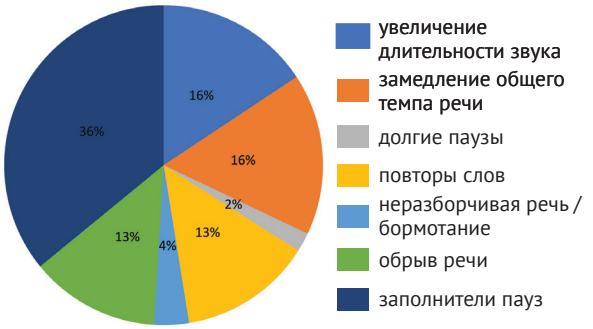


Диаграмма 4

ПРОЦЕНТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАСТЕРОВ
«РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ + АДАПТЕРЫ»
В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что адаптеры играют значительную роль в профессиональной коммуникации. На примере видеозаписей синхронного перевода, осуществленного с русского языка на английский и с английского языка на русский, было выявлено значительное количество случаев употреблений адаптеров. В процессе перевода встречаются два подтипа таких жестов: самоадаптеры и объектные адаптеры. Первый тип встречается значительно чаще второго. Анализ речевых затруднений и сопровождающих их адаптеров показал, что чаще всего такие жесты встречаются совместно с заполнителями пауз и увеличением длительности звука. Сопоставительный анализ двух направлений перевода выявил высокую частотность употребление адаптеров совместно с заполнителями пауз как в переводе с русского на английский, так и с английского на русский. Таким образом, можно сделать вывод, что такой тип жестов, в силу своей способности к снижению когнитивной нагрузки и сохранению контроля над ситуацией, помогает говорящим сконцентрироваться на своих коммуникативных задачах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Beattie G., Aboudan R. Gestures, pauses, and speech: An experimental investigation of the effects of changing social context on their precise temporal relationships // Semiotica. 1994. Vol. 99 (3/4). P. 239–272.
2. Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // Semiotica. 1969. Vol. 1. P. 49–98.
3. Morris D. Manwatching: A field guide to human behavior. New York: H.N. Abrams, 1977.
4. Marković H. Kinesics and body language in simultaneous and consecutive interpretation. Master's thesis, Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, Faculty of Humanities and Social Sciences, 2017.
5. Ekman P. Emotional and conversational nonverbal signals // Language, Knowledge, and Representation. Philosophical Studies Series / ed. by J. M. Larrazabal, L. A. Pérez Miranda. 2004. Vol. 99. Dordrecht: Springer. P. 39–47.
6. Hans A., Hans E. Kinesics, haptics, and proxemics: aspects of non-verbal communication // IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS). 2015. Vol. 20 (2). P. 42–52.
7. Ekman P., Sorenson E. R., Friesen W.V. Pancultural elements in facial displays of emotion // Science. 1969. Vol. 164(3875). P. 86–88.
8. Freedman N. Hands, words and mind: On the structuralization of body movements during discourse and the capacity for verbal representation // Communicative structures and psychic structures: A psychoanalystic approach / ed. by N. Freedman, S. Grand. New York: Plenum Press, 1977. P. 109–132.
9. Cienki A. Ten lectures on Spoken language and Gesture from Perspective of Cognitive Linguistics // Issues of Dynamicity and Multimodality. Leiden–Boston–Brill, 2017.
10. Cienki A., Iriskhanova O. K. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. No 1. С. 5–11.
11. Poyatos F. The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation" // Nonverbal Communication and Translation: New Perspectives and Challenges in Literature, Interpretation and the Media / ed. by F. Poyatos. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1977. P. 249–282.
12. Levelt W. J. M. Monitoring and self-repair in speech // Cognition. 1983. Vol. 14. P. 41–104.
13. Clark H. H., Fox Tree J. E. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking // Cognition. 2002. Vol. 84. P. 73–111.
14. Tissi B. Silent pauses and disfluencies in simultaneous interpreting: A descriptive analysis // The Interpreters Newsletter. 2000. Vol. 10. P. 103–127.

REFERENCES

1. Beattie, G., Aboudan, R. (1994). Gestures, pauses, and speech: An experimental investigation of the effects of changing social context on their precise temporal relationships. Semiotica, 99(3/4), 239–272.
2. Ekman, P., W. V. Friesen. (1969). The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding. Semiotica, 1, 49–98.
3. Morris, D. (1977). Manwatching: A field guide to human behavior. New York: H. N. Abrams.
4. Marković, H. (2017). Kinesics and body language in simultaneous and consecutive interpretation. Master's thesis, Josip Juraj Strossmayer University of Osijek, Faculty of Humanities and Social Sciences. https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:142:389626
5. Ekman, P. (2004). Emotional and conversational nonverbal signals. In: Larrazabal, J. M., Pérez Miranda, L. A. (eds.), Language, Knowledge, and Representation. Philosophical Studies Series, 99, 39–47. Dordrecht: Springer.
6. Hans, A., Hans, E. (2015). Kinesics, haptics, and proxemics: aspects of non-verbal communication. IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS), 20(2), 42–52.
7. Ekman, P., Sorenson, E. R., Friesen, W. V. (1969). Pancultural elements in facial displays of emotion. Science, 164(3875), 86–88.
8. Freedman, N. (1977). Hands, words and mind: On the structuralization of body movements during discourse and the capacity for verbal representation. In N. Freedman, N., Grand S. (eds.), Communicative structures and psychic structures: A psychoanalystic approach (pp. 109–132). New York: Plenum Press.
9. Cienki, A. (2017). Ten lectures on Spoken language and Gesture from Perspective of Cognitive Linguistics. Issues of Dynamicity and Multimodality. Leiden–Boston–Brill.
10. Cienki, A., Iriskhanova, O. K. (2020) Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 1, 5–11.
11. Poyatos, F. (1977). The reality of multichannel verbal-nonverbal communication in simultaneous and consecutive interpretation". In Poyatos, F. (ed.), Nonverbal Communication and Translation: New Perspectives and Challenges in Literature, Interpretation and the Media (pp. 249–282). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
12. Levelt, W. J. M. (1983). Monitoring and self-repair in speech. Cognition, 14, 41–104.
13. Clark, H. H., Fox Tree, J. E. (2002). Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. Cognition, 84, 73–111.
14. Tissi, B. (2000). Silent pauses and disfluencies in simultaneous interpreting: A descriptive analysis. The Interpreters Newsletter, 10, 103–127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонтьева Анна Васильевна
научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса
при Московском государственном лингвистическом университете

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonteva Anna Vasylievna
Research Scientist, Center of Socio-Cognitive Discourse Studies
at Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_82

Прагматическое значение немецкой жестовой фразеологии (на примере вариантов кинеграммы «Hut ab!»)

К. В. Манёрова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
k.manerova@spbu.ru

Аннотация. В статье представлены наблюдения над вариантами немецкой кинеграммы *vor jmd*., *etw. den Hut abnehmen* (*снять шляпу перед кем-л. или чем-л.*) и *Hut ab!* (*Снимаю шляпу*!), маркерами вежливости, на материале 120 примеров из немецкого электронного словаря DWDS. Рассмотрены отражения прагмалингвистической категории вежливости в полном варианте кинеграммы и изменение денотативной соотнесенности в ее редуцированном варианте с учетом следующих критериев: диалогичность жестов, ситуации употребления, роль адресата.

Ключевые слова: лингвопрагматика, метакоммуникативная категория вежливости, кинеграммы, фразеожесты, немецкий язык

Для цитирования: Манёрова К. В. Прагматическое значение немецкой жестовой фразеологии (на примере вариантов кинеграммы «Hut ab!») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 82–90. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_82

Original article

Pragmatic Meaning of German Gesture Phraseology (on the example of variants of the kinegram «Hut ab!»)

Kristina V. Manerova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
k.manerova@spbu.ru

Abstract. The observations on the variants of the German kinegram *vor jmd., etw. den Hut abnehmen* (*take off your hat in front of sb*.) and *Hut ab!* (*I take my hat off!*), markers of politeness, on the material of 120 examples are presented. The reflection of the pragmalinguistic category of politeness in the full variant of the cinegram and the change of the denotative connotation in its reduced variant, taking into account dialogicality of gestures, situations of use, the role of the addressee, are considered.

Keywords: lingvopragmatics, metacommunicative category of politeness, kinegrams, phrase-gestures, German

For citation: Manerova, K. V. (2023). Pragmatic meaning of German gesture phraseology (on the example of variants of the kinegram «Hut ab!»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 82–90. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_82

ВВЕДЕНИЕ

Статья представляет собой опыт реконструкции ситуаций употребления немецкой кинеграммы *vor jmdm., etw. den Hut abnehmen* (*снять шляпу перед кем-л. или чем-л.*) в полном и редуцированном варианте с учетом роли адресата. На материале 120 примеров из корпуса Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache[1] рассматриваются ситуации реализации кинеграммы в прямом и во фразеологическом значении, дается прагмалингвистическая характеристика ситуаций употребления жеста вежливости, рассматривается гендерная детерминация кинеграммы. Жест вежливости – снятие шляпы в виде приветствия – считается архаичным в современной социальной ситуации Германии, вследствие чего представлен в примерах употребления кинеграммы в основном в немецких литературных источниках XX века. Редуцированный вариант кинеграммы *Hut ab!,* частотный в современном немецком языке, представлен примерами из современной публицистики и социальных медиа.

Цель работы – показать взаимосвязь структурной вариантности кинеграммы *vor jmdm., etw. den Hut abnehmen*, *Hut ab!* и изменения ее прагмалингвистического значения от обозначения жеста вежливости до выражения восхищения в форме комплимента.

В ходе исследования поэтапно решались следующие задачи:

1) изучить основные работы по вербализации жестики вежливости как проявления кинесики в немецкой фразеологии;
2) рассмотреть буквальное и символьное значение кинеграмм как особого класса полиденотативных фразем;
3) описать диалогичность жеста в полном и редуцированном вариантах кинеграммы *vor jmdm., etw. den Hut abnehmen, Hut ab!*;
4) реконструировать ситуации употребления кинеграммы с импликацией выражения вежливости и комплимента;
5) рассмотреть роль адресата обоих вариантов кинеграммы с учетом его социальной, гендерной и возрастной детерминированности.

Для анализа прагмакоммуникативной специфики кинеграммы используются компонентный анализ и прагмалингвистический подход в сочетании с контекстуальным анализом. Компонентный анализ позволяет описать морфосинтаксическую и семную структуру вариантов немецкой кинеграммы. В рамках применения прагмалингвистического подхода описаны ситуации и роль адресата для употребления вариантов кинеграммы.

Как известно, с 70-х годов XX века вежливость как коммуникативно-прагматическая категория межсубъектного общения становится объектом рассмотрения в лингвистике. Вежливость понимается лингвистами как действующая норма в коммуникации [Тхи Минь, 2022], соблюдаемая партнерами по коммуникативному акту на основе принятого по умолчанию конверсационного договора. Термин «конверсационный договор» (*англ.* conversational contract) в теорию коммуникативных актов ввел Брюс Фрейзер [Fraser, 1990]. Исследователь считал, что в рамках коммуникативного акта его участники договариваются и придерживаются некой поведенческой нормы согласно их знанию прав, обязанностей и условностей. Семы поведенческой нормы – вежливой или ее нарушения в виде агрессии (антивежливости) – входят в семантику оценочных немецких лексем:

- прилагательных: *höflich* «вежливый», *taktvoll* «тактичный», *unhöflich* «невежливый», *grob* «грубый»,
- существительных: *Höflichkeit* «вежливость», *Taktgefühl* «чувство такта», *Grobheit* «грубость», *Rauheit* «хамство»,
- глаголов: *hochachten* «высоко ценить кого-л., что-л.», *sich verbeugen* «поклониться», *beleidigen* «обидеть кого-л.»,
- фразеологизмов: *schimpfen wie ein Rohrspatz* «~ругаться как сапожник», *gegen jmdn, etw. vom Leder ziehen* «нападать на кого-л., ополчиться на кого-л.», *vor jmdm, etw. den Hut abnehmen* «снять шляпу в знак уважения, приветствия, признания»,
- словосочетаний: *eine freche Gangart* «развязная походка» и др.

Поведенческая норма может проявляться и через жесты, отражающие социальное и личностное поведение коммуникантов. «При анализе материала мы опирались на теоретические основы фразеологии, изложенные в трудах отечественных исследователей [Аспекты фразеологической устойчивости, 2022]. В статье были использованы также труды по сопоставительному изучению формул вежливости, разговорных клише и этикетных обращений Флориана Кулмаса [Conversational routine, 1981]. Параллельно были рассмотрены тезисы, содержащиеся в монографии Акселя Хюблера [Hübler, 2001] о языке тела и кинеграммах. Было проанализировано теоретическое изложение семантических свойств кинеграмм Гаральдом Бургером [Burger, 2010]. В основу статьи были положены

[1] Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https:// www.dwds.de (даты обращения: 10.09.2022–30.09.2022).

также труды российских и зарубежных исследователей о жестике вежливости [Переверзева, 2018; Крейдлин, Хесед, 2018; Neuland, 2018]».

К жестам относятся знаковые движения рук, ног, плечей, головы, тактильные жесты различной амплитуды, позы [Крейдлин, 2002]. Жестовые акты – поклон, приветствие, прощание – в речи часто обозначаются средствами вторичной номинации, т. е. при помощи фразем, и эти номинации переходят в категорию фразеожестов и кинеграмм.

Фразеожесты, к которым относятся и жесты вежливости, представляют собой одну из групп паралингвистики, под которой понимается «совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации» [Крейдлин, 2002, с. 367].

Кинеграммы (от *греч.* kinetikos – приводящий в движение) – устойчивые выражения, которые описывают движения тела, обращение с предметами одежды, мануальные жесты. Кинеграммы обладают буквальным и фразеологическим значением, и оба значения могут быть реализованы в речи. Эти выражения вербализируют язык тела, кинесику: жестику, мимику, проксемику [Burger, 2010, с. 64]. Несмотря на то, что в терминологии есть несущественная разница, немецкая жестовая фразеология, а именно фразеожесты и кинеграммы – часть невербального этикета.

Как известно, фразеологизмы – единицы вторичной номинации – реализуют в речи свое идиоматическое значение. Н. Ф. Алефиренко обращает внимание на наличие двух денотатов в номинационном поле фразеологизма [Алефиренко, 2005, с. 23]. Приведем наш пример: «Один денотат – называемая прототипичная предметная ситуация, т. е. буквальное значение фраземы, его этимологический образ, "предшественник", например, фразеологизма из религиозного дискурса *die Kirche im Dorf lassen*, *букв.* 'оставить церковь в деревне'. Другой денотат – словарное значение фраземы, сформировавшееся в результате переосмысления, то значение, которое для названной фраземы мы назвали бы идиоматическим: "не преувеличивать, не перегибать палку"» [Манёрова, 2019, с. 96]. Кинеграммы полиденотативны и семиотически многозначны, но в отличие от большинства фразеологизмов допускают двойное толкование – как буквальное, так и идиоматическое [Burger, 2010, с. 61]:

> Man lüftet vor jemanden einen Hut (буквальное толкование), womit man diese Person grüßt und ihr zugleich eine Ehrenbezeugung erweist (*символьное толкование*). – Перед кем-нибудь снимают шляпу, тем самым приветствуют этого человека и оказывают ему честь.

Оба толкования, обусловленные наличием двух денотатов в номинационном поле кинеграммы, могут реализоваться в синхронии, таким образом, этимологический образ, «предшественник» фразеологизма употребляется в контекстах, независимых от символьного значения кинеграммы. Буквальное толкование номинирует движение и жест, т. е. намеренное или инстинктивное телесное событие. Коммуникативный потенциал кинеграмм приписывается их символьному, идиоматическому значению, относящемуся в целом к таким коммуникативно-прагматическим категориям, как социальное и личностное поведение, проявление эмоций, движение души, рефлексия, выражение принятых условностей и демонстрация социально и коммуникативно значимых сигналов, например:

- die Stirn runzeln – 1) наморщить лоб, 2) быть недовольным чем-л.
- auf die Knie sinken – 1) опуститься на колени, 2) просить, умолять о чем-л.
- sich am Kopf kratzen – 1) чесать голову, 2) размышлять над чем-л.
- den (Zeige) Finger auf die Lippen legen – 1) приложить указательный палец к губам, 2) призывать к соблюдению тишины и молчания

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ЖЕСТА В КИНЕГРАММЕ

«Языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность – это форма существования языка в речи» [Кожина, 1986, с. 11]. Кинеграммы и закодированные в них жесты диалогичны в смысле взаимодействия общающихся, которое подразумевает соотношение смысловых позиций, демонстрацию эмоций и интенций, а также расчет на реакцию адресата. Мы солидаризируемся с мнением Е. П. Буториной о том, что вежливость – дискурсивная категория, которая «оценивается не абсолютно, а относительно ожиданий партнеров по коммуникации» [Буторина, 2018, с. 49]. Жест диалогичен по направлению к адресату, и в этом смысле движение, выказывающее вежливость или почтение, подразумевает сигнальность этого движения для окружающих.

Жесты вежливости, кодифицированные в вариантах немецкой кинеграммы *vor jmdm., etw. Hut abnehmen* и *Hut ab!,* относятся к области прагмалингвистических исследований фразеологии. Примечательно, что этот жест и разница в его полной и редуцированной номинации до настоящего времени не привлекали внимания исследователей.

Мануальный жест небольшой амплитуды, вербализованный в кинеграмме *vor jmdm., etw. Hut abnehmen*, имеет широко понимаемое культурное значение: головной убор (в нашем случае – мужская шляпа) – социально значимый аксессуар, маркер статуса в общеевропейском понимании. Обнажение головы – древний, культовый, сакральный знак глубокого уважения, почитания и преклонения, признания чьих-то заслуг. Этот жест зарождается в древнем мире и затем распространяется в европейской культуре как жест уважения к власти, к вышестоящим. Данное обстоятельство позволяет отнести описываемую жестикуляцию к дискурсу власти.

Наименование мужского головного убора шляпы (*нем*. Hut) является компонентом ряда фразеологизмов в немецком языке. Фразеологизмы с компонентом *Hut* объединены общим значением установления и развития, демонстрации социальных отношений, профессиональной деятельности, комплементарности, например:

den Hut aufhaben – нести ответственность за мероприятие, быть ответственным лицом (*в проекте*)

den / seinen Hut nehmen [müssen] – (быть вынужденным) уйти с должности, уйти в отставку

den / seinen Hut in den Ring werfen – 1. заявить свою кандидатуру, бросить вызов, 2. подать заявление на должность, на участие в конкурсе, участвовать в выборных, конкурсных процедурах (от *англ.* to throw one's hat in the ring)

vor jemandem, etwas den Hut ziehen – выказывать уважение к кому-л. или чему-л.

mit jemandem, etwas nichts am Hut haben – не иметь с кем-л. ничего общего, не желать иметь с кем-л. ничего общего

jemandem eins auf den Hut geben – отругать кого-л., поставить кого-л. на место

Hut ab! – *разг.* Снимаю шляпу!, Преклоняюсь!

СИТУАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КИНЕГРАММЫ

Рассмотрим ситуации употребления обоих вариантов кинеграммы.

Отметим, что прямое, буквальное, значение кинеграммы *vor jmdm., etw. Hut abnehmen* (*фактический жест, снимание головного убора*) не имплицирует коммуникативной значимости вежливости:

> Der Inspektor nimmt den Hut ab, setzt sich erschöpft auf den Sessel links vom Sofa (*Dürrenmatt F. Die Physiker. Zürich: Arche 1962. S. 17*)[1]. – Инспектор снимает шляпу, устало садится на кресло слева от дивана[2].

В случае с рассматриваемым устойчивым выражением необходимо разделять его полный вариант *vor jmdm., etw. Hut abnehmen* и редуцированный *Hut ab!*, так как прагмакоммуникативное значение этих вариантов различается. Для проведения анализа различий приведем следующий тезис В. С. Храковского и А. П. Володина: в акте речевого общения выбор формы для выражения вежливости принимается с учетом ситуации общения, предпочтительного социального общения, ролей говорящего и слушающего [Храковский, Володин, 1986, с. 224]. Таким образом, вежливость выступает организатором коммуникативного взаимодействия.

Жест, номинированный в кинеграмме *vor jmdm., etw. Hut abnehmen*, относится к невербальным этикетным формулам, маркерам вежливости. Прагматическая и коммуникативная направленность в акте выражения вежливости свойственна значениям кинеграммы *vor jmdm., etw. (den) Hut abnehmen*. По корпусу примеров выявлены следующие ситуации употребления.

1. Условно понимаемое невербальное поведение, а именно жест вежливости при приветствии как визуальный сигнал адресату, как компонент светского приветствия:

> Von Zeit zu Zeit nahm er den Hut ab und grüßte in angemessenem Bogen (*Langgässer E. Das unauslöschliche Siegel. Hamburg: Claassen 1959* [*1946*]. *S. 46*). – Время от времени он снимал шляпу и склонялся в приличествующем поклоне.

2. Гендерно детерминированный жест, описывающий нормы поведения мужчины в общественных закрытых помещениях: в церкви, университете, музее, лифте, ресторанах, кабинетах власти. Кинеграмма, выявленная по корпусу примеров в этом значении, используется в книгах по этикету (*нем*. Benimmbücher):

> In einigen geschlossenen Räumen - wie in einer Kirche, einem Museum oder einem Aufzug – nimmt ein Herr immer den Hut ab (*Chamrath G. Lexikon des guten Tons. Wien: Ullstein 1954 [1953], S. 120*). – В закрытых помещениях – как в церкви, музее или в лифте – господин всегда снимает шляпу.

[1] Здесь и далее примеры приведены с сайта Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https:// www.dwds.de (даты обращения: 10.09.2022 – 30.09.2022).

[2] Здесь и далее перевод мой. – *К. М.*

3. Гендерно детерминированный, фактический жест приветствия и выражения почтения у гражданских и военных лиц мужского пола:

> Als er den Herrn von Richenau erblickte, nahm er respektvoll den Hut ab (*Knittel J. Via Mala. Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft, 1957* [*1934*]. *S. 165*). – Когда он увидел господина фон Рихенау, он почтительно снял шляпу.

4. Конфессионально детерминированный жест перед христианской молитвой и во время нее:

> "Es ist Allerseelentag," sagte Tilly, nahm seinen Hut ab und betete (*Huch R. Der Dreißigjährige Krieg, Wiesbaden: Insel-Verl, 1958* [*1914*]. *S. 266*). – «День поминовения всех усопших верных», – сказал Тилли, снял шляпу и помолился.

5. Жест уважения военных к павшим, побежденным и пленным, а также перед памятниками героям:

> Der Großvater nahm vor dem steinernen Obelisk den Hut ab, faßte Marius bei der Hand und verharrte einige Augenblicke in stummer Andacht (*Der Spiegel, 17.02.1986*). – Дед снял перед каменным обелиском шляпу, взял Мариуса за руку и на несколько мгновений застыл в молчаливом благоговении.

6) Светский жест фактического поведения мужчины при встрече с дамой:

> Beim Grüßen nimmt der Herr den Hut ab und bleibt bis zur Verabschiedung mit dem Hut in der Hand stehen; vor allem der Herr vor der Dame (*Chamrath G. Lexikon des guten Tons. Wien: Ullstein 1954* [*1953*]. *S. 120*). – При приветствии господин снимает шляпу и остается до прощания стоять со шляпой в руке, прежде всего господин перед дамой.

Данный жест вежливости обязателен для мужчины при встрече с супругой, отсутствие жеста вызывает недоумение:

> Aber nimmt jeder Deutsche auch vor seiner eigenen Frau auf der Straße den Hut ab? (*Baudissin W. von, Baudissin E. von. Spemanns goldenes Buch der Sitte. Berlin: Directmedia Publ., 2004* [*1901*], *S. 2478*). – Но снимает ли каждый немец шляпу и перед своей собственной женой на улице?

7) Гендерно детерминированный жест извинения:

> Bei Entschuldigungen nehmen Herren den Hut ab (*Gratiolet, K. [d.i. Struppe, Karin]: Schliff und vornehme Lebensart. Berlin: Directmedia Publ., 2004* [*1918*]. *S. 7018*). – При извинении господа снимают шляпу.

8) Ритуальный, обрядовый жест прощания с умершим:

> Knapp an der Leiche nahm Lehrer Rölke den Hut ab, das taten ihm alle Jungen nach (*Grimm H. Volk ohne Raum. München: Langen, 1932* [*1926*]. *S. 69*). – Рядом с трупом учитель Рёльке снял шляпу, за ним это сделали все мальчики.

Результаты анализа приведенных примеров показывают, что кинеграмма в ее полном варианте *vor jmdm., etw.* (*den*) *Hut abnehmen* может быть отнесена к области устаревающих фразеожестов вежливости, обозначающих церемонные и чопорные этикетные социально-коммуникативные действия, в том числе принятые и употребляемые еще во времена сословно разделенного общества Германии (ср. пп. 1, 2, 3, 6). Религиозность, трагичность и драматичность события также могут быть ситуацией употребления полного варианта кинеграммы (ср. пп. 4, 5, 8).

Наоборот, вербальное переосмысление фразеожеста как выражение восхищения в знак признания чьих-то заслуг активно используется в современном немецком языке. Оно выражается через редуцированную форму кинеграммы *Hut ab!,* вошедшую в форме эксклamатива в употребление с XIX века.

> Aber wir wissen, Nabokov – großer Schriftsteller, Hut ab! (*Das Literarische Quartett vom 4. Mai 2001*). – Но мы знаем, Набоков – великий писатель, снимаем шляпу!

Известно, что редуцированные формы фразеологизмов могут развивать отдельные фреймы в значении, ср., например, варианты фразеологизма *Alpha und Omega* (*Альфа и Омега*) – устойчивая сакральная буквенная формула для выражения общности, цельности, единичности, вечности Бога-Творца и редуцированная форма *das A und O* (*основное, суть; важное, то, от чего зависит успех*), в которых редукция компонентов является причиной вариантности формулы [Манёрова, 2022]. Случай с вариантами кинеграммы *vor jmdm., etw. Hut abnehmen* подтверждает наше наблюдение: к жестам выражения вежливости с буквальным толкованием, а именно к жесту приветствия, добавляется фразеологическое значение редуцированного варианта *Hut ab*! (*Снимаю шляпу!*) как выражение

признания, уважения, восхищения. Редуцированный вариант с элиминацией корневого спрягаемого глагола *nehmen* перешел в другой класс фразеологизмов, а именно в коммуникативные клише, рутинные формулы. Наряду с эксклamативом возможно употребление формулы без восклицательного знака:

> Wissen Sie, es gibt ein schönes Wort von Robert Schumann, als er Chopin-Noten zum ersten Mal gesehen hat, hat er gesagt: Hut ab, meine Herren, ein Genie (*Das Literarische Quartett vom 4. Mai 2001*). – Знаете, есть хорошее выражение Роберта Шумана, когда он в первый раз увидел ноты Шопена, он сказал: «Снимаю шляпу, мои господа, это гений».

Прагма-коммуникативное значение редуцированного варианта кинеграммы изменилось в направлении перехода в структуру модели речевого поведения со значением «комплимент». Комплименты – «такие высказывания, в которых говорится о чем-то хорошем, присущем тому или иному лицу, что, естественно, приятно Адресату» [Гладров, Которова, 2021, с. 161]. По мнению К. Вагнера, комплимент содержит в себе «дружеское, радушное признание» чьих-либо достижений, заслуг, качеств в русле позитивной оценки [Wagner, 2001]. Ситуация употребления редуцированного варианта кинеграммы *Hut ab*! – преимущественно радостное событие: достижение, победа, успех или праздник (ср. пп. 9–12 ниже):

> Hut ab, Autor, wunderbar gemacht! (*Die Zeit, 14.09.2016*). – Снимаю шляпу, автор, замечательно сделано!

> Gratulation an Österreich und Hut ab (*Die Zeit, 29.09.2015*). – Поздравление Австрии и снимаю шляпу.

> Hut ab vor der Leistung, vor diesem Druck, dem sie standgehalten haben (*Die Zeit, 14.03.2015*). – Снимаю шляпу перед результатом, перед давлением, которое они выдержали.

Примечательно, что в кинеграмме в редуцированной форме головной убор может быть скорее воображаемым, но произнесение кинеграммы может сопровождаться жестом приподнимания воображаемой шляпы, что напрямую связано с традицией культурно принятой жестики.

АДРЕСАТ КИНЕГРАММЫ

Прагматика жеста, выказывающего вежливость или почтение, заключается в его диалогичности по отношению к адресату. Именно адресат оценивает жест как вежливый или невежливый. Разница между полным и редуцированным вариантом кинеграммы показательна для роли адресата. Так, адресаты в полном варианте кинеграммы *vor jmd., etw. den Hut abnehmen* обычно выше или равны ему по статусу и возрасту: вышестоящие лица, родители, учителя и наставники, а также дамы (ср. примеры в пп. 1, 3, 6). Таким образом, для жестикулирующего возможна ситуация отношений подчинения или социального неравенства в вертикальной иерархии власти «снизу – вверх» в рамках дискурса власти, как соблюдение дистанции между собой и вышестоящими или представителями другого пола. Редуцированный вариант *Hut ab*! подразумевает адресата, чье достижение заслужено вызывает восхищение, преклонение, уважение, например:

9. Адресант и адресат могут состоять в отношениях социального равенства:

> "Hut ab," schrieb der Fußballer an seinen Kumpel (*Die Zeit, 11.01.2014*). – «Снимаю шляпу», – написал футболист своему товарищу.

> Hut ab, Sigmar Gabriel! (*Die Zeit, 10.12.2013, Nr. 50*). – Снимаю шляпу, Зигмар Габриель!

> Hut ab, Dein Blog ist super gut gemacht (*Schabziger Gnocchi. Lamiacucina, 21.11.2013*). – Снимаю шляпу, твой блог сделан отлично.

10. Адресат может быть коллективным, например, представлять спортивную команду.

> Der Besitzer hat an uns geglaubt, Hut ab vor ihm und den Spielern", betonte Terry, der wegen einer Roten Karte in München nicht spielen, die Trophäe aber in Empfang nehmen durfte (*Die Zeit, 20.05.2012*). – «Владелец поверил в нас, снимаю шляпу перед ним и игроками», – подчеркнул Тьерри, который не мог играть в Мюнхене из-за красной карточки, но взял трофей.

> Hut ab vor der Mannschaf», kommentierte ein glücklicher Sportdirektor Rudi Völler beim TV-Sender Sky (*Die Zeit, 07.12.2013*). – «Снимаю шляпу перед командой», – прокомментировал счастливый спортивный директор Руди Фёллер на телевизионном канале Скай.

> Hut ab vor der Leistung von BMW (*Die Zeit, 28.04.2012*). – Снимаю шляпу перед результатом БМВ.

11. Адресат может быть неодушевленным, указан как топоним.

Hut ab vor der Türkei, die mit sehr großer Anstrengung fast 30000 Flüchtlinge versorge (*Die Zeit, 16.06.2012*). – Снимаю шляпу перед Турцией, которая с большим усилием обеспечила почти 30000 беженцев.

12. Фразеожест может быть адресован качеству, выраженному абстрактным существительным:

«Hut ab vor seiner Standfestigkeit!», schrieb er in der neuen Ausgabe der Wochenzeitung «Die Zeit» (*Berliner Zeitung, 27.08.2004*). – «Снимаю шляпу перед твоей стойкостью!» – написал он в последнем номере еженедельника «Ди Цайт».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования корпуса 120 немецких примеров кинеграммы показали, что кинеграмма употребляется как в прямом значении фактического жеста, так и значении жестов вежливости: приветствия и комплимента. Как буквальное, так и символическое значения относятся к разным ситуациям прагмакоммуникативного спектра выражения вежливости. Полный вариант кинеграммы *vor jmd., etw. den Hut abnehmen* обозначает устаревший в культуре Германии ритуал мужского приветствия посредством снятия головного убора. Вариант кинеграммы вербализирует этикетные диалогичные жесты, а именно жест вежливого приветствия, жест уважения, жест извинения, обрядовый жест прощания. В ходе исследования установлено, что сохранение иерархии социальных ролей характерно для литературных текстов, в которых полный вариант фразеожеста вежливости обозначает церемонные этикетные социально-коммуникативные действия, принятые в сословно разделенном обществе Германии. В современном немецком обществе этот жест вежливости утрачивает конвенциональность, вследствие чего в современном немецком языке выражение *den Hut abnehmen* означает и употребляется как фактический жест снятия головного убора. Редуцированный вариант *Hut ab!* обозначает комплимент как знак признания чьих-либо заслуг. Реконструированы ситуации употребления полного и редуцированного вариантов кинеграммы, установлена разница их коннотаций, что выражается преимущественно в прагматике освещения радостных событий в контекстах употребления редуцированного варианта.

Ситуации употребления полного варианта кинеграммы включают различные роли адресата, в большинстве случаев превосходящего адресанта в социальном статусе, по возрасту, а также отличающегося от него по полу с учетом гендерной детерминированности. Для контекста употребления редуцированного варианта *Hut ab!* статус адресата малорелевантен. В сокращенном варианте кинеграммы развивается фразеологическое или символьное значение, актуальное и широко употребительное в современном немецком языке последних десятилетий. Прагма-коммуникативное значение этого выражения аксиологично, а именно соотносится с оценкой чьего-либо достижения, успеха и победы в форме комплимента. Редуцированный вариант перешел в разряд рутинных формул, имеет форму эксклamатива, употребляемого и без восклицательного знака. Сделан вывод о различии полного и редуцированного вариантов кинеграммы по отношению к ситуациям употребления и адресатам, как о разнице прагматического значения в моделях речевого поведения. Таким образом, установлена взаимосвязь структурной вариантности кинеграммы и изменения ее прагмалингвистического значения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тхи Минь Н. Н. Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 110–116. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110
2. Fraser B. Perspectives on politeness // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 219–236.
3. Аспекты фразеологической устойчивости. К 110-летию проф. И. И. Чернышевой: коллективная монография / Добровольский Д. О. [и др.] ; под ред. канд. филол. наук, доц. Е. Н. Цветаевой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022.
4. Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech / ed. by F. Coulmas. The Hague: Mouton, 1981.
5. Hübler A. Das Konzept «Körper» in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften. Tübingen; Basel: Francke, 2001.
6. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010.
7. Переверзева С. И. Детские вежливые жесты и их отображение в русской литературе XIX–XX вв.: жест «шаркнуть ногой» // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной

научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН. 2018. С. 202–212.
8. Крейдлин Г. Е., Хесед Л. А. Русские поведенческие прилагательные в аспекте категорий вежливости и невежливости // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 115–121.
9. Neuland E. Höflichkeitsstile. Intragenerationell und intergenerationell // Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext / A. Deppermann, S. Reineke (Hrsg.). Germanistische Sprachwissenschaft um 2020. Bd. 3. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018. С. 321–346.
10. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение. 2002.
11. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова. К 65-летию проф. В. М. Мокиенко: сборник научных статей / под ред. М. Алексеенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 21–27.
12. Манёрова К. В. Дискурсивная секуляризация как условие формирования фразеологического значения в немецком языке// Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Вып. 16 (1). С. 88–104. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.107
13. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
14. Буторина Е. П. Вежливость и антивежливость в деловом дискурсе. // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2018. С. 45–52.
15. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив Л.: Наука. 1986.
16. Манёрова К. В. Вариантность произносительной нормы и значения в свете семантико-когнитивного анализа: немецкий фразеологизм das A und O // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. P. 74–98. URL: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98
17. Гладров В., Которова Е. Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: ЯСК, 2021.
18. Wagner K. Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang. 2001.

REFERENCES

1. Thi Minh, N. N. (2022). The concept of «politeness» in Vietnamese culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 110–116. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110 (In Russ.)
2. Fraser, B.(1990). Perspectives on politeness. Journal of Pragmatics, 14, 219–236.
3. Dobrovol'skii, D. O. et al. (2022). Aspekty frazeologicheskoi ustoichivosti = Aspects of phraseological stability: collective monograph for the 110th anniversary of prof. I. I. Chernysheva. Moscow: MSLU. (In Russ.)
4. Coulmas, F. (ed.) (1981). Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton.
5. Hübler, A. (2001). Das Konzept «Körper» in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften. Tübingen; Basel: Francke.
6. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
7. Pereverzeva, S. I. (2018) Detskie vezhlivye zhesty i ikh otobrazhenie v russkoi literature XIX–XX vv.: zhest «sharknut' nogoi» = Children›s polite gestures and their reflection in the Russian literature of the 19th–20th centuries: the gesture "shuffle your foot." Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii (pp. 202–212). Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018. Moscow: Rosspen. (In Russ.)
8. Kreidlin, G. E., Khesed, L. A. (2018). Russkie povedencheskie prilagatel'nye v aspekte kategorii vezhlivosti i nevezhlivosti = Russian behavioral adjectives in the aspect of the categories of politeness and impoliteness. Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii (pp. 115–121): Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018. Moscow: Rosspen. (In Russ.)
9. Neuland, E.(2018). Höflichkeitsstile. Intragenerationell und intergenerationell. In Deppermann A., Reineke S. (Hrsg.), Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext. Germanistische Sprachwissenschaft um 2020 (Bd. 3, S. 321–346). Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH.

10. Kreidlin, G. E. (2002). Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk = Non-verbal semiotics. Body Language and Natural Language. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
11. Alefirenko, N. F. (2005). Frazeologicheskoe znachenie: priroda, sushchnost', struktura = Phraseological meaning: nature, essence, structure. In Alexeenko, M. (ed.), Grani slova (pp. 21–27): a collection of scientific articles to the 65th anniversary of prof. V. M. Mokienko. Moscow: ELPIS.
12. Manerova, K. V. (2019). Meaning ambiguity of idiom-constructions *Gott weiß / weiß Gott* in German. Discursive secularization as precondition for phraseological meaning. Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature, 16(1), 88–104. https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.107 (In Russ.)
13. Kozhina, M. N. (1986). O dialogichnosti pis'mennoi nauchnoi rechi = On the dialogicality of written scientific speech. Perm'.
14. Butorina, E. P. (2018). Vezhlivost' i antivezhlivost' v delovom diskurse =Politeness and Antipoliteness in Business Discourse. Vezhlivost' i antivezhlivost' v yazyke i kommunikatsii (pp. 45–52): Proceedings of the International scientific conference held at the Institute of Linguistics of the Russian State University of Humanities, October 23–24, 2018. Moscow: Rosspen. (In Russ.)
15. Khrakovskii, V. S., Volodin, A. P. (1986). Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ = Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
16. Manerova, K. V. (2022). Variation of pronunciation norm and meaning in light of semantic-cognitive analysis: German idiom das A und O. Nauchnyi dialog, 11(7), 74–98. 10.24224/2227-1295-2022-11-7-74-98. (In Russ.)
17. Gladrow, W., Kotorova, E. G. (2021). Modeli rechevogo povedeniya v nemetskoi i russkoi kommunikativnoi kul'ture = Models of speech behavior in German and Russian communicative culture. Moscow: YaSK. (In Russ.)
18. Wagner, K. (2001). Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манёрова Кристина Валерьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры немецкой филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manerova Kristina Valerievna
PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of German Philology,
St. Petersburg University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'22:81'27:81'42
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_91

Кодирование рекламного дискурса с лингвистического ракурса

Р. М. Миндиахметова
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
r.m.khasanova@yandex.com

Аннотация. На материале англоязычной коммерческой рекламы обсуждаются вопросы кодирования рекламного сообщения с учетом горизонтального и вертикального срезов культурного контекста. Применение семиотического метода с подключением лингвокультурологических процедур анализа позволяет представить рекламный дискурс как схему развертывания рекламных смыслов, зашифрованных в кодах и знаках культуры, внутридискурсивное взаимодействие которых обеспечивает косвенную передачу авторского замысла и внедрение заданной картины мира в массовое сознание.

Ключевые слова: кодирование, смысл, рекламный дискурс, культурный код, знак лингвокультуры, интерпретация

Для цитирования: Миндиахметова Р. М. Кодирование рекламного дискурса с лингвистического ракурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 91–99. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_91

Original article

Encoding Advertising Discourse from Linguistic Positions

Rimma M. Mindiakhmetova
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
r.m.khasanova@yandex.com

Abstract. The issues of encoding advertising message with reference to horizontal and vertical dimensions of cultural context based on English commercials are discussed. The use of semiotic method with application of linguacultural procedures of analysis allows to regard advertising discourse as a scheme of sense development of advertising information deciphered in cultural codes and signs, interaction of which within the discourse space indirectly conveys the author's intention and embeds a certain worldview in collective consciousness.

Keywords: encoding, sense, advertising discourse, cultural code, linguacultural sign, interpretation

For citation: Mindiakhmetova, R. M. (2023). Encoding advertising discourse from linguistic positions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 91–99. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_91

INTRODUCTION

The problematics of media communication, analysis of texts used to enlighten different community strata and popularize a certain lifestyle are becoming of great interest in Humanities, especially in Language Studies. Various features of media discourse have been discussed within the framework of Communicative Linguistics aimed at establishing the most effective means of speech impact on mass consciousness. In this regard advertisement due to its complex structure, based on combination of two and more semiotic systems, interaction and interinfluence of which produce integrated communicative effect on addressees [Ворошилова, 2013, p. 22], deserves special attention. *Topicality of the work* concerns the fact that semiotic texts seem more attractive to a target audience than homogeneous texts. These heterogeneous advertising texts considerably affect motivational sphere of the reader, drawn in the process of deciphering its playing polycode nature [Гридина, 2009]. Since motives strongly determine consumer behavior, linguists concentrate their efforts on versatile analysis of semiotic aspects of the advertising text. The present paper seeks to throw light on the process of encoding of advertising information, i. e. to reveal how advertising message passes from the ad creator to the consumer from the point of view of Semiotic Linguoculturology. Hence, the research is held at the nexus of semiotic and cultural approaches to discourse-analysis. Admittedly, different aspects of verbal as well as non-verbal levels of advertising discourse have been thoroughly explored in Linguistics. But very few studies have analyzed the interaction of these systems from the integrative approach. The major tenet of the investigation lies on traditional view that advertising is a massive ideological instrument that sways public opinions, shapes and modifies the way we look at things. This implies the idea of using symbolic messages to represent the reality and reflect human values [Ritson, Elliot, 1997] via signs and codes of a linguaculture. A wide range of signs and codes in advertising are meant to revive a variety of social and ideological experiences. The view of advertising discourse as a structure of signs and codes outlines the scope of *implemented methodology*, which is largely predetermined by semiotic prospects. Structural-semiotic method may help to explain how this or that cultural system is organized, and how sense is transmitted through this structure. This is of paramount importance when analyzing art texts [Осипова, 2011], including texts of advertising. Indeed, advertising and art have much in common. Imagination and emotions are the pillars of both of them. Contemporary advertisements may be touching and aesphetic the same way as any other piece of art. This affords ground to consider contemporary advertising texts a form of art, which combines creativity and beauty to attain marketing goals. In order to analyze interplay of code systems in advertising discourse we employ linguoculturological procedures and methods needed to identify interconnection of culture and language: 1) method of sense interpretation as the basic linguistic strategy, 2) contextual analysis that inetrprets the meaning of a sign with reference to other signs, 3) linguoculturological commentary, which discloses national specificity of this or that cultural code [Миндиахметова, 2022, p. 53].

BASIC CONCEPTS OF LINGUACULTURAL ENCODING THEORY

Before proceeding to the analysis of the empirical base of our survey it is essential to give definitions of some basic terms that language scholars can operate when dealing with text encoding/decoding. The key concept of our investigation is advertising as a discourse practice. It is impossible to gain an insight into the way discourse is molded in advertising without a clear picture of what is meant by discourse, and by advertising discourse as well, with regard to the tasks of the current study. By referring to the notion of discourse we will make an attempt to investigate advertising as a communicative event that takes place in the semiotic reality around us. An overwhelming object of research uniting the humanities in their search for semiotically expressed [Fairclough, 2004, p. 225–226] discourse has a wide range of topics to be tackled within this or that scientific domain. Judging by numerous definitions proposed by linguists, it is still considered to be a rather tangible and elusive concept ineterpretation of which depends on a researcher's views and academic interests. Seemingly, this intricate and complicated phenomenon, which «puts language, action, interaction, values, beliefs, symbols, objects, tools, and places together» [Gee, 1999, 27], will never lose its attraction to scholars. We look upon discourse as a total of thematically united texts that one way or another relate to one common subject. Discourse theme unfolds not in a single text, but intertextually, through complex interplay of a variety of texts [Tchernyavskaya, 2001, p. 16]. Hence, we hold that *advertising discourse* is a set of verbal and nonverbal texts interaction of which renders the advertising message of a certain company. Presumably, not only texts written for promoting goods circulate within the space of advertising discourse, but also texts

that may indirectly help to boost sales. For instance, generally reagarded as a text of PR discourse company logo shapes corporate image of a unique company that sells the best ever goods. Needless to say, brand values such as quality, reliability, respect, etc. eventually project onto the image of the advertized product as a result of positive effect of brand associations. Thus, providing that a text contributes to distributing products it has relevance to advertising discourse. In other words, a multitude of signs of advertising semiotic space form plenty of intertextual links with various discursive practices of human life. So, interpretion of an advertising text is carried out with engagement of the background knowledge of an addressee and creation intertextual links betwee this particular text and other texts. For instance, movie stars in advertising realize many cultural meanings. These senses migrate into advertising discourse from other discourses (cinematic discourse, actor's discourse, publicistic discourse, etc.) involved in the process of sense deciphering. Such broad interpretation of advertising discourse makes it possible to get a sophisticated understanding of peculiarities of sense decoding of the advertising discourse: the reader perceives and interprets advertising message on the basis of experience gained in manifold human activities.

Detailed consideration should be given to the notion of *cultural code*. Cultural code is understood as a system of multiple languages of culture (verbal and nonverbal), sense interpretation of which discloses cultural information about values, beliefs, norms of a given linguaculture. The cultural code of a linguaculture appears as a kind of matrix that contains all the elements of the cultural paradigm of representatives of the nation, their behavioral patterns from semiotic point of view. As the means of transferring cultural sense cultural codes maintain integrity of cultural language area. Consequently, while accumulating cultural memory the code of culture plays the role of ideological and social mechanism of reproducing cultural meanings. This manifests communicative function of the cultural code in advertising. It regulates social relations, sets priorities and ideals, determines tastes and moods of mass audience. Moreover, as a specific marker of *us vs. them* polarization, signs and codes become a powerful instrument of manipulation. They are passwords that may be of benefit for the advertiser to properly communicate his audience. They give the author of advertising texts wide opportunities to insert implicit statements by means of shared cultural presuppositions.

Taking into account the fact that discourse is a complex sense structure of two layers, it is reasonable to differentiate two levels of codification. The upper level contains the so-called explicit information, which the author wants to present to the audience. Whilst the deep level, or structure, comprises a vast amount of hidden senses, or implicit information. Due to language conventions, stereotypes and unspoken communicative postulates that exist in this or that linguaculture the reader comes across this information unconsciously. The general sense of the discourse therefore manifests itself in the explicitly expressed thought and relevant to the advertising context knowledge about the world. Codes of the upper level lie on the surface of the advertising discourse and name cultural objects (artifacts). These coded signs intersect with the codes of the deep level of a culture and take on additional more active ideological sense [Hall, 1973, p. 12]. Thus, comprehension of the message of advertising depends on the reader's ability to interpret the meaning of artifacts by means of the codes of the deep sense level, which encode information about diverse spheres of human life. Put it otherwise, cultural code affects the content of the advertising discourse and the way it is interpreted by mass audience. As an essential constituent of media communication cultural code becomes the meeting point of conceptual and cultural information in the media text. Subsequently, the cultural code of advertising should be understood as an unfolding scheme of cultural senses [Миндиахметова, 2018, p. 45]. Accordingly, encoding is looked upon as a creative process of writing advertising messages with consideration to the model of decoding by the target audience. The author goes largely on the premise that interaction of cultural codes in human mind underpins cognitive operations of sense interpretation and further reconstruction of the given idea. Communicative purpose may be achieved only if the encoded information (meaning) matches the intended meaning. This calls for careful selection of the upper level signs.

Another key term that we are going to apply in our study of encoding advertising is a *sign*. A sign may be anything that takes meaning, which is not the sign itself. All audio-visual elements of advertising message are viewed as signs. The notion of a sign is a core one in Linguoculturology. And, importantly, it is not to be confused with the concept of code. Obviously, the demarcation line between the sign and the code is quite vague. Their correlation still brings thought for debate among linguists. In this research the terms are not interchangeable, considering that a code is viewed as a structure of many senses and meanings, whereas a sign usually has one particular meaning, which may be interpreted differently in every new context. Stated otherwise,

an interpreted sign runs against the boundaries of its meaning, usually iconic or indexal, and takes on a symbolic (as a rule, attached to some cultural tradition) sense, becoming a code. A code is a cluster of signs such as the above-mentioned component of advertising discourse *company logotype*. It comprises the following signs: typeface, wording, color, font and configuration. Linguoculturology pays special attention to the signs of a particular ethnolinguaculture. A *linguacultural sign* is a sign the denotational meaning of which is accompanied by the connotational one within the context of this or that linguaculture. To understand 'what is meant by what is said,' we need to know the context, as it helps to assign the meaning to words [Larina, Leontovich, 2015, p. 9–10]. *Cultural context* is a decisive factor in communicating advertising information through cultural codes, inasmuch the latter as a system of secret words or symbols convey messages that are contextually bound [Hyatt, Simons, 1999, p. 28] to the national world picture. In this research carried out from the perspective of Linguoculturology we define cultural context as a set of cultural models (behavior patterns, beliefs, values, attitudes, abilities) accepted and approved within the scope of national culture. The cultural context of a given linguaculture is sustained by a series of cultural codes passed down from generation to generation.

A CASE STUDY OF ADVERTISEMENTS ADDRESSED TO AMERICAN TARGET AUDIENCE

The survey of sense interpretation of advertising text is based on the assumption that cultural context has two dimensions: horizontal and vertical. This enables to elaborate on the very essence of the encoding theory.

I. Encoding advertising of a particular historical period (horizontal cultural context)

As was stated above, emerging in the context of this or that culture cultural codes greatly influence tastes and needs of mass audience. For advertising to be more effective ad creators use codes that are dominant in a certain cultural context. This may be illustrated by Thanksgiving Day holiday commercial of the largest American bank, financial services holding company JP Morgan [JP Morgan Chase Holiday Commercial]. The advert abounds in cultural codes, interaction of which helps to deliver the advertiser's ideas to the audience. The surface level consists of a variety of signs that represent two cultural spheres of life: community life and corporate culture. The scenes of a family celebrating Thanksgiving Day, taking photos, sharing precious moments together convey the sense of mutual support and warm atmosphere among employees, on the one hand, and concern for clients – on the other. At the same time, since a human being perceives the surrounding world through the prism of his native culture and mother-tongue, sense interpretation of the upper level codes depends on the axiological system of a recipient as a representative of this or that ethnoculture, norms and customs of which governs the routing of sense decoding. Ethnocultural senses are highlighted in the verbal register:

> Let's give thanks for an idea. The grand idea called America. The idea that if you work hard, you are entitled to throwing away forty percent of food food per year, while the rest of the world starves.

A nation of hard workers, striving for a better life through pesistent labour, Americans are highly aware of their superiority over other nations. Attaching this national sense to the advertising text, the copywriter hints that JP Morgan's employees undertake their duties thoroughly. Following this interpretation an addressee concludes that one of the basic principles of corporate daily routine is equality. The sense line continues further, when the author brings up one of the big problems of the community:

> This has led to other ideas, like racism and wars, to Justin Bieber, and to the free market for the rich and free coffee for the rest. Our country has gone through a lot, but this idea isn't fragile. When times get tough, we bond them out of another country. Everyday more people believe in the American idea. And when those pathetic morons fall for it, we just get a little bit richer.

Metaphorically comparing the company with the country, the advertiser points out that the company seeks for leadership and excellence on a competitive market just like America struggles for superiority on the international arena. Since competition is the driving force of healthy American society, the idea of competition encoded in the text implies that owing to employees' rivalry spirit the company survive, prospers and makes profit. Doubtless, the commercial appeals to American patriotism, evoking strong feelings and emotions. Patriotic, or the one that arouse the basic instinct, advertisement is always emotional. By the way, emotional advertising is believed to be a product of American culture, and as such makes the audience feel proud of the country.

American patriotism, or Americanism, often becomes a core message of an advertising text, permeating every sign of national advertising space. The subject of ideals of independence, equality before the law, freedom of speech [Kazin, McCartin, 2006] ensures the success of advertising campaign. Undoubtedly, the strategy raises brand's standing in the eyes of mass audience with every new commercial. For example, *Pepsi's Generation next* ad campaign commercials vividly demonstrate the case. Interestingly, from the very beginning PepsiCo has not been widely perceived as a national brand. The milestone in company's timeline was the year of World War II, when men and women were in uniform serving their country overseas. Capturing the patriotic feelings of the nation, the corporation adopted a new red, white and blue color scheme for its bottles and packaging [Sarosh, 2005]. It was the starting point of selling in Pepsi's advertising discourse American idea and American Dream worldwide. We can observe how the company imposes the concept of American patriotism throughout the country and beyond its borders.

Probably the most extreme patriotism is observed in one of the latest commercials. The ad narrates the history of the famous carbonated soft drink beverages manufacturer that goes hand in hand with the history of the US:

> This is the Pepsi that your father drank, and his father drank before he met your grandmother [Pepsi Super Bowl commercial …].

Again, we see a lot of linguacultural signs. The look of Cindy Crawford reminds of a great era of revolution in American fashion industry. Ray Charles touches those who keep in memory the times of his music, which made an incredible emancipating influence on American sexuality [American Icons: an encyclopedia … 2006, p. 134]. Scandalous teen idol Britney Spears makes nostalgic for the days of spreading gay and lesbian culture in the USA. Not to mention Michael Jackson who influenced a wide range of subjects, from celebrity studies to visual culture to gender and sexuality studies, and many more including ones not directly related to his profession [Roberts, Catanese, 2011, p. 1]. It seems that the king of pop music never goes out of style. All the above-mentioned names this way or other shaped the American psyche. Their images intensify the main message: «Thanks to the uniqueness of every American generation the country is considered to be a superpower»:

> This is the Pepsi for every generation.

Analysis of the commercials of JP Morgan and PepsiCo vividly shows how dominating at this or that historical period cultural codes interwine in the process of encoding advertising. Thus, the horizontal dimension of cultural context is a determing factor in the selection of cultural codes for advertising discourse targeted at the audience of its time.

II. The role of cultural dynamics in the process of encoding (vertical dimension of cultural context)

Culture is not a static system. It incessantly changes due to many external and internal reasons. As a result, new customs, traditions, norms, beliefs appear in the form of cultural codes within the given cultural framework. In this respect it's urgent to take into consideration that every culture undergoes historical evolution. Advertising discourse of companies with long history timeline may verify the influence of vertical context on encoding process. It's necessary to mark the following two points:

Firstly, dynamics of national culture means shift in axiological system of a linguaculture. Accordingly, cultural context embraces not only dominating codes that express prevailing values, but also obsolescent and emerging cultural codes, which very often contradict semantics of dominating ones. However, all three groups can peacefully coexist in the advertising space. Naturally, such blend inevitably leads to the conflict of values, and consequently, results in sense distortion. For instance, we have noted that contemporary ad regularly turns to global matters. Today advertising employ universal cultural codes, senses of which (collectivity, teamwork, cohesiveness, respectfulness) are contrary to US national values (individualism, privacy, self-dependance). Notably, despite rapid globalization aimed at establishing priorities in national axiosphere, there's a tendency to preserve the ethnocultural component of the plane of expression. No wonder, American adverts aggressively exploits visual signs of US culture (national symbols and icons) as a token of opposition to global policy. This once again emphasizes crude nationalism as the mainstream in the country of great opportunities as in Coca Cola's «It's Beautiful» commercial broadcasted during the Super Bowl games in 2014. Using the updated version of the well-known patriotic song «America is beautiful», advertisers managed to tap on the theme of racial discrimination, which until now stands as the never ending burning issue in American society. Scenes from the lives of Americans with different ethnocultural backgrounds embody the idea of multiculturalism. Multiple codes of the

upper discourse level (cowboy riding the mountains, children at the cinema, happy family at the dinner, surfers on the wave, Muslim girls and many more) symbolize acceptance, inclusion, diversity and integrity, i.e., values, encoded in dominating codes of the deep level. Interplay of the upper level codes, visual and song-like sound code, renders the sense level of the emerging code. The point is that, first, the soundtrack is not a national anthem; second, the song is sung in different languages (English, Hindi, Spanish, Keres, French and Hebrew). Seemingly, the advertisement moves away from the concepts of patriotism towards popularization of universal moral ideals. In fact, politically concerned Americans think different on the subject. The commercial drew much criticism and yielded long discussions, for it was launched right after Donald Trump had signed an executive order prohibiting Muslims from seven-muslim majority countries enter the USA [Szathmary, 2017]. Given that, the advert was purposed to alleviate political climate and social tension. Nevertheless, following trends of the time that seeks a common denominator for a variety of ethnocultural traditions, the ad maker managed to combine dominating and emerging values in one discourse space. Hence, decoding of the emerging cultural code gives another interpretation of cultural artifacts. Overlapping of codes of the upper sense level produces a synergetic effect that results in revalution of values encoded in codes of the deep sense level. As can be seen, vertical cultural context defines the vector of interpretation either from the deep level to the surface one, or vice versa. Implementation of national symbols to share universal moral values in American advertising, as was exemplified above, proves the country's strenuous efforts to resist omnipresent global culture.

Secondly, verbal expression of core national values constantly changes according to language taste of every new epoch. Nowadays Media communication supplies copywriters with versatile linguistic means to create a really good multimodal commercial. Evidently, nonverbal register is gradually displacing the verbal text. As a result, the units of the verbal row become semantically more capacious. The text is no longer a mere explanatory note to the visual images of advertisements. Almost every word contains a vast number of senses of different cultural codes. Therefore, encoding means relentless search for verbal signs that adequately reflect the deep sense layer of advertising. That's why over the last decades American companies are inclined to launch global ad campaigns addressing consumers with slogans that are easily adapted to any country. Suffice it to recall Levi's roaring slogans of all times

> The west grew up in Levi's (1950).
> America's finest overall since 1850 (1950).
> As Western as the West itself (1963).
> Levi's jeans – an American tradition (1984).
> The country was not made by men in suits (2010).

Verbal markers define the unique cut of national advertisement. This bears resemblance to anchoring technique, which is very popular in Neurolinguistic Programming (NLP). In advertising verbal anchoring facilitates comprehension of an ad's message [Phillips, 2000, p. 20], leading the reader towards visual's presumably intended interpretation [Forceville, 1996, p. 75]. The usage of verbal markers enables a copywriter to set the direction of decoding in the intended way. Unsurprisingly, hints of pride for the country (patriotism) and belief in its superiority (nationalism) are hidden in the present-day global commercial of the iconic American brand:

> Global clothing consumption has doubled over the last 15 years. We can change that. When we make better, we can buy better. And when we buy better, we can wear longer. We wear longer, we can buy less. When we buy less, we can waste less. And when we waste less. We can change so good you [Buy better, wear longer].

There're three verbal markers in the text: *change*, *better*, *we*. At first sight the indexal sign *we* indicates the company itself, its staff, or corporate team. However, this clever deictic word is much broader in its semantic content. Small, but all-inclusive *we* takes the form of continual «flagging», or reminding, of nationhood through everyday discourse. Rather than grand memorable phrases, it offers constant, but rarely conscious, reminders of the homeland, making «our» national identity unforgettable [Billing, 1995, p. 6–8, 93]. Additionally, divided into separate sense blocks advertising text presents a succession of slogans declared by youngsters of multinational USA. Further, owing to constantly repeated key words the advertisement sounds like the text of propaganda, such as political leaders' slogans:

> *George Bush*: Yes, America can.
> *Barack Obama*: Yes, we can, Change we can believe in.

Evidently, global advertising addressed to the universal problem of conscious, environmentally friendly consumption has ethnocultural senses skillfully disguised in the verbal fabric of the text. This allows to retain ad's national identity, and, at the same time, strengthen suggestive, manipulative impact on the inner audience (Americans). So, we argue that

the vertical cultural context is crucial in determining the plane of expression of an advertising text, selection of code systems of the upper discourse level and the ways of encoding advertising space.

CONCLUSION

To sum up, we hold that advertising discourse is an unfolding scheme of senses encoded in cultural codes. The research, focused on the discourse nature of advertising and its close connection with other discursive practices of a human being, provides an in-depth view of how culture (verbal and nonverbal languages) and ideology (codes and signs) are intertwined in the discourse space (advertising). Also, the study expands theoretical findings about the ways of communicative influence in advertising with regard to specific features of the national character of an audience. Cultural codes have proved to be an appropriate vehicle of rendering the given message. Interplay of cultural information conveyed by codes of culture with conceptual information of an advert grants an advertiser with freedom to speak to his audience indirectly and impose a certain worldview on a consumer. Further prospects of investigation imply profound analysis of every discourse level. Also, of critical importance is the issue of taxonomy of cultural codes within one level, their interrelation. Moreover, defining the criteria of effective interaction of cultural codes of two levels is undoubtedly of interest. This will validate the prospects of encoding theory for redefining problems of discourse-analysis that may be, and should be taken from cross-disciplinary angle. The proposed concept of linguacultural encoding may be applied in the study of any Media communication with its hidden methods of altering popular mentality. Moreover, the results may be of use in teaching courses of Linguoculturology, Intercultural communication and Translation studies. Finally, encoding theory may be used by copywriters as the manual for improving practice of writing advertising texts.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013.
2. Гридина Т. А. Коды языковой игры в рекламном дискурсе // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной научной конференции. 2009. С. 78–83.
3. Ritson M., Elliott R. The social uses of advertising: An ethnographic study of adolescent advertising audiences // Journal of Consumer Research. 1997. № 26 (3). P. 260–277.
4. Осипова Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2011. № 3 (5). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/79 (дата обращения: 14.05.2022).
5. Миндиахметова Р. М. Дискурсивная реализация корпоративной идеологии в культурных кодах телевизионного ролика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 49–63. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63.
6. Fairclough N. Language and Power. London: Routledge, 2004. 3rd ed.
7. Gee J. P. Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. New York and London: Routledge, 1999.
8. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. 2001. С. 11–22.
9. Hall S. Encoding and decoding in the television discourse. University of Birmingham, Centre for Contemporary Cultural Studies, 1973.
10. Миндиахметова Р. М. Лингвокультурная специфика рекламного профиля компании (на материале американской авторекламы): дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2018.
11. Larina T., Leontovich O. Too many walls and not enough bridges: the importance of Intercultural communication studies // Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN. 2015. № 4. P. 9–16.
12. Hyatt J., Simons H. Cultural codes – who holds the key? The concept and conduct of evaluation in central and eastern Europe. London–Thousands Oaks–New Delhi: Sage Publications, 1999. Vol. 5. № 1. P. 23–41.
13. JP Morgan Chase Holiday Commercial. URL: https://youtu.be/g4zjTRrGa_0 (дата обращения: 22.04.2022).
14. Kazin M., McCartin J. A. Americanism: New Perspectives on the History of an Ideal. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2006.
15. Sarosh S. How Pepsi slogans connect with generations over the years. Advergize (from Pepsi Legacy Book, 2005) URL: https://www.advergize.com/marketing/history-of-pepsi-slogans-connect-generations-years/ (дата обращения: 12.06.2022).

16. Pepsi Super Bowl commercial. 2018. URL: https://yandex.ru/video/touch/preview/17879658040344752456
17. American Icons: an encyclopedia of the people, places, and things that have shaped our culture: in 3 vols. / ed. by D. R. Hall, S. Grove Hall. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2006.
18. Roberts T., Catanese B. W. Michael Jackson in/as U.S. Popular Culture // Journal of Popular Music Studies. New Jersey: Wiley-Blackwell. 2011. Vol. 23, № 1. P. 1–2.
19. Szathmary Z. Coca-Cola re-airs 'America the Beautiful' advert featuring sea of diverse faces during Super Bowl 51 just over a week after Trump signed immigration ban 6 February, 2017. Dailymail.com and Associated Press. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-4194602/Coca-Cola-airs-controversial-America-Beautiful-ad.HTML (дата обращения: 20.05.2022).
20. Phillips B. J. Impact of verbal anchoring on consumer response to image ads // Journal of Advertising. 2000. Vol. 29. № 1. P. 15–24.
21. Forceville C. Pictorial metaphor in advertising. New York: Routledge,1996.
22. Buy better. Wear longer. Levi's. URL: https://youtu.be/M7ZBIcUz-lE (дата обращения: 17.05.2022).
23. Billig M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995.

REFERENCES

1. Voroshilova, M. B. (2013). Politicheskiy kreolizovannyy tekst: klyuchi k prochteniyu = Political creolized text: keys to decoding. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
2. Gridina, T. A. (2009). Codes of language game in advertising discourse. Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii (pp. 78–83): proceedings of the first International scientific conference. (In Russ.)
3. Ritson M., Elliott R. (1997). The Social Uses of Advertising: An Ethnographic Study of Adolescent Advertising Audiences. Journal of Consumer Research, 26(3), 260–277.
4. Osipova, N. O. (2011). Application of structural semiotic methodology in the Humanities. Journal of cultural research, 3(5). http://cr-journal.ru/rus/journals/79. (accessed: 14.05.2022). (In Russ.)
5. Mindiakhmetova, R. M. (2022). Discursive manifestation of corporate ideology through cultural codes of televesion commercials. LUNN Bulletin, 3(59), 49–63. 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-49-63.
6. Fairclough, N. (2004). Language and Power. London: Routledge. 3rd ed.
7. Gee, J.P. (1999). Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. New York and London: Routledge.
8. Chernyavskaya, V. E. (2011). Discourse as an object of linguistic research. Tekst i diskurs. Problemy ekonomich-eskogo diskursa (pp. 11–22): the digest of scientific aricles. (In Russ.)
9. Hall, S. (1973). Encoding and decoding in the television discourse. University of Birmingham, Centre for Contemporary Cultural Studies.
10. Mindiakhmetova, R. M. (2018). Lingvokul'turnaya spetsifika reklamnogo profilya kompanii (na materiale amerikanskoy avtoreklamy) = Linguacultural specificity of advertising profile of the company: PhD in Philology. Ufa. (In Russ.)
11. Larina, T., Leontovich, O. (2015). Too many walls and not enough bridges: the importance of Intercultural communication studies. Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN, 4, 9–16.
12. Hyatt, J., Simons, H. (1999). Cultural codes – who holds the key? The concept and conduct of evaluation in Central and Eastern Europe, 5(1), 23–41. London–Thousands Oaks–New Delhi: Sage Publications.
13. JP Morgan Chase Holiday Commercial. https://youtu.be/g4zjTRrGa_0 (accessed: 22.04.2022).
14. Kazin, M., McCartin, J. A. (2006). Americanism: New Perspectives on the History of an Ideal. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
15. Sarosh, S. (2005). How Pepsi Slogans Connect with Generations over the Years. Advergize (from Pepsi Legacy Book. https://www.advergize.com/marketing/history-of-pepsi-slogans-connect-generations-years/ (accessed: 12.05.2022).
16. Pepsi Super Bowl commercial. 2018. https://yandex.ru/video/touch/preview/17879658040344752456 (accessed: 12.05.2022).
17. Hall, D. R., Grove Hall, S. (eds.). (2006). American Icons: an encyclopedia of the people, places, and things that have shaped our culture: in 3 vols. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press.
18. Roberts, T., Catanese, B.W. (2011). Michael Jackson in/as U.S. Popular Culture. Journal of Popular Music Studies, 23(1), 1–2. New Jersey: Wiley-Blackwell.
19. Szathmary, Z. (2017). Coca-Cola re-airs 'America the Beautiful' advert featuring sea of diverse faces during Super Bowl 51 just over a week after Trump signed immigration ban. Dailymail.com and Associated Press. https://www.

dailymail.co.uk/news/article-4194602/Coca-Cola-airs-controversial-America-Beautiful-ad.HTML (accessed: 20.05.2022).
20. Phillips, B.J. (2000). Impact of verbal anchoring on consumer response to image ads. Journal of Advertising, 29(1), 15–24.
21. Forceville, C. (1996). Pictorial metaphor in advertising. New York: Routledge.
22. Buy better. Wear longer. Levi's. https://youtu.be/M7ZBIcUz-lE (accessed: 17.05.2022).
23. Billig, M. (1995). Banal Nationalism. London: Sage.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миндиахметова Римма Махияновна
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Института филологического образования и межкультурных коммуникаций
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mindiakhmetova Rimma Makhiyanovna
PhD (Philology), Associate Professor of Department of the English Language
of Institute of Philological Education and Intercultural Communications,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_100

Роль музыкального слуха в развитии просодии изучаемого языка

М. В. Попова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
neunerin@gmail.com

Аннотация. Основная цель исследования – определить, следует ли рассматривать музыкальный слух среди факторов, влияющих на степень выраженности иноязычного акцента в изучаемом языке (L2) и насколько этот фактор значим при освоении перцептивного и продуктивного аспектов супрасегментного уровня L2. По результатам исследования был сделан вывод, что музыкальный слух существенно влияет на развитие просодии изучаемого иностранного языка.

Ключевые слова: музыкальный слух, фонетика, фонология, перцепция интонации, продукция интонации, иноязычный акцент, просодия, фонетическая интерференция

Для цитирования: Попова М. В. Роль музыкального слуха в развитии просодии изучаемого языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 100–107. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_100

Original article

The Role of Musical Ear in Developing L2 Prosodic Phonology

Marianna V. Popova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
neunerin@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study, the main objective of which was to determine whether musical ear should be considered among factors affecting the degree of a foreign language accent in the second language (L2) and how important this factor is in mastering perceptual and productive aspects of L2 suprasegmental level. Based on the study results it was concluded that ear for music affects L2 prosodic development significantly.

Keywords: musical ear, phonetics, phonology, intonation perception, intonation production, foreign accent, prosody, phonetic interference

For citation: Popova, M. V. (2023). The role of musical ear in developing L2 prosodic phonology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 100–107. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_100

INTRODUCTION

The importance of perceptual skills in communicative language use has been heightened by the dependence on remote working and studying imposed by the COVID-19 pandemic. Taking into account significant traffic load, teleconferencing is more and more often conducted without visual support. Sociologists emphasize that refusal of visual aids means absence of non-verbal communication tools, which leads to the increasing significance of the auditory channel compared to the visual channel [France, Anderson, Gardner, 2001]. Thus, the topic is of great importance, especially in respect of interlingual communication. Neuroscience research has shown that music training leads to changes throughout the auditory system. Similar to physical exercise and its impact on body fitness, music is a resource that tones the brain for auditory fitness. Therefore, the role of music in shaping a phonetic and phonological ear deserves consideration [Kraus, Chandrasekaran, 2010].

Experts from different areas have carried out numerous transdisciplinary studies on the interrelation between music and language, especially neurologists, speech therapists, and musicologists. For instance, Kirnarskaya D. K. emphasizes the connection between music and speech but do not specify the degree of interaction between the two phenomena. In their article «The linguistic benefits of musical abilities», Aniruddh D. Patel and John R. Iversen point out the interrelation between musical abilities and specific phonetic and prosodic skills in language [Кирнарская, 2004; Patel, Iversen, 2007]. However, they focus on the underlying mechanisms of this interaction without considering its degree. R. Slevc outlines the link between language and music at three levels of analysis: sound, structure and meaning [Slevc, 2012]. Recent research provides evidence that musicians are more sensitive to emotional prosodic cues and are better able to detect small pitch changes in speech as well as in music than nonmusicians [Thompson, Schellenberg, Husain, 2004; Lima, Castro 2011; Marques, Moreno, Castro, Besson, 2007]. Musical ability also predicts how well late learners acquire both perceptive and productive L2 phonology [Slevc, Miyake, 2006].

Though interest in the relationship between language and music has a long history, the topic has not been well researched from the perspective of linguistics. That fact might be explained by little consensus so far on what constitutes musical ability and how to best measure it [Hallam, Prince, 2003; Okada, Slevc, 2021]. Moreover, a great number of experts do not identify musical ability among factors influencing second language acquisition due to the complexity of its nature and lack of a unified measurement system [Piske, MacKay, Flege, 2001]. They prefer to rely on those factors that can be unambiguously identified and measured. For instance, Siti Khasinah lists the following factors that significantly impact L2 learning: motivation, attitude, age, intelligence, aptitude, cognitive style, and personality [Khasinah, 2014]. There is also an approach that takes into account both internal factors, such as age, personality, motivation, experiences, cognition, native language and external factors, among which are curriculum, instruction, culture, status, and access to native speakers [Macaro, 2010].

Thus, we conducted experimental phonetic research at the Department of phonetics of the German language in 2020 to establish the degree of the influence of a developed musical ear on the L2 phonological competence in nonnatives. As musical ability has not been identified yet as an essential variable that influences the degree of L2 foreign accent, as it is we decided to investigate an ear for music that can be unambiguously defined and measured. As defined in the Cambridge dictionary, «if someone has an ear for music […], they are good at hearing, repeating, and understanding these sounds»[1].

As there has been evidence for some degree of music to language transfer regarding discriminating differences in sounds [Slevc, Miyake, 2006; Sadakata, Sekiyama, 2011], we decided to investigate music to language transfer in prosodic phonology. Although speech does not primarily rely on pitch, the pitch signal includes pitch-based information. This fact is most apparent in tone languages where word meanings are conveyed through pitch patterns and modulations. However, in nonpitch-related languages, emotional and linguistic information can be represented by differences in intonation, which suggests that the ability to process lexical tone and prosodic changes might rely on the exact mechanisms involved in musical perception [Slevc, 2012].

MATERIALS AND METHOD

To test our hypotheses, we used the following methods in the practical part of the study:

1. Expert assessment of musical ear;
2. Questionnaire method;
3. Empirical study of auditory perception;
4. Statistical treatment (the Shapiro–Wilk test, the Mann–Whitney U test).

[1] URL: https://dictionary.cambridge.org

The *goal* of the study was to establish the role of trained musical ear in L2 phonetic and phonological acquisition in students of linguistics majors.

The study's *objectives* were formulated as follows:

- to establish whether musical ear can be considered among factors affecting the degree of a foreign accent in L2;
- to study the influence of trained musical ear on L2 prosodic phonology development on perceptual and productive aspects in students of linguistics majors.

The object of the study was phonetic interference that occurs while studying phonetics of the German language by students of linguistics majors.

The *subject* of the study was the dependence of prosodic phonology development in students of linguistic majors on trained or untrained musical ear.

The subjects in this experimental-phonetic study were 33 first-year students of the Faculty of the German Language of the Moscow State Linguistic University (23 young women and 10 young men) aged 17 to 20 years. The students had no theoretical knowledge on the subject «Intonation in the German language» and could rely exclusively on their ear by the time of the experiment.

The study was conducted in *three stages*.

The first stage was an expert assessment of a musical ear, during which a group of 20 students with a trained ear for music was identified by an expert and two professional musicians. It should be noted that the development degree of musical ear, pitch and timing abilities were not measured or classified. The main criterion of the audition was the exact imitation of a certain melody.

For the convenience of interpretation, we divided the subjects into two groups: Group 1 included subjects with trained musical ear, group 2 – with untrained musical ear.

In *the second stage*, the subjects were asked to complete a questionnaire with the following points: name and surname, age, sex, music education, and knowledge of the German language.

During *the third stage*, the subjects had to perform three tasks aimed at developing the skill to intone affirmative and interrogative sentences according to the German pronunciation standard. The tasks were formulated in the following way:

1. Listen to the following sentences and mark graphically the word which sentence stress falls on. Repeat everything you have heard in accordance with your notes.
2. Listen to the following sentences, and then show graphically how the melody develops (falls / rises / remains unchanged).
3. Listen to the dialogue. Show the melody development graphically. Read the dialogue according to your notes.

The tasks were arranged on the principle «from easy to difficult»: in the first task there were simple sentences that consisted of no more than four short words; in the second task the subjects were to work with both simple and complex sentences; the third task contained a dialogue. The control of the tasks performed was carried out individually. All recordings were played twice with an interval of 10 seconds, which was enough for the tasks to be completed. All oral responses were recorded.

For a more detailed description of the results, a point system was introduced: one point was assigned to each correctly given answer. In the first task, the maximum total score to be achieved was 28 points (the students were able to get a maximum of 14 points for both perceptive and productive aspects). In the second task, the maximum score was 8 points; during the completion of the third task, the subjects could score a maximum of 12 Points, of which 6 points were given for the productive aspect, and 6 points for the perceptive aspect. Thus, the maximum total score was 48 points.

RESULTS

Based on the results of the Shapiro-Wilk test, a further analysis of the data was performed using the Mann-Whitney U test (*see* Table 1).

Table 1

THE MANN-WHITNEY U TEST RESULTS
(95 % Confidence Interval – CI)

		Statistic	p-Value	Mean Difference	Lower	Upper
Perceptual aspect	Mann-Whitney U	18.0	<.001	4.00	2.000	6.00
Productive aspect	Mann-Whitney U	50.0	0.003	2.00	1.000	3.00
Total score	Mann-Whitney U	13.0	<.001	6.00	4.000	9.00

According to *Table 1* subjects with trained musical ear show statistically more significant results in both perceptual (with p significance level <.001) and productive (with *p* significance level = 0.003) aspects. Below there are graphs with pairwise differences of both groups for each of the aspects according to the Mann-Whitney U test (*see* Fig. 1). *Figure 1* (left panel) depicts the mean and median values of both subjects groups regarding the assessment of the productive aspect with the confidence interval of 95 %. The mean difference between the two groups equals 2 points. The average total score of Group 1 is 18.5 points whereas the average total score of Group 2 is 16.2 points. *Figure 1* (right panel) demonstrates the mean and median values of both subjects groups regarding the assessment of the perceptual aspect with the confidence interval of 95 %. In contrast to the productive aspect assessment the mean difference between the two groups regarding the perceptual aspect is even higher making 4 points. As the graph shows, the mean in Group 1 is 23.7 points whereas the mean in Group 2 equals 19.7 points. It is noteworthy that the data dispersion in the perceptive aspect is significantly less than in the productive aspect. The statistical significance is, therefore, increasing.

Figure 2 compares the total scores of both subjects groups for both aspects. From *Figure 2* it is clear that the total score in Group 1 is significantly higher than in Group 2. While the average total scores of the subjects' group with untrained musical ear (Group 2) is 35.8 points, the average total score of the group with the trained musical ear (Group 1) reaches 42.2 points. The mean difference equals 6 points.

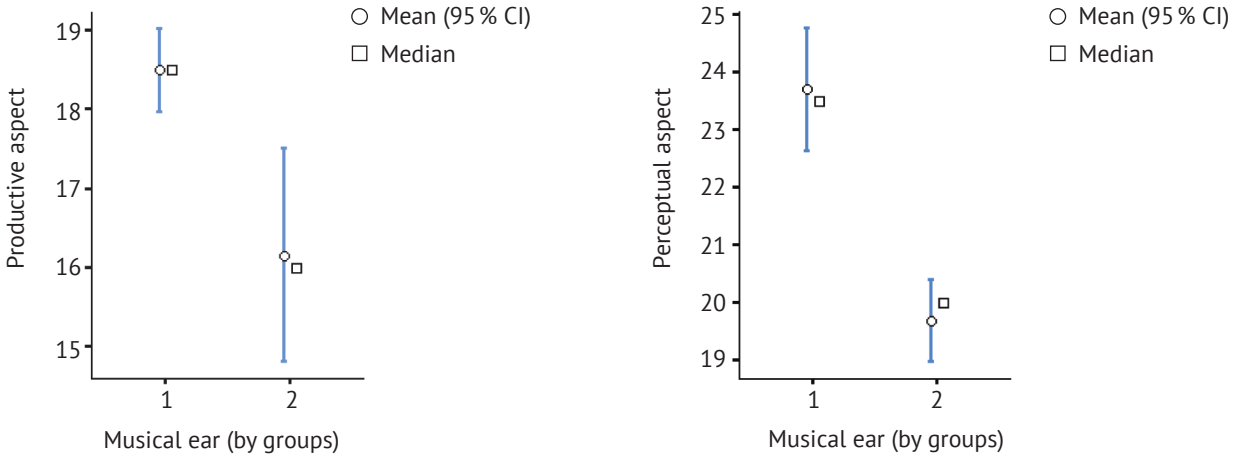


Fig. 1. The mean and median of Group 1 and Group 2 for the productive (left panel) and the perceptual (right panel) aspects (95 % CI)

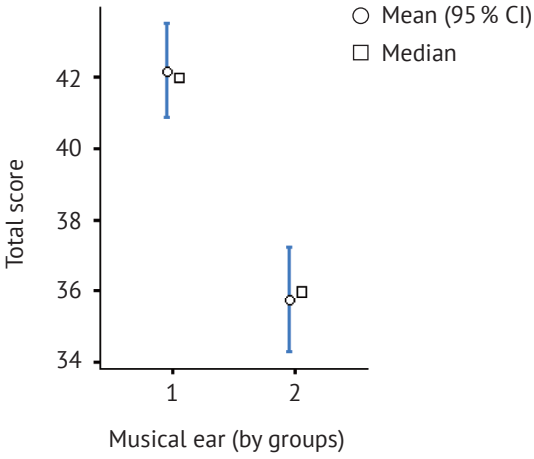


Fig. 2. The mean and median of Group 1 and Group 2 for perceptual and productive aspects (95 % CI)

DISCUSSION

According to our results, a trained musical ear has a statistically significant effect on both L2 productive and perceptual prosodic phonology. A more obvious degree of influence can be traced within the framework of the perceptual aspect, which can be explained by the fact that speech production is also influenced by a set of other factors, such as voice control, structure of articulatory apparatus, and others. Thus, a trained ear for music influences L2 phonetic and phonological acquisition, consistent with some of the results of already conducted studies in this area. In particular, A. O. Ilner emphasizes in his article «The link between musical and phonetic abilities in teaching foreign languages» that

components of speech and musical ear, which are responsible for intonation and accent-rhythmic organization, are related to each other. The author also notes that trained musical ear and sense of rhythm allow students to capture phonemic features (vowel length and brevity) more clearly [Ильнер, 2015].

However, further analysis of other materials on the research topic showed that there is paucity of studies examining aptitude factors in a controlled manner, making it impossible to draw firm conclusions regarding these factors. Hence, musical ability has not been found to significantly affect the degree of L2 foreign accent [Flege, 1995; Tahta, Wood, Loewenthal, 1981]. It should be mentioned though that many studies except for one [Flege, 1995] have identified mimicry ability as a significant variable affecting the degree of L2 foreign accent [Piske, MacKay, Flege, 2001]. Thus, we believe that important questions that should be addressed in future research are: in what relation to each other mimicry and musical abilities are as well as what constitutes musical ability. For now, we believe that musical ear as a key component of musical ability serves as a basis to mimicry ability as it is impossible to mimic without hearing something. Moreover, musical ear training increases perception accuracy, which helps avoid substituting L2 phonemes and intonemes by L1 ones [Kraus, Chandrasekaran, 2010].

Despite the fact that factors affecting degree of foreign accent by L2 acquisition are currently being actively studied, most of them are aimed at researching a limited number of variables such as age of L2 learning, length of residence in an L2-speaking country, gender, formal instruction, motivation, language learning aptitude, amount of native language (L1) use and presence or absence of pronunciation training [Combei, Marotta, 2019; Piske, MacKay, Flege, 2001]. Age of L2 learning appears to be the most significant predictor of degree of foreign accent. However, relative importance of other variables is uncertain. Some of the variables relating to subject characteristics tend to be overlooked due to the complexity of the analysis and lack of adequate experimental control in some studies. In addition, the phonetic aspect often fades into the background by second language acquisition, since vocabulary and grammar come to the fore even when studying in linguistic majors. Taking into account growing importance of the auditory channel in communication and social significance of a strong foreign accent as a result of underdeveloped phonetic and phonological competence, we consider it necessary to study musical ear among other factors affecting degree of foreign accent.

CONCLUSION

Based on the research outcomes, it can be inferred that the results of the subjects with the trained musical ear are significantly higher than those of the subjects with an untrained ear for music in all aspects, with a confidence level of 95%. Moreover, it should be pointed out that the difference between the results is much more noticeable in the perceptual aspect. Such a result is of particular importance for the study, as the successful performing of the tasks aimed at the perception is directly dependent on ear. As for the tasks aimed at the productive aspect, different factors can influence their successful completion: on the one hand, individual characteristics such as, for instance, peculiarities of the structure of the speech apparatus; on the other hand, some L1 articulation features may cause prosodic and phonological transfer. In other words, when studying the interrelation between musical ear and productive aspect, a more significant number of factors should be taken into account.

It should also be mentioned that although it has been established that the achievements of the two subjects' groups differ from each other significantly, the evaluation criteria for students should be considered when applying the obtained data in the pedagogical practice. Nevertheless, there are many reasons to assume that larger cohorts of learners will produce more accurate study results. It can also be shown in a more extensive study that the significant degree of the influence of the developed musical ear on perception and production can be different. Therefore, further research in this area is required to identify all factors that influence L2 phonetic and phonological development and determine the musical ear's role among other musical ability components in this hierarchy. We also believe that a study with a longitudinal design should be carried out to trace the gradient effects of various aptitudes and skills on the dynamics of L2 phonetic and phonological competence development throughout a training course.

We want to point out that most of the findings mentioned above are correlational and thus do not necessarily support a causal relationship between music and language. However, this concern is lessened given evidence that there are no preexisting neural, cognitive, or musical differences between children who do or do not undergo later musical training [Slevc, 2012]. In addition, some findings give considerable support for the transfer of musical training to language abilities: a longitudinal study showed that 8-year-old children who received musical training showed enhanced electrophysiological responses

to pitch variations and in music and in speech and also showed more significant improvements on a behavioural reading task after only six months of training in contrast to children who received painting training [Moreno et al., 2009].

In conclusion, our research results can raise awareness about the importance of an ear for music in learning L2, especially in developing listening and pronunciation skills by those who study tone languages. In addition, the stated correlation might drive methodologists and language teachers to develop new original forms and methods of teaching phonetics based on musical art, to create auxiliary materials to develop a phonetic ear through a musical ear. So far, there have been few initiatives in this field.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. France E. F., Anderson A. H., Gardner M. The impact of status and audio conferencing technology on business meetings // International Journal of Human-Computer Studies. 2001. Вып. 54 (6). С. 857–876. DOI: https://doi.org/10.1006/ijhc.2001.0464 (дата обращения: 31.10.2022).
2. Kraus N., Chandrasekaran B. Music training for the development of auditory skills // Nature reviews. Neuroscience. 2010. Вып. 11 (8). С. 599–605. DOI: https://doi.org/10.1038/nrn2882 (дата обращения: 31.10.2022).
3. Кирнарская Д. К. Музыкальные способности. М.: Таланты-XXI в., 2004.
4. Patel A. D., Iversen J. R. The linguistic benefits of musical abilities // Trends in cognitive sciences. 2007. Вып. 11 (9). С. 369–372. DOI: https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.08.003 (дата обращения: 31.10.2022).
5. Slevc L. R. Language and music: sound, structure, and meaning // Wiley interdisciplinary reviews. Cognitive science. 2012. Вып. 3 (4). С. 483–492.
6. Thompson W. F., Schellenberg E. G., Husain G. Decoding speech prosody: do music lessons help? // Emotion. 2004. Вып. 4 (1). С. 46–64.
7. Lima C. F., Castro S. L. Speaking to the trained ear: musical expertise enhances the recognition of emotions in speech prosody // Emotion. 2011. Вып. 11 (5). С. 1021–1031.
8. Marques C., Moreno S., Castro S. L., Besson M. Musicians Detect Pitch Violation in a Foreign Language Better Than Nonmusicians: Behavioral and Electrophysiological Evidence // Journal of Cognitive Neuroscience. 2007. Вып. 19. С. 1453–1463.
9. Slevc L. R., Miyake A. Individual differences in second-language proficiency: does musical ability matter? // Psychological science. 2006. Вып. 17 (8). С. 675–681. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01765.x (дата обращения: 31.10.2022).
10. Hallam S., Prince V. Conceptions of Musical Ability // Research Studies in Music Education. 2003. Вып. 20(1). С. 2–22. DOI: https://doi.org/10.1177/1321103X030200010101(дата обращения: 31.10.2022).
11. Okada B., Slevc L. R. What is "musical ability" and how do we measure it? // Future Directions of Music Cognition. 2021. С. 154–157. DOI: https://doi.org/10.18061/FDMC.2021.0029 (дата обращения: 31.10.2022).
12. Piske T., MacKay I. R., Flege J. Factors affecting degree of foreign accent in an L2: a review // Journal of Phonetics. 2001. Вып. 29. С. 191–215.
13. Khasinah S. Factors Influencing Second Language Acquisition // Englisia: Journal of Language, Education, and Humanities. 2014. Вып. 1 (2). С. 256–269. DOI: http://dx.doi.org/10.22373/ej.v1i2.187 (дата обращения: 31.10.2022).
14. Macaro E. Continuum Companion to Second Language Acquisition. London: Continuum, 2010.
15. Sadakata M., Sekiyama K. Enhanced perception of various linguistic features by musicians: a cross-linguistic study // Acta psychologica. 2011. Вып. 138 (1). С. 1–10.
16. Ильнер А. О. Связь музыкальных и фонетических способностей при обучении иностранным языкам // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. 2015. Вып. 1(3). С. 14–16.
17. Flege J. E. Second language speech learning: theory, findings, and problems // Speech perception and linguistic experience: theoretical and methodological issues, 229–273. Timonium, MD: York Press, 1995.
18. Tahta S., Wood M., Loewenthal K. Foreign Accents: Factors Relating to Transfer of Accent from the First Language to a Second Language // Language and Speech. 1981. Вып. 24 (3). С. 265–272. DOI: https://doi.org/10.1177/002383098102400306 (дата обращения: 31.10.2022).
19. Combei C. R., Marotta G. Where do accents come from? Factors affecting the degree of foreign-accented Italian // Audio archives at the crossroads of speech sciences, digital humanities and digital heritage. 2019. Вып. 6. С. 233–248.

20. Moreno S. [et al.]. Musical training influences linguistic abilities in 8-year-old children: more evidence for brain plasticity / Moreno S., Marques C., Santos A., Santos M. M., Castro S. L., Besson M. // Cerebral cortex. 2009. Вып. 19 (3). С. 712–723.

REFERENCES

1. France, E. F., Anderson, A. H., Gardner, M. (2001). The impact of status and audio conferencing technology on business meetings. International Journal of Human-Computer Studies, 54(6), 857–876. https://doi.org/10.1006/ijhc.2001.0464.
2. Kraus, N., Chandrasekaran, B. (2010). Music training for the development of auditory skills. Nature reviews. Neuroscience, 11(8), 599–605. https://doi.org/10.1038/nrn2882.
3. Kirnarskaya, D. K. (2004). Muzykal'nye sposobnosti = Musical Abilities. Moscow: Talanty-XXI veka. (In Russ.)
4. Patel, A. D., Iversen, J. R. (2007). The linguistic benefits of musical abilities. Trends in cognitive sciences, 11(9), 369–372. https://doi.org/10.1016/j.tics.2007.08.003.
5. Slevc, L. R. (2012). Language and music: sound, structure, and meaning. Wiley interdisciplinary reviews. Cognitive science, 3(4), 483–492.
6. Thompson, W. F., Schellenberg, E. G., Husain, G. (2004). Decoding speech prosody: do music lessons help? Emotion, 4(1), 46–64.
7. Lima, C. F., Castro, S. L. (2011). Speaking to the trained ear: musical expertise enhances the recognition of emotions in speech prosody. Emotion, 11(5), 1021–1031.
8. Marques, C., Moreno, S., Castro, S. L., Besson, M. (2007). Musicians Detect Pitch Violation in a Foreign Language Better Than Nonmusicians: Behavioral and Electrophysiological Evidence. Journal of Cognitive Neuroscience, 19, 1453–1463.
9. Slevc, L. R., Miyake, A. (2006). Individual differences in second-language proficiency: does musical ability matter? Psychological science, 17(8), 675–681. https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01765.x.
10. Hallam, S., Prince, V. (2003). Conceptions of Musical Ability. Research Studies in Music Education, 20(1), 2–22. https://doi.org/10.1177/1321103X030200010101.
11. Okada, B., Slevc, L. R. (2021). What is "musical ability" and how do we measure it? Future Directions of Music Cognition, 154–157. https://doi.org/10.18061/FDMC.2021.0029.
12. Piske, T., MacKay, I. R., Flege, J. (2001). Factors affecting degree of foreign accent in an L2: a review. Journal of Phonetics, 29, 191–215.
13. Khasinah, S. (2014). Factors Influencing Second Language Acquisition. Englisia: Journal of Language, Education, and Humanities, 1(2), 256–269. http://dx.doi.org/10.22373/ej.v1i2.187.
14. Macaro, E. (2010). Continuum Companion to Second Language Acquisition. London, UK: Continuum.
15. Sadakata, M., Sekiyama, K. (2011). Enhanced perception of various linguistic features by musicians: a cross-linguistic study. Acta psychologica, 138(1), 1–10.
16. Ilner, A. O. (2015). Relationship between Musical and Phonetic Abilities in Teaching Foreign Languages. Pedagogical Excellence and Pedagogical Technologies, 1(3), 14–16. Cheboksary: Interactive Plus.
17. Flege, J. E. (1995). Second language speech learning: theory, findings, and problems. In Speech perception and linguistic experience: theoretical and methodological issues (pp. 229–273). Timonium, MD: York Press.
18. Tahta, S., Wood, M., Loewenthal, K. (1981). Foreign accents: Factors Relating to transfer of accent from the first language to a second language. Language and Speech, 24(3), 265–272. https://doi.org/10.1177/002383098102400306.
19. Combei, C. R., Marotta, G. (2019). Where do accents come from? Factors affecting the degree of foreign-accented Italian. Audio archives at the crossroads of speech sciences, digital humanities and digital heritage, 6, 233–248.
20. Moreno, S., Marques, C., Santos, A., Santos, M. M., Castro, S. L., Besson, M. (2009). Musical training influences linguistic abilities in 8-year-old children: more evidence for brain plasticity. Cerebral cortex, 19(3), 712–723.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Марианна Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Marianna Viktorovna
PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of German Phonetics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.11
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_108

Фонологические особенности консонантной системы в швейцарском варианте немецкого языка

Г. А. Соколова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ga.sokolova@mail.ru

Аннотация. В смысловом центре статьи – сложная языковая ситуация в Швейцарии. Проводится сопоставление системы согласных звуков швейцарского литературного стандарта немецкого языка с особенностями консонантизма немецкого произносительного стандарта, дается характеристика и приводятся примеры из системы согласных звуков швейцарско-немецкого диалекта. Использование метода сравнительного анализа и метода лингвистического анализа позволило установить сходства и различия между швейцарским вариантом немецкого и собственно немецким языком.

Ключевые слова: немецкий язык, швейцарский литературный стандарт, швейцарско-немецкий диалект, германский произносительный стандарт, согласный звук, консонантизм

Для цитирования: Соколова Г. А. Фонологические особенности консонантной системы в швейцарском варианте немецкого языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 108–113. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_108

Original article

Phonological Features in the Consonant System in the Swiss Variant of the German Language

Galina A. Sokolova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ga.sokolova@mail.ru

Abstract. The article deals with considering and analyzing the difficult language situation in Switzerland. The article compares the system of consonant sounds of the Swiss literary standard of the German language with the features of consonantism of the German pronunciation standard, characterizes and provides examples from the system of consonant sounds of the Swiss-German dialect. Using the method of comparative analysis and the method of linguistic analysis allows to establish similarities and differences between them.

Keywords: the German language, the Swiss literary standard, the Swiss-German dialect, the German pronunciation standard, consonant, consonantism

For citation: Sokolova, G. A. (2023). Phonological features of the consonant system in the Swiss variant of the German language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 108–113. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_108

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день Швейцария считается многонациональной и многоязычной страной. Четыре языка признаны в качестве официальных: немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. Они отражают этнический состав страны. В Швейцарии насчитывается свыше 100 диалектов. В ней издавна в каждой семье существуют свои языковые особенности и традиции.

По сложившемуся убеждению отечественных исследователей, своеобразная языковая ситуация, сложившаяся в Швейцарии, обусловлена сосредоточением в одном социуме многочисленных языковых контактов. В повседневных коммуникациях могут быть задействованы четыре национальных языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Примечательно, что языковое пространство в Швейцарии также пронизано многообразными диалектами и характеризуется существованием нормированных литературных языков [Домашнев, 1983].

Интересно, что билингвизму в Швейцарии присущ больше индивидуальный характер, поскольку он находит проявление преимущественно в интеллектуальной среде.

Как полагают отечественные исследователи, так называемые языковые зоны в Швейцарии не характеризуются неподвижностью, в некоторых городах наблюдается двуязычие, т. е. владение двумя государственными языками, например, в кантонах Берн, Фрибур. В повседневных ситуациях общения здесь распространено франко-немецкое двуязычие. Говоря про статус немецкого языка в Швейцарии, следует отметить, что немецкий язык обладает самостоятельностью в структурном и социально-лингвистическом аспектах и может рассматриваться как вариант немецкого языка [там же].

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ШВЕЙЦАРИИ

В лингвистическом аспекте швейцарско-немецкий стандарт представляет уникальную социально-функциональную модель немецкого языка. Рассматривая диахроническое развитие швейцарско-немецкого стандарта, следует подчеркнуть, что в нем не возникло разговорного уровня языка. Во многом это объясняется особенностью существования и развития диалекта, который, с одной стороны, является «однородным лингвистическим образованием» и характеризуется интеграцией общих языковых элементов и региональной специфики. С другой стороны, швейцарско-немецкий диалект представляет собой сложную систему, насчитывающую более пятидесяти подсистем, так называемых поддиалектов. Швейцарско-немецкий диалект обладает широким функциональным спектром. Поскольку немецкий литературный язык является преимущественной формой письменной коммуникации, главную роль в устной коммуникации играет национальный швейцарский диалект [Rues, 2014].

По мнению зарубежных исследователей, понятию «диалект» должны быть присущи следующие критерии [Löffler, 2003]:

1) диалект рассматривается как подсистема языка,
2) диалект ограничивается сферой устной коммуникации,
3) диалект носит региональный характер,
4) говорящие на диалекте имеют одинаковый социальный статус,
5) коммуникативный диапазон использования диалекта ограничен, т. е. диалект понимают лишь немногие носители языка в отличие от стандартной формы.

Сами швейцарцы предпочитают обозначать швейцарско-немецкий диалект наречием (Mundart). В немецкоязычной Швейцарии наречие – форма языка, используемая для повседневного устного общения [Schläpfer, Gutzwiller, Schmid, 1991].

По мнению В. М. Жирмунского, литературный немецкий язык используется преимущественно в письменной коммуникации. Он применяется в научной речи, художественной литературе, в системе образования [Жирмунский, 1956].

В повседневных ситуациях устной коммуникации, а также все больше в официально-деловых ситуациях швейцарцы предпочитают использовать швейцарско-немецкий диалект, без ограничения социального статуса, уровня образования, региональной принадлежности. Стоит подчеркнуть, что швейцарско-немецкий диалект, объединяющий несколько алеманнских диалектов, занимает особое положение по сравнению с диалектами в Германии и Австрии и превосходит их в функциональном плане [Жирмунский, 1956].

Следует заметить, что швейцарско–немецкое языковое пространство включает в себя две формы существования немецкого языка: немецкий литературный язык и швейцарско-немецкий диалект (Schwytzerdütsch), который объединяет распространенные повсеместно в Швейцарии алеманнские диалекты [Krech, 2009]. Владение обеими разновидностями немецкого языка на территории Швейцарии принято рассматривать как диглоссию или диалектно-литературное двуязычие.

ШВЕЙЦАРСКО-НЕМЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАНДАРТ: ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Швейцарский стандарт немецкого языка в Швейцарии обладает историческими языковыми традициями и характеризуется своей спецификой на всех лингвистических уровнях. Ему присущи южнонемецкие языковые черты. Основной отличительной чертой швейцарского литературного языка от германского стандарта является наличие в нем гельвецизмов, слов, употребляемых только в швейцарском языковом пространстве. В основе многих гельвецизмов заложены алеманнские диалектные особенности, придающие этим словам специфические черты на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

К своеобразию швейцарского языкового пространства также можно отнести наличие заимствований преимущественно из французского языка, что объясняется существованием тесных языковых контактов.

Из-за отсутствия разговорного уровня языка все больше возникает число прямых контактов между швейцарским стандартом немецкого языка и швейцарско-немецким диалектом. Это способствует их тесному взаимодействию и взаимопроникновению. Диалектные формы постепенно проникают в литературный язык, придавая ему региональные признаки. Следует подчеркнуть, что произношение многих слов в швейцарском национальном варианте немецкого языка характеризуется влиянием интерференции, благодаря которой швейцарско-немецкий литературный стандарт на фонетическом уровне постепенно приближается к швейцарско-немецкому диалекту [Домашнев, 1983].

Рассматривая подробно швейцарский литературный стандарт немецкого языка, следует остановиться на некоторых частных фонологических особенностях согласных звуков и сопоставить их с похожими примерами из немецкого языка в Германии с целью выявления общих и отличительных черт.

Существенным отличием между германским произносительным стандартом и швейцарско-немецким стандартом является произношение буквосочетания – *ch*. В немецком языке оно может быть реализовано как звук [x] или как звук [ç] в зависимости от комбинаторных условий. В швейцарском национальном варианте немецкого языка предпочтительно передавать указанное буквосочетание с помощью звука [x], например, в слове *ni**ch**t* (*нет*). В заимствованиях греческого происхождения буквосочетание – *ch* может быть реализовано как звук [x] или как звук [k], например, ***Ch**aos*, ***Ch**arakter*, ***Ch**olera*, ***ch**olerisch*, ***Ch**or*, ***Ch**rom*, ***Ch**ronik*, *Melan**ch**olie*. В германском произносительном стандарте предпочтение отдается звуку [k].

Буква *k* или буквосочетание *ck* реализуются в швейцарско-немецком произносительном стандарте как аффриката [kx], например, *kran**k*** (*больной*) произносится как [krankx]. В германском произносительном стандарте *б*уква *k* или буквосочетание *ck* произносятся как звук [k].

Буквосочетание *chs* произносится в швейцарско-немецком произносительном стандарте как звукосочетание [xs], например, в слове *Fu**ch**s* – *лиса* [fʊxs], в германском произносительном стандарте предпочтительно реализовывать звукосочетание [ks].

Буква *v* произносится в швейцарском литературном варианте немецкого языка как звук [f] во многих иностранных словах, например, *No**v**ember* (*ноябрь*), *Pro**v**iant* (*провиант*), *E**v**angelium* (*Евангелие*), *Kla**v**ier* (*пианино*). Однако есть исключения. Так, в словах ***V**elo* (*велосипед*), ***V**ignette* (*виньетка*), ***V**iscose* (*вискоза*) прослеживается реализация звука [v]. Для немецкого языка в Германии характерны использование звука [f] в словах германского происхождения и реализация звука [v] в иностранных словах [Krech, 2009].

Примечательно, что звук [r] не вокализуется в швейцарском национальном варианте немецкого языка в отличие от германского стандарта, где наблюдается вокализация данного звука при определенных комбинаторных условиях. Данная закономерность прослеживается в словах *Meer*, *Vater*, *erleben*, в которых реализуется согласный вариант звука [r].

В начале слова глухие взрывные согласные звуки [p], [t], [k] перед гласными звуками произносятся без придыхания. Такая тенденция не прослеживается в германском произносительном стандарте. В швейцарско-немецком стандарте звонкие взрывные согласные звуки [b], [d], [g] подвергаются процессу ленизации.

Отличительной чертой швейцарско-немецкого стандарта является также произношение суффикса *-ig*. Он может быть реализован как звукосочетание [ik] или как звукосочетание [ig]. В немецком языке в Германии нормой произношения данного суффикса считается [iç] [Krech, 2009].

Уменьшительно-ласкательный суффикс *-chen* произносится в швейцарском национальном варианте немецкого языка как [çɛn], в то время как в немецком языке в Германии он реализуется как [çən].

Буква *h* в интервокальной позиции произносится как звук [h] в швейцарско-немецком стандарте, например, в слове *nahe* [nɑ:he] (*близкая*),

также в слове *Ehe* ['eːhə] (*брак*) . В германском произносительном стандарте буква h в позиции между двумя гласными звуками рассматривается как знак удлинения предшествующего гласного звука и не произносится после него [nɑːə] [Hove, 2012].

ШВЕЙЦАРСКО-НЕМЕЦКИЙ ДИАЛЕКТ: ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Поскольку швейцарско-немецкий диалект имеет значительный вес в социально-функциональном плане, некоторые зарубежные лингвисты обозначают его как «культивированный» диалект [Bauer, 2008]. Примечательно, что сегодня наблюдается так называемый процесс «выравнивания» поддиалектных систем в рамках швейцарско-немецкого диалекта. Происходит структурная унификация их лингвистических свойств, что способствует возникновению «надтерриториально-диалектной» формы языка с присущим ей статусом койне. Сейчас многие лингвисты обозначают в качестве такой «культивированной» формы языка цюрихско-немецкий диаклет [Домашнев, 1983].

Рассматривая роль швейцарско-немецкого диалекта в социально-функциональном аспекте, стоит остановиться на сфере образования, радио- и телевещании. На некоторых школьных предметах, например, черчении, музыке, спорте, труде, все больше используется швейцарско-немецкий диалект. Диалект можно услышать на радио. На телевидении швейцарско-немецкий диалект используется меньше, поскольку большая часть материала поступает в телеэфир из Германии.

Анализируя фонологические особенности согласных звуков в швейцарско-немецком диалекте, стоит подчеркнуть, что противопоставление согласных звуков с напряженной артикуляцией согласным звукам с ненапряженной артикуляцией является отличительной чертой системы швейцарско-немецкого консонантизма. Спиранты и сонорные звуки, которые находятся в ударной позиции в середине и в конце слова, обычно являются долгими. Эта закономерность не наблюдается, если указанные звуки стоят в начале слова и реализуются обычно как ненапряженные звуки. Как отмечают отечественные лингвисты, в некоторых подсистемах швейцарско-немецкого диалекта дистрибуция для смычных согласных звуков может быть ограничена в слова. Так, в Базеле, Берне, Золотурне в начальной позиции в слове произносится согласный звук с ненапряженной артикуляцией. Как отмечают исследователи, в большинстве поддиалектов в начале слова противопоставлены пары звуков: [d] – [t], [b] – [p] [Языки мира: Германские языки. Кельтские языки, 2000].

Для швейцарско-немецкого диалекта также характерно явление фразовой ассимиляции, когда начальный смычный звук является сильным после смычных звуков, слабым – после гласных и сонорных звуков.

Швейцарско-немецкий диалект обнаруживает сохранение долгих согласных звуков. Для него характерна геминация.

Важным фонологическим признаком швейцарско-немецкого диалекта является произношение переднеязычного звука [r].

Сильные смычные звуки [p], [t], [k] реализуются в большинстве случаев без аспирации.

Буквосочетания *sp*, *st* произносятся как звукосочетания [ʃp], [ʃt], например *Fescht* (*праздник*) (*нем.* Fest).

Следует также упомянуть тот факт, что в швейцарско-немецком диалекте прослеживается постепенное передвижение согласных звуков [k] → [kx], [x]. Примечательно, что большая часть Швейцарии обнаруживает передвижение звуков [k] → [kx]. На юго-западе и юго-востоке страны существует передвижение звуков [k] → [x]. Образовавшийся после передвижения звуков согласный звук [x] встречается после гласных звуков, в начале слова, после согласных звуков [r], [l], например, *rīx – богатый* (*нем.* reich), *xįnt – дитя* (*нем.* Kind), *mērx – замечать* (*нем.* merken), *mēlx – доить* (*нем.* Melken) [Christen, 1998].

Необходимо заметить, что в горноалеманнском поддиалекте, который распространен на юго-западе страны, наблюдается передвижение звуков [k] → [x], характерное также после звука [n], при этом предшествующий гласный звук произносится долго. В некоторых случаях наблюдается дифтонгизация и назализация гласного звука, например, *trīnx – пить* (*нем.* trinken).

Для нижнеалеманнского поддиалекта, который распространен в городе Базель, характерно произношение звукосочетания [kx] с аспирацией, например *khind – дитя*.

На юге Швейцарии звук [x], который возник в результате передвижения звуков, произносится с ненапряженной артикуляцией в интервокальной позиции с придыханием [h], например, *mah – делать* (*нем.* machen).

Одной из особенностей швейцарско-немецкого диалекта является элизия носового звука [n], если он стоит в позиции перед щелевыми звуками [s], [f], [x]. При этом происходит удлинение или дифтонгизация гласного звука, который стоит перед звуком [n], например, *brunst* (*течка, гон*; *нем.* Brunst) → *brūšt, broušt*. Выпадение носового звука

Таблица

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ
[Языки мира: Германские языки. Кельтские языки, 2000]

По способу образования			По месту образования				
			губные	передне-язычные	средне-язычные	задне-язычные	гортанные
Шумные	Смычные	слабые сильные	b p	d t		g k gg	
	Фрикативные	слабые сильные	f ff	s ʃ ss ʃʃ		x xx	h
	Аффрикаты		pf	z (tz) tʃ		kx	
Сонорные	Глайды		w		j		
	Назальные	слабые сильные	m mm	n nn	ŋ ŋŋ		
	Латеральные	слабые сильные		l ll			
	Вибранты			r			

[n] возможно как в середине слова, так и в его конце.

Примечательно, что веляризация [nd] → [ŋ] характерна для западной части Швейцарии, например *xing* (*дитя*) [Языки мира: Германские языки. Кельтские языки, 2000].

Классификация согласных звуков в швейцарско-немецком диалекте по фонологическим признакам может быть представлена в следующей таблице (см. табл.).

Примечательно, что в швейцарско-немецком диалекте сильные фрикативные звуки реализуются чуть длиннее, по сравнению со слабыми фрикативными звуками. Однако они не отличаются от звонких согласных большей интенсивностью [Nocchi, Schmid, 2006].

Подводя итог рассмотрению швейцарско-немецкого диалекта, стоит сказать, что в последнее время все больше проявляется тенденция возникновения своеобразного интердиалекта, «культивированного» диалекта. Многие лингвисты отводят эту роль диалекту города Цюриха и прилегающих к нему территорий. Особая роль означенного диалекта обусловлена социально-экономическим и политическим статусом Цюриха, который является одним из крупнейших центров Швейцарии. Число швейцарцев, использующих цюрихско-немецкий диалект в повседневных коммуникативных ситуациях, велико.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С лингвистической точки зрения швейцарско-немецкий диалект не представляет собой однозначного единства и состоит из группы локальных поддиалектов. Однако имеющиеся фонетические различия не препятствуют свободному взаимопониманию германо-швейцарцев, учитывая тот факт, что каждый из коммуникантов может использовать свой местный диалект, «родной» говор.

Социофункциональный статус швейцарско-немецкого диалекта, исторически сложившийся и устойчиво сохраняющийся в речевой практике германо-швейцарцев, позволяет рассматривать швейцарско-немецкий диалект в качестве самостоятельного языка, выполняющего в устной коммуникации функции литературного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Ленинград: Наука, 1983.
2. Rues B. Phonetische Transkription des Deutschen. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG, 2014.
3. Löffler H. Dialektologie. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003.

4. Schläpfer R., Gutzwiller J., Schmid B. Das Spannungsfeld zwischen Mundart und Standardsprache in der deutschen Schweiz. Aarau: Sauerländer, 1991.
5. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956.
6. Krech E.-M. Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2009.
7. Hove I. Die Aussprache der Standardsprache in der deutschen Schweiz// PHONAI. Texte und Untersuchungen zum Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2012. Bd. 47. S. 3–18.
8. Bauer A. Schwyzeetüütsch. Grüezi mitenand. Praktische Sprachlehre des Schweizerdeutschen für Kurse und den Selbstunterricht. Winterthur: Gemsberg, 2008.
9. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки / под ред. Н. Н. Семенюк и др. М.: Academia, 2000.
10. Christen H. Dialekt im Alltag. Eine empirische Untersuchung zur lokalen Komponente heutiger schweizerdeutscher Varietäten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998.
11. Nocchi N., Schmid S. Labiodentale Konsonanten im Schweizerdeutschen//Raumstrukturen im Alemannischen. Bregenz, 2006. S. 25–35.

REFERENCES

1. Domashnev, A. I. (1983). Sovremennuy nemeckiy yazuk v ego nacionalnux variantax = The Modern German Language in its National Variants. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Rues, B. (2014). Phonetische Transkription des Deutschen. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG.
3. Löffler, H. (2003). Dialektologie. Eine Einführung. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
4. Schläpfer, R., Gutzwiller, J., Schmid, B. (1991). Das Spannungsfeld zwischen Mundart und Standardsprache in der deutschen Schweiz. Aarau: Sauerländer.
5. Zgirmunskiy, V. M. (1956). Nemeckaya dialektologia = German Dialectology. Moscow: Academia Nauk. (In Russ.)
6. Krech, E.-M. (2009). Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin, New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
7. Hove, I. (2012). Die Aussprache der Standardsprache in der deutschen Schweiz. In PHONAI. Texte und Untersuchungen zum Deutschen (Bd. 47, S. 3–18). Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.)
8. Bauer, A. (2008). Schwyzeetüütsch. Grüezi mitenand. Praktische Sprachlehre des Schweizerdeutschen für Kurse und den Selbstunterricht. Winterthur: Gemsberg.
9. Semenjuk, N. N. et al. (eds.). (2000). Yazuki mira: Germanskiye yazuki. Keltskiye yazuki = Languages of the World: Germanic languages. Celtic languages. Moscow: Academia. (In Russ.)
10. Christen, H. (1998). Dialekt im Alltag. Eine empirische Untersuchung zur lokalen Komponente heutiger schweizerdeutscher Varietäten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.)
11. Nocchi, N., Schmid, S. (2006). Labiodentale Konsonanten im Schweizerdeutschen.Raumstrukturen im Alemannischen. Bregenz, S. 25–35. Bregenz.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Galina Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Phonetics,
Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_114

Паузы как сигналы распределения ролей в полилоге

Т. В. Сокорева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t.sokoreva@linguanet.ru

Аннотация. В работе анализируются паузальные характеристики речи 40 носителей американского варианта английского языка в десяти повседневных полилогах, также исследуется роль пауз в вербальном взаимодействии нескольких участников разговора. Результаты слухового, акустического и статистического анализов выявили специфику паузального оформления речи доминирующих и не доминирующих участников полилога. Также исследована роль гендерного фактора в особенностях смены реплик между участниками разговора.

Ключевые слова: полилог, паузация, американский английский, речевая стратегия

Для цитирования: Сокорева Т. В. Паузы как сигналы распределения ролей в полилоге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 114–119. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_114

Original article

Pauses as Role Distribution Signals in a Polylogue

Tatiana V. Sokoreva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t.sokoreva@linguanet.ru

Abstract. The paper analyzes pause characteristics in the speech of 40 native Americans taking part in ten everyday polylogues, it also examines the role of pauses in the verbal interaction of several participants in a conversation. The results of auditory, acoustic and statistical analyses revealed the pause characteristics of polylogue speech of dominant and non-dominant interlocutors. The role of the gender factor in the manner of turn-taking among the participants of the conversation is also determined.

Keywords: polylogue, pausation, American English, speech strategy

For citation: Sokoreva, T. V. (2023). Pauses as role distribution signals in a polylogue. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 114–119. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_114

ВВЕДЕНИЕ

Пауза является полноценным элементом речи и одним из основных компонентов интонации. По своей структуре паузы бывают заполненные, сопровождающиеся различными вербальными составляющими, например, «э-э» или «мм», и незаполненные, когда наблюдается полное отсутствие звукового сигнала в речи. Кроме того, паузы отличаются по длительности и часто соотносятся с синтаксическими границами в высказываниях. То есть с точки зрения интонационной сегментации речи паузы соответствуют границам интонационных групп.

Как компонент интонации паузы выполняют ряд функций, включая респираторную: остановки в разговоре необходимы для осуществления процесса дыхания во время говорения. Также паузы играют немаловажную роль в осуществлении когнитивной задачи планирования речи, когда говорящий использует паузу для обдумывания дальнейшего высказывания. Чем сложнее предстоящая фраза, тем длиннее будет пауза, таким образом, длительность пауз в таком случае будет зависеть от степени сложности последующего высказывания.

Когнитивная функция пауз проявляется и при разговоре на нескольких иностранных языках. Исследование темпоральных характеристик чтения китайских студентов на мандаринском, английском и русском языках показало отсутствие значимых различий в длительности пауз в трех текстах [Sokoreva, Shevchenko, Chyrvonaya, 2021]. Сложность данной когнитивной задачи определялась необходимостью последовательного оперативного перехода с одного языка на другой при чтении, что повлияло на значения других темпоральных показателей речи: при переключении с китайского на русский у носителей китайского языка, а также при переключении с русского на мандаринский у носителей русского языка резко увеличивалось количество пауз и общее время паузации и говорения.

Наряду с когнитивной функцией, паузы способствуют осуществлению взаимодействия собеседников в разговоре. Так, например, наличие паузы в речи коммуниканта в ответ на приглашение, просьбу или предложение другого участника диалога может рассматриваться как отказ [Couper-Kuhlen, 1993].

При изучении пауз в диалогах между людьми, где участники могли полагаться только на акустический сигнал, Д. Эдлунд и его коллеги выявили значительную разницу во времени отклика собеседника [Edlund, Edelstam, Gustafson, 2014]: было доказано, что говорящий останавливается как можно быстрее, если прерывание происходит в середине его фразы, но, если участник разговора уже приближается к концу своего высказывания, он считает предпочтительным не останавливаться в тот же момент, а закончить свою фразу.

Время реагирования собеседника на вопрос, согласно исследованию С. Стрёмбергссон и ее соавторов [Strömbergsson, Hjalmarsson, Edlund, House, 2013], зависит от типа вопроса, типа ответа и темы разговора. Изучая корпус американской диалогической речи, ученые обнаружили, что положительные ответы давались раньше, чем отрицательные, а при реагировании на специальные и открытые вопросы пауза перед ответом была значительно больше, чем при ответе на общие и альтернативные вопросы.

Корпусный анализ американских диалогов, выполненный Т. И. Шевченко и А. В. Горбылевой, выявил механизмы регулирования времени говорения двух собеседников, проявляющиеся в том, что некоторые высказывания, в случае превышения времени выступления одним участником, прерывались наложением реплик друг на друга [Shevchenko, Gorbyleva, 2020]. Согласно результатам данного исследования, большинство высказываний в согласованном дружеском диалоге содержат очень краткую, едва ощущаемую паузу (до 200 мс), следовательно, переход от одной реплики к другой в данном случае носит плавный характер.

Еще одна особенность пауз как элемента речи заключается в стабильности / нестабильности их появления в высказывании. Психолингвисты считают, что обилие пауз в разговоре является признаком речевого сбоя или психологической нестабильности говорящего человека. Например, большое количество пауз хезитации может означать, что говорящий сомневается, а сбой, возникающий во время его говорения, приводит к нарушению плавности речи [Федорова, 2014, с. 269–270]. Степень стабильности пауз, таким образом, может характеризовать человеческую личность.

Характеристики пауз в речи могут зависеть и от возраста человека. Как показало исследование ритмических особенностей американской диалогической речи представителей трех возрастных групп, с возрастом увеличиваются средняя длительность слога в речи, отношение между средней длительностью ударных и безударных слогов, а также длительность пауз [Сокорева, 2018], что также характеризует психолингвистические особенности конкретного человека.

Согласно исследованию Р. Рэмси, длительность паузы между высказываниями коррелирует с личностным фактором экстраверсии-интроверсии. Автор проанализировала разницу между

психотипами экстравертов и интровертов с точки зрения вариативности пауз на примере речи актеров [Ramsey, 1968]. Согласно результатам исследования, речь интровертов характеризуется более длительными паузами: собеседники, обладающие данным психотипом, не спешат говорить, они меньше контактируют с другими людьми. Что касается экстравертов, в их речи отмечалось увеличение или уменьшение длительности пауз особенно в процессе убеждения или в возбужденном состоянии. Замедляя или ускоряя темп речи вследствие изменения длительности пауз, экстраверт может оказывать давление на своего собеседника.

Наконец, паузы выполняют функцию воздействия на собеседника и способствуют созданию определенного впечатления. Так, например, убрав из текста все паузы или сократив их, можно создать впечатление ускоренного темпа речи [Надеина, 2003], т. е. результат восприятия сообщения будет зависеть не столько от скорости артикуляции, сколько от наличия / отсутствия пауз между синтагмами. Таким образом, с помощью пауз, определяющих темп изложения сообщения, можно регулировать характер воздействия сообщения на слушателя.

Данное воздействие отчетливо проявляется в манере говорения представителей средств массовой информации. Так как технические возможности обработки речевого сигнала на сегодняшний день достаточно велики, представители радио- и телевещания нередко сокращают время звучания пауз, создавая таким образом впечатление ускоренного темпа речи, хотя на самом деле диктор говорит в нормальном темпе. Изучая соотношение фонации к паузации в речи американских телеведущих, Т. И. Шевченко и Н. Г. Углова обнаружили, что при чтении новостей и прогноза погоды вышеупомянутое соотношение составляет 12:1 и 14:1 соответственно [Shevchenko, Uglova, 2005], в то время как при обычном прочтении английской басни такое же соотношение составляет 3:1 или 4:1. Очевидно, что паузы были сокращены намеренно, поскольку как в случае новостей, так и в случае прогноза погоды предполагается, что зрители опираются в основном на видеоизображение, то есть аудиоинформация компенсируется визуальным каналом, а само сообщение носит мультимодальный характер. Однако при проверке восприятия информации авторы обнаружили, что, в то время как общее впечатление создается визуальным каналом, зрители способны пересказать только одну треть вербального сообщения.

Таким образом, с одной стороны, паузация в речи является естественным процессом, в то же время зависящим от индивидуальных, психотипических и психолингвистических характеристик человека, а также от ситуации и стиля общения. С другой стороны, преднамеренное изменение паузы в речи – это способ манипулирования аудиторией, средство воздействия на публику и создания определенного впечатления.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель настоящего эксперимента заключается в исследовании паузальных характеристик речи носителей американского варианта английского языка в повседневных полилогах, а также в установлении роли пауз в вербальном взаимодействии нескольких участников разговора.

Материалом для исследования послужили 10 полилогов, участниками которых стали 40 жителей различных регионов США (14 мужчин и 26 женщин). Образцы речи отобраны из корпуса американской речи *Santa Barbara University Corpus* [Du Bois et al., 2005]. Длительность каждого полилога составляет примерно пять минут, общее время проанализированной речи – около 50 минут.

В результате слухового и акустического анализов с помощью программы *PRAAT* [Boersma, Weenink, 2021] были установлены количество и длительность пауз в изучаемых разговорах, а также определен характер смены реплик между участниками полилогов. Проанализированные акустические параметры включают длительность пауз как между репликами отдельных собеседников, так и внутри реплик одного говорящего. Сами паузы были разделены на три категории: отсутствие паузы или очень короткая пауза (от 0 до 200 мс), короткая пауза (от 200 до 800 мс) и длинная пауза (от 800 до 1000 мс).

Характер смены реплик между участниками полилога включает в себя три варианта взаимодействия: плавный переход, когда никто никого не перебивает; наложение реплик с положительным результатом (когда первый говорящий завершает свою фразу); наложение реплик с перебиванием (когда первый говорящий замолкает, не завершив свою фразу).

Для выявления значимых отличий исследуемых параметров речи был применен статистический анализ, в рамках которого были проанализированы медианные значения количества и длительности пауз всех собеседников, а также количество каждого из трех типов смены реплик в каждом из полилогов (критерий Крускала-Уоллиса). Для проверки гендерных различий в анализируемых речевых характеристиках использовался тест Манна-Уитни.

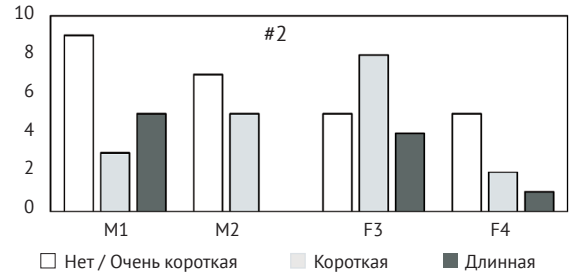


Рис. 1. Количество пауз в полилоге 2 (M1 – лидер)

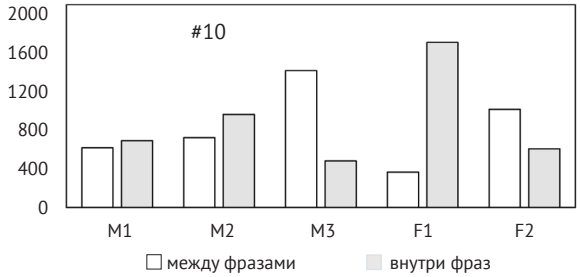


Рис. 2. Длительность пауз в полилоге 10 (F1 – лидер)

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования взаимодействия собеседников в полилоге выявили следующее: как и в диалоге, в полилоге всегда определяется один лидер, лидером среди участников полилога является тот, кто говорит дольше по времени. Как правило, выступление лидера занимает в два раза больше времени, чем речь других участников разговора. Однако интересно отметить, что в полилоге более длительное время выступления лидера формируется за счет большего количества пауз внутри его высказываний.

Например, в полилогах 1, 2, 4 и 8 доминирующий собеседник делает больше очень коротких пауз или не делает их вообще, а также больше длинных пауз, по сравнению с другими участниками разговора (см. рис. 1).

В некоторых беседах ведущие собеседники характеризуются большим количеством всех пауз по сравнению с теми же параметрами в речи других собеседников (полилоги 3, 7, 9, 10) или наибольшим количеством самых коротких пауз (полилог 6). В полилоге 5 полученные значения показали незначительную разницу, таким образом, с точки зрения лидерства все три участника беседы равны.

Существенных гендерных различий по показателю количества пауз обнаружено не было.

Результаты анализа длительности пауз показали, что в большинстве полилогов лидеры разговора быстро вступают в беседу, т. е. или через очень короткую паузу, или вообще без каких-либо пауз, но после этого они начинают говорить медленнее, делая внутри своих высказываний длинные паузы, включая паузы хезитации (см. рис. 2). Другими словами, речь лидера характеризуется продолжительными высказываниями с довольно длительными паузами, большинство из которых оказывается внутри их реплик. Формулируя свои мысли и утверждения, ведущий беседу, таким образом, завладевает вниманием слушателей и, удерживая возможность высказаться, занимает большую часть времени в полилоге.

Говоря об особенностях речи пассивных участников разговора, необходимо отметить следующие характеристики в их манере ведения диалога: те, кто не хочет высказываться и проявляет желание участвовать в разговоре в качестве слушающего, делают довольно продолжительные паузы между своими репликами, когда к ним обращаются или когда от них ожидают какой-то реакции, давая таким образом понять остальным участникам разговора, что они обдумывают или формулируют свое утверждение или что они не готовы ответить. Следовательно, к таким собеседникам в следующий раз не обращаются, потому что они очень скромно участвуют в разговоре и не стремятся овладеть ситуацией и вниманием аудитории, и в результате продолжительность их выступления остается незначительной.

Эти две манеры участия в полилоге представляют собой две речевые стратегии: лидера и собеседника, который скромно участвует в разговоре и не стремятся к активной коммуникации.

Анализ гендерных различий параметра длительности пауз выявил незначительную разницу в значениях данного показателя как между ($p = 0{,}630$), так и внутри реплик участников полилогов ($p = 0{,}736$).

Результаты исследования характера чередования реплик между собеседниками полилогов показали, что смена говорящего чаще происходит путем наложения реплик с положительным результатом, т. е. несмотря на то, что второй собеседник начинает говорить, первый участник полилога завершает свою фразу ($p < 0{,}000$) (см. рис. 3). Влияние

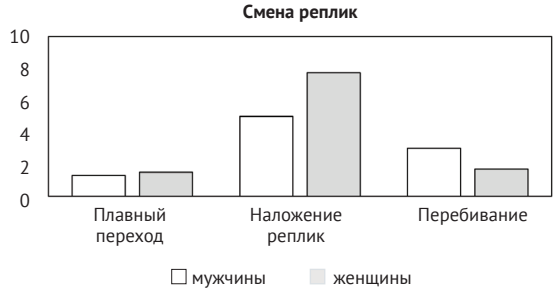


Рис. 3. Смена реплик между участниками полилогов

гендерного фактора на значения данного параметра статистически не подтвердилось (p = 0,985).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Паузы, наряду с другими речевыми компонентами, способствуют осуществлению взаимодействия собеседников в разговоре, что является немаловажным для процесса успешной коммуникации.

Как показали результаты исследования, варьируя длительность пауз между репликами и внутри своих высказываний, одним участникам разговора удается добиться доминирования, а другие собеседники, сознательно или бессознательно, оказываются пассивными участниками речевого взаимодействия. Речевая стратегия лидера полилога заключается в умении вступить в разговор почти без паузы или с помощью короткой паузы, а затем, используя свое доминирующее положение, говорить более спокойно, употребляя как заполненные, так и незаполненные паузы достаточно большой длительности. Речевая стратегия пассивных участников полилога заключается в использовании длительных пауз между репликами, таким образом, не слишком вовлекаясь в разговор и иногда тем самым теряя право говорить.

В отношении способа чередования очереди говорить, результаты исследования показали, что в большинстве случаев смена реплик между участниками полилога происходит за счет наложения фраз, но при этом первый говорящий все равно завершает свое высказывание, несмотря на небольшое совмещение высказываний, что свидетельствует об определенной стратегии вежливости участников беседы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sokoreva T., Shevchenko T., Chyrvonaya M. Complex rhythm adjustments in multilingual code-switching across Mandarin, English and Russian // SPECOM 2021, LNAI / ed. by A. Karpov, R. Potapova. Heidelberg: Springer, 2021. Vol. 12997. P. 660–669.
2. Couper-Kuhlen E. English speech rhythm: Form and function in everyday verbal interaction. Philadelphia: John Benjamins, 1993.
3. Edlund J., Edelstam F., Gustafson J. Human pause and resume behaviours for unobtrusive humanlike in-car spoken dialogue systems // Proceedings of the of the EACL 2014 Workshop on Dialogue in Motion (DM). Sweden: Gothenburg, 2014. P. 73–77.
4. Strömbergsson S., Hjalmarsson A., Edlund J., House D. Timing responses to questions in dialogue // Proc. Interspeech 2013. 2013. P. 2584–2588. DOI: 10.21437/Interspeech.2013-581
5. Shevchenko T., Gorbyleva A. Temporal concord in speech interaction: Overlaps and interruptions in spoken American English // SPECOM 2020. LNCS / ed. by A. Karpov, R. Potapova. Heidelberg: Springer, 2020. Vol. 12335. P. 490–499.
6. Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014.
7. Сокорева Т. В. Возрастные изменения речевого ритма: экспериментально-фонетическое исследование на материале корпуса диалогической речи жителей США: дис. … канд. филол. наук. М., 2018.
8. Ramsey R. W. Speech patterns and personality // Language and Speech. 1968. Vol. 2. № 1. P. 54–63.
9. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия. М. : Ин-т языкознания, 2003.
10. Shevchenko T., Uglova N. Temporal features in TV news and weather forecasts // The Journal of the Acoustical Society of America. 2005. Vol. 117, № 4. URL: https://doi.org/10.1121/1.4788459
11. Du Bois J. W. et al. Santa Barbara corpus of spoken American English / Du Bois J. W., Chafe W. L., Meyer C., Thompson S. A., Englebretson R., Martey N. Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 2005. Parts 1–4.
12. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.03, retrieved 05 December 2021. URL: http://www.praat.org/

REFERENCES

1. Sokoreva, T., Shevchenko, T., Chyrvonaya, M. (2021). Complex rhythm adjustments in multilingual code-switching across Mandarin, English and Russian. In Karpov, A., Potapova, R. (eds.), SPECOM 2021, LNAI (vol. 12997, pp. 660–669). Heidelberg: Springer.
2. Couper-Kuhlen, E. (1993). English speech rhythm: Form and function in everyday verbal interaction. Philadelphia: John Benjamins.

3. Edlund, J., Edelstam, F., Gustafson, J. (2014). Human pause and resume behaviours for unobtrusive humanlike in-car spoken dialogue systems. In: Proceedings of the of the EACL 2014 Workshop on Dialogue in Motion (DM) (pp. 73–77). Sweden: Gothenburg.
4. Strömbergsson, S., Hjalmarsson, A., Edlund, J., House, D. (2013). Timing responses to questions in dialogue. In: Proc. Interspeech 2013 (pp. 2584–2588). 10.21437/Interspeech.2013-581
5. Shevchenko, T., Gorbyleva, A. (2020). Temporal concord in speech interaction: Overlaps and interruptions in spoken American English. In: Karpov, A., Potapova, R. (eds.), SPECOM 2020, LNCS (vol. 12335, 490–499). Heidelberg: Springer.
6. Fedorova, O. V. (2014). Eksperimental'nyj analiz diskursa = Experimental analysis of discourse. Moscow: Languages of slavic culture. (In Russ.)
7. Sokoreva, T. V. (2018). Vozrastnye izmeneniya rechevogo ritma: eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale korpusa dialogicheskoj rechi zhitelej SSHA = Age-related changes in speech rhythm: an experimental phonetic study based on the corpus of dialogical speech of US residents: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Ramsey, R. W. (1968). Speech patterns and personality. Language and Speech, 2(1), 54–63.
9. Nadeina, T. M. (2003). Frazovaya prosodiya kak faktor rechevogo vozdejstviya = Phrasal prosody as a factor of speech influence. Moscow: Institute of Linguistics. (In Russ.)
10. Shevchenko, T., Uglova, N. (2005). Temporal features in TV news and weather forecasts. The Journal of the Acoustical Society of America, 117(4). https://doi.org/10.1121/1.4788459
11. Du Bois, J. W., Chafe, W. L., Meyer, C., Thompson, S. A., Englebretson, R., Martey, N. (2005). Santa Barbara corpus of spoken American English. Parts 1–4. Philadelphia: Linguistic Data Consortium.
12. Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.03, retrieved 05 December 2021. from http://www.praat.org/

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сокорева Татьяна Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokoreva Tatiana Viktorovna
PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 81’34
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_120

Голос индивидуальности в просодическом описании: вариативный, неповторимый и узнаваемый

А. В. Чуешкова[1], **Т. И. Шевченко**[2]

[1]*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации*
Москва, Россия, anna.chueshkova@inbox.ru
[2]*Московский государственный лингвистический университет*
Москва, Россия, tatashevchenko@mail.ru

Аннотация. Следуя холистическому принципу описания речевого портрета говорящего в терминах просодии, авторы последовательно представляют результаты возрастной, фоностилистической, прагматической и художественно-изобразительной вариативности голоса одной выдающейся личности. Избранные параметры высотных, темпоральных и тембральных характеристик проверяются статистически для выявления их значимости. Обнаруживается преимущество постоянной языковой практики лектора для сохранения широкого диапазона, темпорального контроля и гибкости качества голоса.

Ключевые слова: английский язык, просодия, индивидуальность, речевой портрет, вариативность

Для цитирования: Чуешкова А. В., Шевченко Т. И. Голос индивидуальности в просодическом описании: вариативный, неповторимый и узнаваемый // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 120–125. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_120

Original article

Individual Voice in Prosodic Description: Variable, Unique and Identifiable

Anna V. Chueshkova[1], **Tatiana I. Shevchenko**[2]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia*
anna.chueshkova@inbox.ru
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, tatashevchenko@mail.ru*

Abstract. Following the wholistic principle of speech portrayal description in terms of prosody, the authors present step-by-step analysis of aging, stylistic, pragmatic and artistic variability of a prominent personality’s voice. The selected parameters of pitch, tempo and voice quality features are tested statistically for their relevance. The advantages of day-to-day practice of professional lecturing are revealed for the preservation of a wide pitch range, temporal control and voice quality flexibility.

Keywords: English, prosody, personality, speech portrayal, variability

For citation: Chueshkova, A. V., Shevchenko, T. I. (2023). Individual voice in prosodic description: Variable, unique and identifiable. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 120–125. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_120

ВВЕДЕНИЕ

«Что в имени твоем?» – восклицала шекспировская Джульетта, страдая от того, что фамилия ее любимого человека была Монтекки, а не Капулетти. «Имя может принадлежать мне, ему, служить любому человеку ('Tis mine, 'tis his and could be slave to anyone)» – так рассуждала Джульетта. И только голос может принадлежать одному единственному человеку. «Что в голосе твоем?» – так автор назвал свой доклад, в котором на основе анализа 100 британских голосов показал, что индивидуальный голос, согласно этому социофонетическому исследованию, содержит ряд признаков, общих для жителей определенных территорий, социальных групп и уместных в изменяющихся ситуациях [Шевченко, 1989]. Вместе с тем неповторимость индивидуального голоса, как полагают фонетисты, состоит не только из сочетаний региональных и социальных признаков высотно-мелодического и темпорального характера, но и особого тембра голоса [Тонконогов, 1989]. Однако тембральные характеристики, идентифицируемые на слух, до настоящего времени не были доступны методам объективного анализа.

В данной работе, благодаря расширению возможностей программного обеспечения за счет качества голоса, можно создать целостную, достаточно полную, картину просодической идентичности голоса говорящего. Именно данную цель ставят перед собой авторы исследования.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Экспериментальный корпус составили аудиозаписи чтения лекций и интервью известного лингвиста Дэвида Кристала. С целью анализа возрастной, фоностилистической, прагматической и художественно-изобразительной вариативности речевого поведения личности был отобран следующий материал:

1) возрастная вариативность – записи чтения Дэвидом Кристалом «St. John's Gospel» (2000) и «Just a Phrase I'm Going Through. My Life in Language» (2015);

2) фоностилистическая вариативность – телевизионное интервью Д. Кристала с его взрослым сыном «Ben Crystal & David Crystal. Sunday Brunch» (2014); лекция «Is Control of English Shifting Away from British and American Native Speakers» (2014) и чтение автобиографии «Just a Phrase I'm Going Through. My Life in Language» (2015);

3) прагматическая вариативность – лекция "The Future of Englishes" (2008).

4) художественно-изобразительная вариативность – чтение автобиографии "Just a Phrase I'm Going Through. My Life in Language" (2015).

Длительность звучания узкого экспериментального корпуса, т. е. отобранных релевантных для исследования фрагментов из вышеуказанных записей, составил 38 минут (t = 38 min).

Основным методом анализа послужил электронно-акустический анализ, проведенный при помощи компьютерной программы «Praat 6.0.46» [Boersma, Weenink, 2017]. Анализу были подвержены следующие акустические характеристики:

1. ЧОТ: ЧОТмин (Гц); ЧОТмакс (Гц); интервал ЧОТ (Гц) – разница между максимальными и минимальными показателями ЧОТ; ЧОТσ (Гц) – стандартное отклонение ЧОТ.
2. Качество голоса: шиммер (дБ); джиттер (%); соотношение гармоника / шум (дБ).
3. Темпоральные параметры: средняя длительность слога (СДС) (мс) и соотношение фонация / паузация (Ф/П).

Основываясь на полученных данных, мы составили просодические портреты, которые далее были сравнены и проанализированы при помощи программы математико-статистической обработки данных Jamovi (1.2.27.0)[1]. При анализе значимости мы опирались на понятие *p*-уровня вероятности (*p*-value), измеренном в ходе проведения дисперсионного анализа ANOVA.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Для начала отметим уже известные нам черты говорящего. Дэвид Крислал – немолодой мужчина, лингвист, обладающий высоким уровнем языковой культуры и многолетним опытом публичных выступлений. Предполагаем, что постоянная практика лекторской и артистической деятельности оказала положительное влияние на его умение владеть своим голосом, и, следовательно, его речевое поведение стало отличаться большей вариативностью просодических характеристик.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА

Проведенный анализ ANOVA указал на наличие значительного воздействия возрастного фактора на следующие параметры: ЧОТмед ($F = 24.1$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.131$), СДС ($F = 11.9$, $p = 0.01$, $\eta^2 = 0.158$), шиммер ($F = 52.1$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.453$) и джиттер ($F = 24.3$, $p < 0.01$, $\eta^2 = 0.279$).

[1] The jamovi project. jamovi (Version 1.2.27.0). 2020. URL: https://www.jamovi.org

Таблица 1

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГОЛОСА Д. КРИСТАЛА В 59 ЛЕТ И 74 ГОДА

Возраст	ЧОТ	ЧОТ мин	ЧОТ макс	ЧОТ σ	СДС	Ф/П	Шиммер	Джиттер	Г/Ш
59	100	70	483	21	220	2.67 : 1	1.17	3.44	8.12
74	110	74	471	27	181	3.79 : 1	1.80	4.39	7.76

Таблица 2

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГОЛОСА Д. КРИСТАЛА В ТРЕХ ФОНОСТИЛЯХ

фотостиль	ЧОТ	ЧОТ мин	ЧОТ макс	ЧОТσ	СДС	Ф/П	Шиммер	Джиттер	Г/Ш
интервью	115	74	496	29	166	8 : 1	1.19	2.52	5.65
чтение	110	74	471	27	181	3.8 : 1	1.80	4.39	7.76
лекция	105	73	499	72	197	5.2 : 1	1.22	3.58	7.60

Обнаружено ожидаемое повышение показателей $ЧОТ_{мед}$, шиммер и джиттер в записях чтения 2015 года по сравнению с записями 2000 года, что объясняется возрастными респираторными и фонационными изменениями в голосе говорящего (см. рис. 1) [Linville, 2001].

В то же время, несмотря на ожидаемую тенденцию к замедлению артикуляции с возрастом, на нашем материале Д. Кристал, напротив, демонстрирует ускорение артикуляции при чтении более позднего периода (181 с.). Более того, к нашему удивлению, проведенный анализ ANOVA не указал на наличие воздействия возрастного фактора на параметр соотношения гармоника/шум, несмотря на уже отмеченную в научной литературе тенденцию к его уменьшению ($p = 0.194$). Таким образом, помимо способности к быстрой артикуляции, говорящий смог сохранить в голосе резонансность и широкий диапазон (32 пт).

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Проведенный анализ ANOVA указал на наличие сильного воздействия фоностилистического фактора на следующие параметры: ЧОТмед ($F = 7.42$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.086$), ЧОТ σ ($F = 40.9$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.341$), СДС ($F = 9.80$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.123$), шиммер ($F = 59.5$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.429$), джиттер ($F = 74.1$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.484$) и соотношение гармоника / шум ($F = 39.0$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.331$).

К нашему удивлению, тембральные параметры оказались зависимы от фоностиля. Ввиду того, что

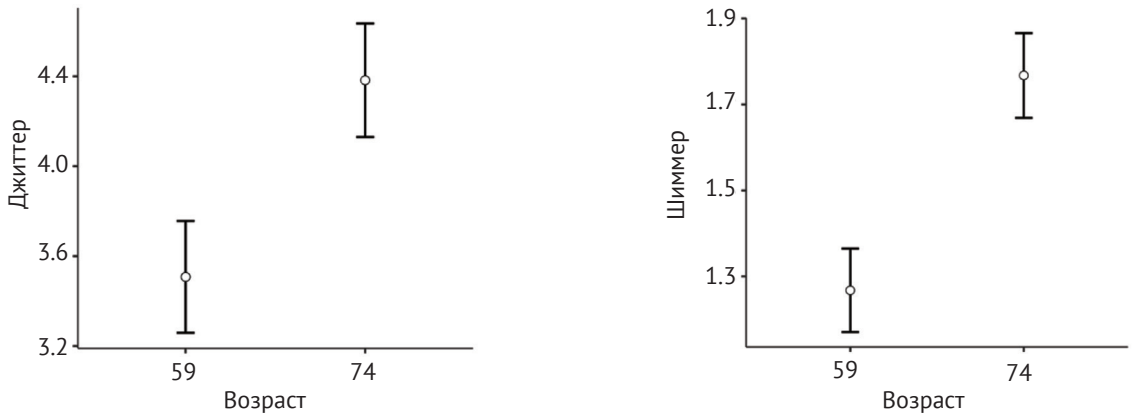


Рис. 1. Медианные показатели параметров шиммер (дБ) и джиттер (%) в речи Д. Кристала двух возрастных периодов

для изучения фоностилистического воздействия на речевое поведение говорящего мы отобрали материал одного временного периода, исключаем возрастной фактор как причину вариативности параметров качества голоса. Отметим, что тембральная вариативность зачастую сопутствует изменениям в эмоционально-психическом состоянии говорящего, например, доказано, что доброжелательность сопровождается отсутствием или сокращением грубой фонации в голосе [Scherer, 2003].

На нашем материале Д. Кристал демонстрирует наименьшие показатели качества голоса в интервью по сравнению с лекцией и чтением – фонация наименее грубая и хриплая, но также и наименее резонансная, что выдает немолодой голос говорящего сильнее, чем в других фоностилях. Предполагаем, что именно в процессе интервью-беседы с собственным сыном проявляется модальный голос диктора, ведь присутствие большой аудитории (лекция, чтение) влияет на эмоционально-психическое состояние говорящего, а, соответственно, и на качество голоса.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Воздействие прагматического фактора мы исследуем на материале лекции «The Future of Englishes» (2008). Вслед за Д. Кристалом мы выделяем в лекции следующие намерения:

1) представление нового тезиса (peak);
2) предоставление аудитории возможности отдохнуть (фоновая информация) (lull);
3) рассказ личной истории с целью установления контакта;
4) обобщение уже сказанного с целью подготовить аудиторию к последующей важной информации (recapitulation);
5) заключение [Crystal, 2016].

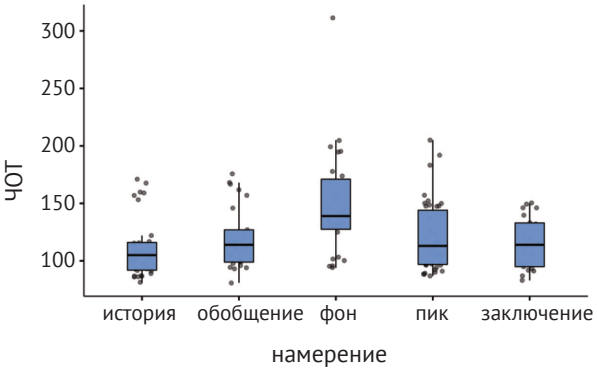


Рис. 2. Дисперсия значений ЧОТ (Гц) в соответствии с пятью прагматическими задачами

Статистически воздействие прагматического фактора было доказано только на высотно-мелодических характеристиках. Из сказанного следует, что параметры качества голоса и длительности, в основном, оказываются зависимыми от возрастного или фоностилистического факторов (см. рис. 2).

Интересно просодическое оформление фоновой информации говорящим, где речевое поведение оказалось наиболее выразительным ввиду частого применения лектором примеров из жизни и рассказов. Так, Д. Кристал прибегает к тонам более высокого регистра (ЧОТмакс = 495 Гц); речь отличается высокой частотой основного тона (ЧОТ = 139 Гц), наибольшим диапазоном показателей интенсивности, что означает наибольшую контрастность по громкости голоса (ИЗСмин = 24 Дц; ИЗСмакс = 82 Дц); самым медленным темпом (СДС = 238мс), самым большим количеством пауз по отношению ко времени говорения (ф/п = 3.3:1). Контрастное оформление фоновой информации по сравнению с просодическим оформлением других намерений указывает слушателям на возможность расслабиться и набраться сил перед восприятием важной информации.

Таблица 3

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГОЛОСА Д. КРИСТАЛА В СООТВЕТСТВИИ С НАМЕРЕНИЯМИ

Намерение	ЧОТ	ЧОТ мин	ЧОТ макс	ЧОТ σ	СДС	Ф/П	Шиммер	Джиттер	Г/Ш
История	105	72	497	26	214	5 : 1	1,21	2,61	7,92
Обобщение	114	73	495	35	222	4.8 : 1	1,20	2,60	7,85
Пик	113	74	478	33	208	6.7 : 1	1,13	2,56	7,85
Фон	139	73	495	57	238	3.3 : 1	1,19	2,74	8,25
Заключение	114	74	385	23	200	4.6 : 1	1,15	1,28	7,92

ВОЗДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ФАКТОРА

Для исследования воздействия художественно-изобразительного фактора было акустически и статистически проанализировано чтение Д. Кристалом своей автобиографии «Just a Phrase I'm Going Through». Перцептивно были отобраны фрагменты книги, в которых Д. Кристал озвучил разных персонажей (n = 9). Опыт предыдущих исследований говорит о том, что в процессе актерской игры говорящий передает голосом социальные (возраст, пол, социальный статус и т. д.) и персональные (характер, эмоции) маркеры персонажа [Scherer, 2003]. Ввиду этого с целью обнаружения возможной зависимости супрасегментных параметров речи от половозрастных характеристик персонажей, мы выделили три группы персонажей: мужские, женские и детские.

Статистически значимыми оказались изменения в следующих показателях: ЧОТ ($F = 17.9$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.449$), ЧОТмин ($F = 7.22$, $p = 0.02$, $\eta. = 0.247$), шиммер ($F = 3.62$, $p < 0.035$, $\eta. = 0.141$) и соотношение гармоника / шум ($F = 8.46$, $p < 0.01$, $\eta. = 0.278$).

Полученные данные указывают на использование Д. Кристалом ряда языковых стереотипов, связанных с высотно-мелодическими и тембральными характеристиками голоса. Так, диктор прибегает к сужению голосового диапазона при озвучивании детских (24 пт) и женских (30 пт) персонажей (рис. 3) и максимально увеличивает медианный показатель ЧОТ женских персонажей (169 Гц) в сравнении с мужскими (103 Гц) и детскими (154 Гц) персонажами.

Особый интерес для нас представляет параметр соотношения гармоника / шум, который активно варьируется говорящим с целью создания образа героя. Данный показатель является максимальным при озвучке звонких детских персонажей (12.20 дБ), уменьшается в голосах женских персонажей (10 дБ) и достигает низких значений в голосах мужских персонажей (8.50 дБ). Описанная

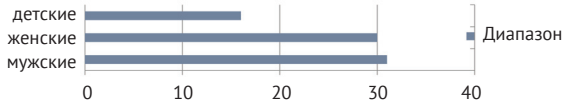


Рис. 3. Диапазон голосов мужских, женских и детских голосов

вариативность тембрального параметра указывает на удивительную способность Д. Кристала управлять своим голосом. Таким образом, высотно-мелодические и тембральные характеристики помогли диктору передать половозрастную принадлежность озвученного персонажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, о голосе Д. Кристала можно сказать следующее:

1) Д. Кристал смог сохранить в пожилом возрасте необычайно широкий диапазон голоса, несмотря на ожидаемое возрастного сужение диапазона; сужение голосового диапазона используется Д. Кристалом только в целях создания образа персонажа;

2) Диктор сохранил ускоренный темп речи, несмотря на ожидаемое возрастное замедление артикуляции;

3) Диктор демонстрирует контроль над тембральными характеристиками голоса (увеличение резонансности голоса, уменьшению степени грубости и хрипоты фонации, типичной для данной возрастной категории).

Богатство и неповторимость индивидуального голоса, как показал многофакторный анализ возрастного, фоностилистического и прагматического варьирования, включая создание художественных образов, т. е. звуковых портретов героев, состоит в способности языковой личности менять высотные, темпоральные и тембральные характеристики. На нашем материале видим, что постоянная практика ораторского мастерства действительно способствует сохранению степени владения

Таблица 4

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ГОЛОСА Д. КРИСТАЛА
ПРИ ОЗВУЧИВАНИИ МУЖСКИХ, ЖЕНСКИХ И ДЕТСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Персонажи	ЧОТ	ЧОТ мин	ЧОТ макс	ЧОТ σ	СДС	Ф/П	Шиммер	Джиттер
мужские	103	64	497	54	288	1,64	3,36	8,50
женские	169	74	416	69	212	1,00	3,00	10,00
детские	154	75	306	48	279	1,56	3,13	12,20

своим голосом с возрастом. В качестве перспективы дальнейших исследований можно рассматривать спектральный и сопоставительный анализы для более исчерпывающего описания фонетического уровня речи говорящего и определения границ между индивидуальным и социальным в речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Shevchenko T. What's in a voice: A system of regional and social acoustic characteristics based on the analysis of 100 British English Voices // Proc. First European Conference on Speech Communication and Technology (Eurospeech 1989). P. 2131–2134. DOI: 10.21437/Eurospeech.1989-217
2. Тонконогов В. Г. Проблема единства и взаимодействия социального и индивидуального в интонационной характеристике говорящего (Экспериментально-фонетическое исследование на материале английского радиоинтервью): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1989.
3. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.46, 2017. URL: www.praat.org/
4. Linville S. E. Vocal Ageing. San Diego: Singular Publishing Group, 2001.
5. Scherer K. R. Vocal communication of emotion: A review of research paradigms. Speech Communication. 2003. Vol. 40. P. 227–256.
6. Crystal D. The Gift of the Gab. How Eloquence Works. 1st ed. Yale University Press, 2016.

REFERENCES

1. Shevchenko, T. (1989). What's in a voice: A system of regional and social acoustic characteristics based on the analysis of 100 British English Voices. In Proc. First European Conference on Speech Communication and Technology (Eurospeech 1989, pp. 2131–2134). 10.21437/Eurospeech.1989-217.
2. Tonkonogov, V. G. (1989). Problema edinstva i vzaimodejstviya social'nogo i individual'nogo v intonacionnoj harakteristike govoryashchego (Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale anglijskogo radiointerv'yu) = The problem of unity of the individual and the collective in a speaker's intonation: abstract of PhD in Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
3. Boersma, P., Weenink, D. (2017). Praat: Doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.46. www.praat.org/
4. Linville, S. E. (2001). Vocal ageing. San Diego: Singular Publishing Group.
5. Scherer, K. R. (2003). Vocal communication of emotion: A review of research paradigms. Speech Communication, 40, 227–256.
6. Crystal, D. (2016). The Gift of the Gab. How Eloquence Works. 1st ed. Yale University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чуешкова Анна Вадимовна

преподаватель кафедры английского языка № 8
Московского государственного института международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации

Шевченко Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chueshkova Anna Vadimovna

Lecturer, Department of the English Language № 8, Moscow State Institute of International Relations

Shevchenko Tatiana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.161.21.1-192:784.66
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_126

Современные подходы к типологии способов циклизации в рок-поэзии

Н. П. Беляева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
belyaeva@social-tech.ru

Аннотация. В последние годы в филологических исследованиях по «рокологии» наметилось противостояние нескольких подходов к пониманию и специфике литературного цикла. Системный обзор и сравнительный анализ литературоведческих концепций, раскрывающих специфику и сущность циклизации в лирике русского рока, и предлагаемых в их рамках различных способов формирования циклообразующих связей позволили автору разработать авторский вариант их систематизации.

Ключевые слова: литературный цикл, способы циклизации, циклообразующие связи, рок-поэзия, рок-альбом

Для цитирования: Беляева Н. П. Современные подходы к типологии способов циклизации в рок-поэзии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 126–133. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_126

Original article

Modern Approaches to the Typology of Cyclization Methods in Rock Poetry

Natalya P. Belyaeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
belyaeva@social-tech.ru

Abstract. Recently, in philological research at “rockology” there has been a confrontation between several approaches to understanding and specifics of the literary cycle. The study and comparative analysis of literary concepts that reveal the specifics and essence of cyclization in the lyrics of Russian rock, and the various ways of forming cycle-forming links proposed within their framework, allowed the author to develop an author’s version of its systematization.

Keywords: literary cycle, the methods of cyclization, cyclic connections, rock poetry, rock album

For citation: Belyaeva, N. P. (2023). Modern approaches to the typology of cyclization methods in rock poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 126–133. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_126

ВВЕДЕНИЕ

Научное осмысление циклизации как литературного явления рассматривается в контексте различных литературных жанров, периодов развития литературы, родовой принадлежности художественных текстов. Последние несколько десятилетий исследовательское внимание при изучении лирических циклов щедро направляется в сторону рок-поэзии.

Ключевой вектор дискуссий о сути и проявлениях феномена циклизации проходит между основоположником теоретического осмысления проблем «рокологии» Ю. В. Доманским и его оппонентом В. А. Гавриковым. По нашему мнению, основой его является различное понимание ими предмета исследования лирического цикла в рок-поэзии. Так, В. А. Гавриков не соглашается с Ю. В. Доманским в том, что при исследовании явления циклизации следует акцентировать внимание исключительно на альбоме как способе «бытования рока» [Гавриков, 2014, с. 8]. Он необоснованно расширяет предмет исследования, по сути, отождествляя явление «рок-культуры» и «рок-поэзии» и игнорируя объективно существующие между ними родовидовые отношения. Представляется, что между литературным циклом рок-поэзии и циклом песенного творчества нельзя ставить знак тождества.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИИ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА В РОК-ПОЭЗИИ

В словаре литературоведческих терминов Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева цикл представляется как несколько произведений, объединенных общим замыслом, жанром, темой, действующими героями, иногда рассказчиком, историческим периодом (свойственно для драматургии и прозы), единым местом действия, лирическим настроением (в поэзии)[1]. Согласно еще одному определению, литературный цикл – это совокупность литературных произведений, объединенных общей или схожей тематикой, созданный одним автором или единой группой авторов[2]. М. Н. Дарвин отмечает, что значение цикла превосходит сумму значений формирующих его компонентов, которые в своем множестве приобретают значение «не складывания, а объединения» [Дарвин, 1996, с. 13]. Важным для понимания термина представляется замечание Л. Е. Ляпиной о том, что цикл является типом эстетического целого и представляет собой совокупность принадлежащих одному виду искусства, созданных и определенным образом скомпонованных произведений [Ляпина, 1977, с. 165].

В. А. Гавриков, игнорируя классическое литературоведческое понимание лирического цикла, в качестве неоспоримого аргумента в пользу преимущественного рассмотрения рок-концертов как предмета исследования при изучении литературной циклизации в роке использует статистику: объективно рок-исполнители проводят больше концертов, чем выпускают альбомов. Предлагаемое В. А. Гавриковым смещение фокуса внимания исследователя с альбома как одного из способов бытования рок-культуры на концерт [Гавриков, 2014, с. 8] представляется неприемлемым в рамках понимания цикла как ряда произведений, принадлежащих одному виду искусства (в данном случае – литературе). Рок в широком понимании, как правило, сочетает в себе элементы поэзии, музыки и театра, в то время как рок-поэзия – это вид лирического литературного творчества.

Лирический цикл отличает самостоятельность входящих в него поэтических произведений, авторская композиция, характеризующаяся «центростремительностью» компонентов, лирический способ изображения и характер сцепления стихотворений. Сет-листы не всегда формируются исключительно автором, что не позволяет говорить об авторском характере композиции рок-концерта. В одной из фанатских групп «ДДТ» сделано замечание, которое как нельзя более четко отражает подвижность структуры концерта, ее зависимость от настроения исполнителей, ожиданий публики и пожеланий организаторов: «Сет-лист не железобетонный, и в каждом городе могут быть свои сюрпризы»[3]. Сопоставление перечней и последовательности песен, исполненных группой «ДДТ» в сентябре 2009 г. в г. Красноярске и г. Москве с разницей в три дня, позволяет сделать вывод о том, что при определенной основе концертной программы списки произведений отличаются по составу (из 25 песен не повторяются на другом концерте три песни) и последовательности исполнения (при неизменном завершении концерта композицией «Это все»). Сравнение данных в разные даты и в разных локациях рок-концертов, основанных на общей концертной программе, обнаруживает отсутствие в них «концептуальной авторской композиции» как обязательной характеристики лирического цикла,

[1] Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1984. С. 456.

[2] Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. Интелвак, 2001. С. 1189–1190.

[3] ДДТ. История звука»: московский сет-лист. URL: https://vk.com/wall-367_233624

отмечаемой В. А. Гавриковым [Гавриков, 2016, с. 20]. Последовательность исполнения песен и даже их состав часто так или иначе «перекраивается» исполнителем, не позволяя говорить о полноценно воплощенном и однозначно выраженном авторском замысле, как это имеет место в альбоме.

Сами рок-музыканты нередко высказываются о том, что концерт – это, в первую очередь, подборка песен для публики. Типичным является такой комментарий рок-музыкантов: «Мы стараемся составить трек-лист так, чтобы каждый пришедший смог услышать что-то, что ему бы хотелось. Конечно, сыграть все песни – нереально, но, тем не менее, мы стараемся охватить все релизы группы. Те люди, кто приходят на концерт впервые (а такие зрители есть абсолютно на каждом выступлении) хотят услышать наиболее известные песни группы. Для тех же, кто старается наши концерты не пропускать, мы стараемся каждый раз подготовить какой-нибудь сюрприз – что-то чего они не могли слышать на предыдущем концерте в этом же городе. Концерт – это как театральное представление, в котором есть пролог, драматическая часть, кульминация и хеппи-энд... Трек-лист составляется таким образом, чтобы слушатели могли ощутить различный спектр эмоций, но в финале в любом случае ощутить прилив бодрости и хорошего настроения. Сет-лист всегда составляется заранее и с запасом. Если позволяет время, отведенное для выступления, а зрители хотят услышать что-то еще, мы всегда можем сыграть на бис»[1].

Такая «гибкость» структуры концертной программы, исполняемой в разных городах в разное время автором (авторами), ее адаптивность к возможным требованиям и ожиданиям организаторов и слушателей не только существенно затрудняют изучение концерта в качестве предмета филологического исследования, но и не позволяют признать его именно «литературным циклом», в том числе и по причине отсутствия целостности в ее традиционном, статичном понимании и уменьшения субъективного вклада автора (авторов) в выстраивание состава и последовательности вошедших в рок-концерт произведений.

В зарубежной науке разделены понятия «песенный цикл» и «литературный цикл», представляющие собой самостоятельный предмет для изучения. В филологической традиции литературный цикл понимается как группа прозаических или поэтических произведений, как правило, одного автора, сосредоточенные вокруг одних действующих лиц, объединенные пространственно-временными характеристиками описываемых событий или переживаний или общей тематикой[2]. Хрестоматийными примерами являются «циклические поэмы» Гомера, трагедии Софокла о жизни Эдипа и его потомков, средневековые романы и истории, посвященные одному герою (например, истории о короле Артуре), пьесы Честера, посвященные христианским праздникам.

Отдельным предметом научного интереса зарубежных исследователей являются так называемые «песенные циклы», которые изучаются методами филологии и музыковедения. В качестве разграничительной черты, отличающей песенный цикл от сборника песен, используется их согласованность, на уровне текста поддерживаемая единым авторством (как индивидуальным, так и коллективным), наличием сюжетной линии, центральной темы, лирическим настроением, поэтической формой или жанром, общими мотивами и образами, повторами и т. п., которые могут проявляться как по отдельности, так и в сочетании друг с другом [Tunbridge, 2010, с. 246].

Таким образом, представляется обоснованным взаимное разграничение песенного цикла и цикла литературного как различных предметов исследования. В данном контексте анализ исполнительских нюансов, влияния визуальной, театральной, музыкальной компонент рок-поэзии представляется затруднительным и вряд ли целесообразным в филологической науке как науке о культуре, выраженной в литературе и языке. Основными признаками, необходимыми и достаточными для идентификации литературного цикла как жанра в рок-поэзии, по нашему мнению, являются самостоятельность входящих в цикл произведений и четко организованная авторская композиция, наличие объединяющего начала (время написания, место написания, принадлежность одному автору, тема, действующие персонажи и т. п. Совокупность указанных признаков обеспечивает эстетически и семантически целостное восприятие литературного цикла как самостоятельного творческого объекта.

Возвращаясь к альбому как основному (хотя и не единственному) предмету филологического исследования явления циклизации в рок-поэзии, отметим, что в российской «рокологии» понятие альбом, как правило, отождествляется с понятием «концептуальный альбом». В зарубежных исследованиях концептуальный альбом отличается от прочих рок-альбомов, например, представленных в виде сборника песен или каверов, и определяется как альбом, все треки которого в совокупности

[1] Четвертая часть интервью Михаила Бугаева (ГРАН-КУРАЖЪ): Концерт – это как театральное представление. 18.08.2018. URL: https://mastersland.org/index.php?content=16047

[2] Cycle // Encyclopedia Britannica. 1998, July 20. URL: https://www.britannica.com/art/cycle-literature

имеют большее значение, чем треки, взятые по отдельности. Целостность концептуального альбома достигается с помощью композиционного, лирического, инструментального единства [Elicker, 2001, с. 229–231].

Очертив предмет исследования циклизации в рок-поэзии, рассмотрим наиболее распространенные критерии типологии способов формирования лирических циклов (циклообразующих связей) в рамках исследуемого предмета.

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ ЦИКЛИЗАЦИИ ПО ВКЛЮЧЕННОСТИ В СОСТАВ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА В РОК-ПОЭЗИИ

К универсальным способам циклообразования в лирике рока исследователи относят заглавие литературного цикла, композицию, пространственно-временную организацию, изотопию и полиметрию. Эта точка зрения, развитая из идей И. В. Фоменко [Фоменко, 1998] и предложенная Ю. В. Доманским [Доманский, 2000а, с. 101], преобладает в современной «рокологии» и подтверждается многочисленными примерами. В. А. Гавриков в составе универсальных циклообразующих связей в песенной лирике рассматривает авторскую или авторизированную композицию, исторический пространственно-временной континуум, полиметрию, самостоятельность входящих в лирический цикл произведений [Гавриков, 2014, с. 8]. Исключенное из списка, предложенного Ю. В. Доманским, заглавие как способ циклизации наряду с авторской (авторизированной) композицией и пространственно-временным историческим континуумом относится В. А. Гавриковым к «факторам, твердо свидетельствующим о возникновении цикла» [Гавриков, 2014, с. 13].

В истории русского рока некоторые альбомы, особенно в период популярности концертных, а не студийных записей альбомов, не имеют заглавия. Так, записанный в июне 1992 года группой «Сектор Газа» концертный альбом в честь пятилетия группы так и называется – «Альбом без названия». Однако его выпуск не был массовым и официальным, поэтому вряд ли стоит рассматривать его в качестве предмета для изучения авторски заданного концептуального литературного цикла. Еще один альбом «Без названия» был выпущен в 2002 году Н. Носковым. Сам исполнитель так прокомментировал свой выбор: «Мой новый альбом, “Без названия”, носит такое имя неслучайно. Честно скажу: я не мог найти слова или выражения, чтобы охарактеризовать мое понимание того, что сейчас происходит у меня внутри и в окружающем мире. В период, когда я готовил альбом, я не путешествовал, занимался профессией, читал, наблюдал… И какого-то одного конкретного названия я просто не смог найти… Пусть каждый подумает, как говорят в народе, «прикинет», что является истинной ценностью, а что – наносное, чужое»[1].

Таким образом, авторское заглавие в рок-поэзии отсутствует либо у квазициклов (по сути, сборников песен), которые сформированы не только автором (например, у рок-концертов или у неофициальных концертных альбомов), либо по причине специфики авторской концепции лирического цикла. Отсутствие заглавия может отражать мнение автора об ограниченной возможности средств языка для выражения внутреннего состояния, стремление заранее сместить акцент на музыкальность, звучание цикла, вступить в диалог со слушателем, предоставить ему стимул для размышления об актуальном лично для него заглавии как квинтэссенции выражения ощущений, чувств и мыслей от прослушивания альбома. В рамках поддерживаемого в настоящем исследовании понимания предмета лирической циклизации литературные циклы в рок-поэзии традиционно наделяются заглавием и располагаются в определенной заданной исключительно автором композиционной рамке, что позволяет отнести заглавие к числу обязательных (универсальных) способов формирования цикла.

Отдельное внимание при типологическом разделении способов циклизации на основные и обязательные следует уделить полиметрии. Анализ специальной литературы по теме исследования подтверждает точку зрения В. А. Гаврикова о том, что данный аспект циклообразования редко попадает в поле зрения ученых [Гавриков, 2014; Гавриков, 2016]. Объяснение такого игнорирования очевидного факта, имеющего в рок-поэзии множество подтверждений, может быть основано на аксиоматичности полиметрии как характеристики циклизации в песенном творчестве вообще. Вряд ли среднестатистический поклонник рока при прослушивании альбома будет способен выдержать один-два часа звучания монометрических текстов, даже если он положены на различную по ритмике, настроению и интенсивности музыку. Исследование особенностей проявлений полиметрии в циклах рок-поэзии представляется перспективным и интересным в аспекте наиболее часто используемых авторами вариаций стихотворного метра.

[1] Николай Носков: «Мы с Гумилевым во многом похожи» // Кто главный. № 92. URL: https://kg-rostov.ru/person/face_tv/nikolay-noskov-my-s-gumilevym-vo-mnogom-pokhozhi-/?ysclid=lct8xpz1w5207733494

Все многообразие прочих приемов, используемых авторами рок-произведений, в том числе и изотопию, можно отнести к факультативным способам циклообразования. Ю. В Доманский относит изотопию к основным для русского рока способам циклообразования, развивая идеи И. В. Фоменко о поэтике лирического цикла в приложении к литературному материалу русского рока [Доманский, 2000а; Фоменко, 1984]. Однако, следует согласиться с В. А. Гавриковым в том, что попытки обнаружить в альбомах примеры изотопии часто выглядят искусственными [Гавриков, 2016]. В рок-альбомах нередки случаи помещения в композицию произведения, которое семантически «выбивается» из контекста всего цикла. Сам альбом может представлять собой цикл, доминантой формирования которого является пространственно-временной континуум в понимании реального исторического времени его создания. Указанные аргументы позволяют отнести изотопию к факультативным способам циклообразования в рок-поэзии.

МАСШТАБ ЦИКЛА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИКЛИЗАЦИИ В РОК-ПОЭЗИИ

Еще одним напрашивающимся критерием, который можно положить в основу типологии способов циклизации в рок-поэзии, является масштаб лирического цикла. В. А. Гавриков обосновывает существование четырех типов циклов в песенной поэзии:

– макроциклы: объединение двух и более циклов или структурированный на подразделы цикл, включающий несколько десятков песен;

– цикл: альбом, концерт и имплицитный (несобранный) цикл, представленный, например, сборником саундтреков к фильму, спектаклю, полным сборником песен, ранее «урезанном» из-за цензуры, и т. п.;

– микроцикл: концертный микроцикл (блок песен концертной программы, строго исполняемых друг за другом), попурри и имплицитный микроцикл (например, несколько песен, не исполнявшихся вместе, но объединенных сюжетной линией, названием, пространственно-временными характеристиками, действующими лицами и т. п.) [Гавриков, 2014, с. 13–14].

Представляется, что в русской рок-поэзии можно говорить о еще более глобальном типе цикла – метацикла, объединяющего лирические циклы рок-музыкантов определенного жанра, поколения. Его существование предопределяется диалогичностью рок-творчества: в песенных композициях рок-исполнителей часто угадываются явные и скрытые цитаты из песен коллег, композиции одних авторов вдохновляют других на создание циклов и произведений. Кроме специфических, задаваемых реальным временем характеристик пространственно-временного континуума лирических циклов различных авторов, общих культурных, политических, социальных и прочих тем для отражения в творчестве, метациклы формируются общностью используемой символики, мотивационно-образными связями.

Классификация многообразия способов циклизации по критерию масштаба формируемого литературного цикла может осуществляться с некоторой долей условности на основании частоты использования того или иного приема. Предпринятая в настоящем исследовании попытка типологии приемов циклообразования по данному признаку основана на наработках автора по творчеству группы «ДДТ» и анализе специальной литературы по теме исследования.

Способы циклизации могут быть сгруппированы по универсальности их применения в рок-поэзии на традиционные и нетрадиционные. Актуальность такого деления ввиду разнообразия используемых авторами циклообразующих приемов в русском роке обосновывается, в частности, в работе Ю. В. Доманского [Доманский, 2000б]. Традиционные способы являются «унаследованными» от приемов, используемых в литературе на более ранних этапах ее развития. В «рокологии» к ним относят ранее рассмотренные подробно заглавие, композицию, пространственно-временной континуум, изотопию и полиметрию.

В современном литературоведении существуют и другие подходы к определению приемов циклизации. Так, в работе П. В. Панченко в составе циклообразующих связей рассмотрены заглавие цикла, композиция, мотиво-тематическое единство, сюжетность, концептуальность, общность системных компонентов цикла (стилистических, жанровых, ритмических, метафорических, образных, лексических, фонетических) [Панченко, 2009, с. 11]. Е. В. Верхоломова, исследуя творчество поэтов-акмеистов, в числе способов циклизации указывает использование макросюжета, наличие одного лирического героя и структурную четкость «геометрически выверенной» композиции и особенности стихотворного ритма [Верхоломова, 2009, с. 5]. Циклообразующие связи обобщены в основанном на представительной литературной базе исследовании О. А. Чехуновой и представлены единством мотивно-образного комплекса, целостностью лексической символики, ключевыми метафорами, сравнением, фонетическими

способами организации, поэтикой заглавия, хронотипами (пространственно-временными аспектами), архетипами и топосами, полиритмией, автобиографизмом, композиционной организацией [Чехунова, 2012, с. 55–56].

ОБОБЩЕНИЕ ПОДХОДОВ К ТИПОЛОГИИ СПОСОБОВ ЦИКЛИЗАЦИИ В РОК-ПОЭЗИИ

В контексте достижений «рокологии» и современной филологии по проблеме реализации в лирике в целом и рок-поэзии в частности систематизируем основные подходы к типологии способов циклообразования в рок-поэзии (см. табл. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании критического анализа основополагающих теоретических работ, посвященных циклизации в рок-поэзии, в первую очередь, работ В. А. Гаврикова и Ю. В. Доманского, нами был очерчен предмет исследования лирического цикла в русском роке. При рассмотрении вопроса о составе цикла произведений рок-поэзии было обосновано суждение о включении авторского заглавия в состав основных, а не факультативных способов циклизации. К данному типу отнесена и полиметрия, являющаяся аксиомой для лирических циклов в отечественной рок-поэзии и песенной поэзии вообще. По критерию масштаба цикла способы циклизации предложено

Таблица 1

ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ СПОСОБОВ ЦИКЛИЗАЦИИ В РОК-ПОЭЗИИ

Основание типологии	Типы способов циклизации	Виды способов циклизации
1. По включенности в состав цикла	Основные (обязательные)	заглавие, композиция, пространственно-временная организация, полиметрия
	Факультативные	изотопия, концептуальность, сюжетность, субъектная структура, использование чужого материала и т. п.
2. По масштабу формируемого литературного цикла	Способы микроцикла (песенные диптихи и триптихи)	целостность мотиво-образного комплекса (единый герой, тема, пространственно-временной контекст), общность метафор и символики, ролевые приемы
	Способы мезоцикла (песенные альбомы, концертные программы)	заглавие, композиция, пространственно-временная организация, полиметрия, изотопия, ролевые композиции и приемы
	Способы макроцикла (альбом, структурированный на несколько частей, несколько альбомов, выпущенных на определенном этапе творчества автора)	тематическая композиционная организация (например, альбом, состоящий из частей, посвященных любовной и социальной лирике), пространственно-временная организация, использование «чужого» материала
	Способы метацикла (концептуальное объединение нескольких альбомов одного или разных рок-исполнителей)	изотопия, цитирование, автоцитирование, использование чужого текста, драматизация, перенесение песен, использование стихотворных скреп, автобиографизм
3. По универсальности применения	Традиционные	заглавие, композиция, пространственно-временная организация, полиметрия, изотопия, субъектная или ролевая организация
	Нетрадиционные	цитирование и автоцитирование, сюжетная организация, формы использования «чужого» материала, перенос песен, использование стихотворных и иных циклообразующих скреп, драматизация и т. п.

классифицировать на способы микроцикла (песенные диптихи и триптихи), способы мезоцикла (песенные альбомы, концертные программы), способы макроцикла (альбом, структурированный на несколько частей, несколько альбомов, выпущенных на определенном этапе творчества автора) и способы метацикла (концептуальное объединение нескольких альбомов одного или разных рок-исполнителей). Деление по универсальности применения предполагает рассмотрение традиционных и нетрадиционных способов циклизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гавриков В. А. Переосмысляя аксиомы «рокологии»: циклизация // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2014. Вып. 15. С. 6–17.
2. Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1996.
3. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. Донецк, 1977.
4. Гавриков В. А. Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого: Монография. Брянск: Брянский центр научно-технической информации, 2016.
5. Tunbridge L. Cambridge Introductions of Music: The Song Cycle. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. Elicker M. Concept Albums: Song Cycles in Popular Music // Word and Music Studies: Essays on the Song Cycle and on Defining the Field / Ed. by W. Bernhart, W. Wolf. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 2001.
7. Фоменко И. В. Авторский цикл в лирике. Некоторые перспективы исследования // Кормановские чтения: материалы межвузовской научной конференции, посвященные 75-летию со дня рождения проф. Б. О. Кормана / Удмуртский государственный университет. 1998. Вып. 3. С. 16–22.
8. Доманский Ю. В. Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2000а. Вып. 3. С. 99–122.
9. Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла: учебное пособие. Калинин: КГУ, 1984.
10. Доманский Ю. В. Нетрадиционные способы циклизации в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2000б. №4. С. 217–232.
11. Панченко П. В. Циклизация как прием создания художественного единства в книге рассказов В. Шаламова «Левый берег»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Астрахань, 2009.
12. Верхоломова Е. В. Проблема циклизации в поэзии акмеистов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009.
13. Чехунова О. А. Циклическая структура поэтических сборников Георгия Иванова 1930-х годов как отражение экзистенциальной картины мира: дис. … канд. филол. наук. Нерюнгри, 2012.

REFERENCES

1. Gavrikov, V. A. (2014). Reinterpreting axiom rocology: cuclization. Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst, 15, 6–17. (In Russ.)
2. Darwin, M. N. (1996). Ciklizacija v lirike. Istoricheskie puti i hudozhestvennye formy = Cyclization in lyrics. Historical ways and artistic forms: abstract of Senoir Doctorate in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
3. Lyapina, L. E. (1977). Problema celostnosti liricheskogo cikla = The problem of the integrity of the lyrical cycle. Celostnost' hudozhestvennogo proizvedenija i problemy ego analiza v shkol'nom i vuzovskom izuchenii literatury. Donetsk. (In Russ.)
4. Gavrikov, V. A. (2016). Ciklizacija i kontekstnost' v pojezii Vladimira Vysockogo: Monografija = Cyclization and contextuality in the poetry of Vladimir Vysotsky: Monograph. Bryansk: Brjanskij centr nauchno-tehnicheskoj informacii. (In Russ.)
5. Tunbridge, L. (2010). Cambridge Introductions of Music: The Song Cycle. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Elicker, M. (2001). Concept Albums: Song Cycles in Popular Music. In Bernhart, W., Wolf, W. (eds.), Word and Music Studies: Essays on the Song Cycle and on Defining the Field. Amsterdam-Atlanta: Rodopi.
7. Fomenko, I. V. (1998). Avtorskiy tsikl v lirike. Nekotor·yye perspektivy issledovaniya = Author's cycle in lyrics. In Some perspectives of research. Kormanovskie chtenija (vol. 3, pp. 16–22). Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
8. Domansky, Y. V. (2000a). Tsiklizatsiya v russkom roke = Cyclization in Russian rock. Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst, 3, 99–122. (In Russ.)

9. Fomenko, I. V. (1984). O poetike liricheskogo tsikla: uchebnoe posobie = On the poetics of the lyrical cycle: a study guide. Kalinin. (In Russ.)
10. Domansky, Y. V. (2000b). Netraditsionnyye sposoby tsiklizatsii v russkom roke = Non-traditional ways of cyclization in Russian rock. Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst, 4, 217–232. (In Russ.)
11. Panchenko, P. V. (2009). Tsiklizatsiya kak priyem sozdaniya khudozhestvennogo yedinstva v knige rasskazov V. Shalamova «Levyy bereg» = Cyclization as a technique for creating artistic unity in the book of stories by V. Shalamov "The Left Bank": abstract of PhD in Philology. Astrakhan. (In Russ.)
12. Verkholomova, E. V. (2009). Problema tsiklizatsii v poezii akmeistov = The problem of cyclization in the poetry of acmeists: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
13. Chehunova, O. A. (2012). Tsiklicheskaya struktura poeticheskikh sbornikov Georgiya Ivanova 1930-kh godov kak otrazheniye ekzistentsial'noy kartiny mira = The cyclic structure of the poetic collections of Georgy Ivanov in the 1930s as a reflection of the existential picture of the world: PhD in Philology. Neryungri. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Наталья Павловна
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет,
руководитель специальных проектов Национальной ассоциации участников рынка ассистивных технологий «АУРА-Тех»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Natalya Pavlovna
Post-graduate Student, Russian State University for the Humanities,
Head of Special Projects of The national association of assistive technologies industry NAATI

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111-311.8
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_134

«На китайской ширме» У. С. Моэма – галерея национальных характеров

Н. М. Булашова[1,2]

[1]*Московский педагогический государственный университет, nbulashova@yandex.ru*
[2]*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена книге У. С. Моэма «На китайской ширме», повествующей о пребывании писателя в Китае. В авторском тексте присутствует сочетание литературы нон-фикшн и художественного творчества. В статье анализируются поэтика заглавия, а также галерея национальных характеров – представителей разных социальных слоев западной и восточной цивилизаций. Автор отмечает исчезновение чего-то исконного в современном ему Китае. Сквозными мотивами книги становятся мотив пути, дороги, театральности, одиночества белого человека, невозможности понять друг друга.

Ключевые слова: Моэм, литература о путешествиях, художественная проза, нон-фикшн, театральность, Китай, Восток и Запад, национальный характер

Для цитирования: Булашова Н. М. «На китайской ширме» У. С. Моэма – галерея национальных характеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 134–140. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_134

Original article

W. S. Maugham's "On a Chinese Screen" – the Gallery of National Characters

Nataliia M. Bulashova[1,2]

[1]*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, nbulashova@yandex.ru*
[2]*St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia*

Abstract. The article is dedicated to W. S. Maugham's book "On a Chinese Screen" about his stay in China. The text is the combination of non-fiction literature and fiction. The poetics of the title as well as the gallery of national characters – representatives of different social layers of Western and Eastern civilizations – are analyzed in the article. The author marked the disappearance of something native in modern for him China. The main motives are the following: way, road; theatricality; loneliness of white man; impossibility to understand each other.

Keywords: Maugham, travel literature, fiction, non-fiction, theatricality, China, East and West, national character

For citation: Bulashova, N. M. (2023). "On a Chinese Screen" – the gallery of national characters. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 134–140. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_134

ВВЕДЕНИЕ

Английский писатель У. С. Моэм (1874–1965) – автор ряда произведений, которые относятся к литературе о путешествиях. Среди них следующие: «Земли Пресвятой Богородицы: Очерки и впечатления в Андалусии» (“The Land of the Blessed Virgin”, 1905), «На китайской ширме» (“On a Chinese Screen”, 1922), «Джентльмен в гостиной: запись о путешествии из Рангуна в Хайфон» (“The Gentleman in the Parlour: A Record of a Journey From Rangoon to Haiphong”, 1930), «Дон Фернандо» (“Don Fernando”, 1935), «Мой остров южного моря» (“My South Sea Island”, 1936).

Книга «На китайской ширме» посвящена впечатлениям от поездки Моэма в Китай в 1919–1920 годах и представляет собой сборник сцен из китайской жизни, разрозненных эссе, заметок и сюжетно законченных историй, связанных друг с другом либо фигурой повествователя, либо страной, в которой находился Моэм. Интонации повествователя могут быть ироничными (подчас это горькая ирония), порой сатиричными и лиричными, сентиментальными.

Среди определяющих жанровых черт травелога следующие: «ретроспективность и фрагментарность повествования; определяющая роль героя-повествователя; маршрут и хронотоп как основа сюжета; высокая доля рефлексии повествователя над увиденным, включение в жанровый синтез других форм», «синтез документального и беллетристического начал» [Савельева, 2012, с. 6, 8].

В статье анализируются жанровая природа произведения, поэтика заглавия, галерея национальных характеров, взаимовлияние Востока и Запада. В работе используются элементы биографического, структурного, культурно-исторического, мотивного методов литературоведения.

ВЛИЯНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Моэм всегда оставался писателем-художником, использующим пережитый опыт в качестве материала для творчества. В своей знаменитой работе «Подводя итоги» («Summing up», 1938) он, в частности, отмечал: «Все, что случалось со мной в жизни, я так или иначе использовал в своих произведениях … чаще я брал людей, с которыми был близко или хотя бы слегка знаком, и на их основе создавал своих персонажей. Факты и вымысел в моих книгах так перемешаны, что сейчас, оглядываясь назад, я не всегда могу отличить одно от другого» [Моэм, 1994, с. 263].

Отдельные части книги «На китайской ширме» можно воспринимать как художественные тексты. Таковыми воспринимал их и сам автор. Так, глава «Тайпан» («The Taipan»), например, впоследствии была включена в сборник рассказов в качестве самостоятельного художественного произведения.

Моэм неоднократно отмечает благотворное влияние искусства на человека. Герой главы «Министр» («The Cabinet Minister») – «отпетый негодяй», по определению автора, приобретает в облике что-то человеческое и очень трогательное, когда берет в руки миниатюрную вазу.

Одна из глав носит название «Картина» («The Picture») и запечатлевает процесс создания произведения искусства безымянным персонажем в грязной гостинице – это момент встречи с Вечностью.

Нередко автор использует прием сравнения героев с произведениями искусства: так, например, супруга военного французского атташе из главы «В стенах посольства» («Legation quarter») «выглядела Терпеливой Гризельдой в представлении постимпрессионистов» [Моэм, 1994, с. 152]. А виконт де Стеенвард из главы «Вопрос чести» («The Point of Honour») «обладал всей почтенной солидностью министров Луи-Филиппа, которые взирают на нас с полотен Энгра с торжественной важностью» [Моэм, 1994, с. 176].

Описание может быть и карикатурным: «Толстячок в фантастической шляпе австралийского разбойника с необъятными полями, в морской куртке, точно такой, в какие Лич одевал моряков на своих иллюстрациях, и в очень широких клетчатых брюках покроя, модного, только Богу известно, сколько лет тому назад» (цитата) [Моэм, 1994, с. 234].

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ

Автор не случайно выбирает для своей книги название «На китайской ширме». Китайская ширма – важнейшая для восточного искусства вещь с древнейших времен и до настоящего времени, слава которой вышла далеко за пределы самого Китая. Изначально обладавшая утилитарной функцией (защита от сквозняков и пыли или разграничение пространства) с течением времени она приобретала все более важное эстетическое значение. Постепенно ширмы стали настоящим произведением искусства. Исследователи отмечают, что «в мировоззрении китайцев ширма как важный элемент меблировки интерьера выполняла функцию преграждения в дом отрицательной энергии и злых духов» [Мартынова, Ян, 2020, с. 4]; являясь объектом культурного наследия, она и сегодня «отражает

концепцию пустого пространства в китайской философии, идею взаимосвязанности и взаимозависимости вещей в мире» [Мартынова, Ян, 2020, с. 4]. Производство подобных ширм, разнообразие форм которых поражает воображение, сопровождается синтезом различных декоративно-прикладных искусств и ремесел. Стоит отметить, что традиционные ремесла продолжают играть важную роль в жизни Китая и сегодня. Об этом же неоднократно говорит и Моэм в своем произведении, например: «В единообразии – все китайские городки, во всяком случае на взгляд иностранца, очень похожи друг на друга – вы с удовольствием подмечаете пусть небольшие, но отличия и таким образом узнаете, какие ремесла преобладают именно тут» [Моэм, 1994, с. 183]. Рисунки на тканях – важнейшая составляющая внешнего облика ширмы, со временем становились настоящими произведениями живописного искусства. Китай для Моэма – большое пространство (мотив пути, дороги – один из сквозных в данной книге, одна из самых поэтичных глав носит название «Дорога», «The Road»), все части этого пространства сосуществуют, отдельные «лоскутки» являются частью чего-то большего, создают единое «живописное полотно».

Исследователь Л. Ф. Хабибуллина интерпретирует узор китайской ширмы как «узор из предрассудков и предубеждений» [Хабибуллина, 2012, с. 347].

Еще одна возможная функция китайской ширмы – это театральная теневая ширма. Мотив театральности имеет важнейшее значение в творческом наследии английского писателя. Этот текст не становится исключением. Книга начинается с главы под названием «Занавес открывается» (“The Rising of the Curtain”). Читатель как будто становится зрителем. Перед ним словно возникают декорации, создающие определенный антураж: ряд лачужек, вереница верблюдов, кучка людей, которые при приближении персонифицируются (юноша в остроконечной шапке, два дородных господина, грубые мальчишки, чужеземец, кули (рабочие), лоточники); лавки, торгующие «невиданными товарами сказочного Востока» [Моэм, 1994, с. 144]; древняя, уже осыпающаяся городская стена, которая напоминает «старинный рисунок городской стены какого-нибудь палестинского города времен крестоносцев» [Моэм, 1994, с. 143]. Ключевым символом этой вводной главы становится пекинская повозка, передняя занавеска которой задернута, скрывая таким образом своего пассажира.

В главе «Опиумный притон» («The Opium Den») автор развенчивает стереотипы о подобных местах, вычитанных в романах и представляемых в мрачных декорациях. В реальности же повествователя «ввели в довольно чистое помещение, ярко освещенное и разделенное на кабинки … Это было приятное место, по-домашнему уютное. Оно чем-то напоминало … тихие берлинские пивнушки» [Моэм, 1994, с. 169].

ГАЛЕРЕЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРОВ

Окружающую автора действительность читатель может наблюдать либо глазами повествователя («Я» рассказчика), либо глазами других персонажей. Именно им уделяет большую часть своего внимая Моэм, отмечая тот факт, что он совсем не любит достопримечательности (в этом смысле симптоматично, что первая глава, в названии которой появляется слово *достопримечательности* (*the sights*) является 42 по счету).

Через весь текст проходит галерея национальных характеров: англичан, других европейцев, американцев и, конечно, китайцев, каждый из которых по-своему приспосабливается к жизни Китая XX века и становится частью этнокультурного «калейдоскопа».

Одно из определений национального характера, понятия, не до конца проясненного до настоящего времени, – «система проявления устойчивых особенностей, присущих членам определенного национального (этнического) сообщества, с учетом специфики их психологических и социальных качеств» [Мункуева, Серебрякова, 2018, с. 33]. Выявление особенностей того или иного национального характера может базироваться на анализе географического, социального, культурного факторов. В понимании специфики национального характера могут помочь и сложившиеся стереотипы. Моэм замечает, что «дружеским отношениям между разными странами ничто так не вредит, как фантастические представления о национальном характере друг друга, которые каждая ревниво лелеет» [Моэм, 1994, с. 174–175].

В ряде глав образы персонажей выносятся в заглавие: «Монгольский вождь» («The Mongol Chief»), «Перекати-поле» («The Rolling Stone»), «Министр», «Служители божьи» («The Servants of God»), «Представитель Ее Британского Величества» («Her Britannic Majesty’s Representative»), «Монахиня» («The Nun»), «Хендерсон» («Henderson») и т. д.

В композиционном соотношении глав прослеживается определенная закономерность. Как правило, читатель наблюдает чередование: китаец – иностранец в Китае. Герои Моэма являются представителями разных социальных слоев, у читателя есть возможность познакомиться как с достатком, так и с нуждой.

Частая интонация автора – ироничная, даже сатиричная по отношению как к китайцам, так и иностранцам.

КИТАЙЦЫ В КИТАЕ

В определенной степени автор занимается развенчанием устоявшегося мифа о непостижимости восточного человека, он отмечает: «Вы бы сказали, что это добродушные, открытые лица, если бы вам заранее не вдолбили, что восточный человек непостижим» [Моэм, 1994, с. 177].

Несколько раз возникает образ императора (времена императорского правления уходят в прошлое), он находится на вершине социальной иерархии, он «сын Неба», приходящий в храм поклониться своим родоначальникам. Оставивший на стенах этого храма англичанин Уилард В. Антермайер надпись о том, что он здесь был, выглядит жалко и нелепо [Моэм, 1994, с. 154].

Немало страниц посвящено непростой жизни трудового народа. В описании этих занимающихся тяжелой работой людей Моэм поначалу сохраняет взгляд художника: «в первый момент кули на дороге, горбящийся под своей ношей, кажется живописным», он «удивительно гармонирует с ландшафтом» [Моэм, 1994, с. 177].

Так же тяжела жизнь гребцов (им посвящена, например, поэтическая глава «Песнь реки», «The Song of the River»), в чьих напевах «воплощены перенапряженное сердце, грозящие лопнуть мышцы и одновременно – неукротимый дух человека, побеждающего безжалостную стихию» [Моэм, 1994, с. 205].

Показывая жизнь китайцев разных социальных слоев, Моэм высказывает мысль о парадоксальном равенстве людей, отличном от такового в Европе и Америке: «Общественное положение и богатство ставят человека выше других как бы случайно и не препятствуют дружескому общению … На деспотичном Востоке между людьми равенства куда больше, чем на свободном и демократическом Западе» [Моэм, 1994, с. 211]. Причину этому Моэм находит в наличии или отсутствии неприятного запаха: «для демократии выгребная яма важнее всех парламентских институтов» [Моэм, 1994, с. 212]. Так, китайский чиновник (герой главы «Демократия»), устроивший скандал из-за того, что в гостинице не оказалось приличного свободного номера, сидит впоследствии в компании оборванного кули: «Он поднял эту бурю, чтобы не потерять лица, но, достигнув цели и нуждаясь в собеседнике, принял общество кули, не заботясь о сословных различиях» [Моэм, 1994, с. 211].

Моэм показывает и персонажей-интеллектуалов, представителей мира культуры, философов, в описании которых сохраняется ироничная интонация. Так, философ-конфуцианец (герой главы «Философ», «The Philosopher») – едкий в своих суждениях относительно западного человека, называет себя последним представителем старого Китая, руководствовавшегося не силой, а мудростью. Эта мудрость не нужна современным правителям, а сам старец расточает свои деньги «в квартале, населенном дамами, для описания которых обычно употребляются эвфемизмы» [Моэм, 1994, с. 219].

Другой современный «философ» становится героем притчеобразной главы под названием «Метампсихоза» («Metampsychosis»). Этот почтенный старец ведет непослушную черную свинку, от чего его лицо теряет безмятежное выражение. Автор сравнивает поведение животного с передергиванием фактов и подгонкой их под философские теории.

Последняя категория китайцев, на которую хотелось бы обратить внимание, – это молодые люди – студенты, обучавшиеся за рубежом. Возвращаясь на родину, они, по мнению героя главы «Министр», разрушают древнюю цивилизацию, им «неведомы ни любовь к отчизне, ни религия, ни почтение перед прошлым» [Моэм, 1994, с. 149]. А герой главы «Философ» «с ожесточенной горечью … говорил о нынешних студентах, которые возвращаются из чужеземных университетов и святотатственными руками рвут и крушат старейшую цивилизацию мира» [Моэм, 1994, с. 217].

Таким образом, в современном Моэму Китае исчезает что-то исконное. Славные времена позади. Так, о былом благополучии китайского порта, через который проходили поставки китайского чая, напоминает «как бы комнатушка в углу корабельной лавки», в которой находится все, «что может потребоваться иностранному судну в восточном порту» [Моэм, 1994, с. 160].

ИНОСТРАНЦЫ В КИТАЕ

Иностранцы находятся в Китае, как правило, по долгу службы (представители посольств, скучающие на званых обедах; миссионеры; представители торговых, например табачных, кампаний; капитаны кораблей и т. д.). Подавляющее большинство подобных персонажей абсолютно не стараются влиться в местное общество, интегрироваться в него: многие не учат местный язык, не знакомятся с китайской культурой, практически не общаются с коренными жителями этих мест,

им нестерпимо скучно. Они могут десятилетиями жить в Китае, не испытывая практически никаких положительных эмоций от этого, а зачастую, наоборот. Они ощущают свое превосходство над местными. Эта страна, за редким исключением, не становится для них новым домом, скорее гостиницей (образ гостиницы, постоялого двора – еще один сквозной образ этой книги). Показательна история миледи (глава «Гостиная миледи», «My Lady's Parlour»), которая пытается из купленного ею старинного китайского храма создать типичную английскую (не столичную, лондонскую, но все же английскую) гостиную. Особо комично, что для воссоздания типичного английского интерьера она использует китайскую ширму, которую легко найти в Англии (на Западе наблюдается устойчивая мода на подобные вещи). Л. Ф. Хабибуллина интерпретирует образ китайской ширмы как символ «превращения старинной и богатой культуры в придаток империи с гораздо более скромной историей и культурой, более бытовым мировосприятием» [Хабибуллина, 2012, с. 347].

Особая категория иностранцев – люди, по сути, потерявшие свою родину, не планирующие на нее возвращаться, но не ставшие в Китае своими, люди без корней. Сквозным мотивом становится мотив одиночества белого человека. Один из таких персонажей – герой главы с метафорическим заглавием «Перекати поле» («The Rolling Stone») – человек с поразительной биографией, который на определенном этапе своей жизни, «переодевшись бедняком китайцем, отправился из Пекина путешествовать по стране со спальной циновкой, обкуренной китайской трубкой, и зубной щеткой» [Моэм, 1994, с. 147], а после этого, вернувшись к цивилизованной жизни, написал о своих странствиях серию статей. Для рассказчика заурядная внешность этого персонажа становится отражением заурядности его души, за интригующим поначалу своей непроницаемостью лицом, похожим на «глухую стену дворца времен Маньчжурской династии» [Моэм, 1994, с. 147], скрывалась пустота. Другой подобный персонаж – английская девица, «бездомная, она была дома везде, где имелось дипломатическое представительство ее страны» [Моэм, 1994, с. 153]. Другая подобная героиня – русская княгиня, которая «невыносимо скучала, если вы заговаривали с ней о Толстом или Чехове, но оживлялась, чуть только начинала говорить о Джеке Лондоне» [Моэм, 1994, с. 151].

Герой главы «Хендерсон» («Henderson») чем-то похож на героя-демократа Корнюде из новеллы Мопассана «Пышка», беззаботно напевающего Марсельезу, в то время как представительница народа, спасшая всех от «плена» прусского офицера, всеми забытая плачет в углу дилижанса. Герой Моэма – социалист, пишущий стихи, вынужден пользоваться услугами ненавистных ему экипажей с рикшами, потому что в Шанхае очень жарко, но «рикшу в оглоблях» он не перестает считать «человеком и братом». Горький комизм описанной в главе ситуации заключается в том, что своего рикшу он погнал через весь город в противоположном направлении, чтобы купить новую книгу Б. Рассела под названием «Дороги к свободе».

Часто возникающие на страницах книги персонажи – миссионеры. Они все разные, для кого-то Китай становится новым домом, для кого-то нет. В длинной галерее подобных персонажей Моэм мало кому симпатизирует. Многие из них, за редким исключением, не испытывают симпатии к своим подопечным, но есть и те, кто искренне любит свое дело и служит бескорыстно. Однако распространенное мнение многих миссионеров о китайцах следующее: «они все лгут, ненадежны, жестоки и нечистоплотны, однако на Востоке брезжит слабый свет … будущее сулит надежду … Это была позиция недоверия и неприязни, подкрашенная оптимизмом» [Моэм, 1994, с. 164].

ВОСТОК И ЗАПАД

Моэм часто проводит границу между жизнью на Востоке и Западе, он анализирует отношения между этими мирами, их различие, но и взаимное влияние. Восток и Запад не похожи друг на друга, но в то же время автор находит точки соприкосновения. Особенно часто это происходит при воссоздании ландшафтов: например, «лесные запахи здесь неотличимы от тех, которыми дышит жирная кентская земля, когда идешь по лесам Блина, и вас охватывает ностальгия» [Моэм, 1994, с. 227].

Но в целом представители западного и восточного миров мало похожи друг на друга, автор, скорее, склонен их взаимно противопоставлять. Герой главы «Министр» отмечает, что «европейцу нелегко воспринимать столь строгое и столь тонкое искусство» [Моэм, 1994, с. 276], ему ближе в китайских шедеврах их гротесковость.

Брак европейки и китайца – как правило, плохая история. Отношение к женщине на Востоке сильно отличается от западного отношения к женщине, что может неприятно удивить представительницу европейского мира. Так, героиня главы «Последний шанс» («The Last Chance») приезжает в Китай выйти замуж. Но даже она «не могла не возмущаться тем, как китайцы обходятся с женщинами» [Моэм, 1994, с. 170]. А героиня главы

«Консул» («The Consul») вышла замуж за китайца во время обучения того в Европе, но «разочарование ее было жестоким, когда он привез ее в ветхий, кишащий людьми китайский дом» [Моэм, 1994, с. 198]. Незнание обычаев играет с ней злую шутку, она оказывается не единственной женой собственного мужа.

Сквозной мотив в отношениях представителей Запада к китайцам – отсутствие ключа к пониманию их тайны: «хотя довольно во многом они с вами схожи, это вам не помогает, а, наоборот, подчеркивает различия, разделяющие вас … Вам не за что ухватиться, вы не знаете о них ровно ничего, и ваше воображение бессильно» [Моэм, 1994, с. 259] («Город, построенный на скале», «A City Built on a Rock»).

Интересной парой для сопоставления становятся европеец-китаист и китаец – специалист по европейской драматургии.

Первый – европеец-синолог (герой главы «Синолог», «The Sinologue»), который представляет собой тип кабинетного ученого, человека, соприкасающегося «с реальностью исключительно посредством печатных страниц» [Моэм, 1994, с. 254], которого ждет в будущем как минимум кафедра китайского языка в Оксфорде. Он знает китайский, чуть ли не лучше всех в Китае, его суждения о литературе и философии этой страны полны глубины и эрудированности. Однако китайцы его не любят, говорят, что он не в своем уме и курит опиум: «Это обвинение всегда выдвигается против белых, которые стараются как можно больше узнать цивилизацию страны, где им предстоит провести значительную часть жизни» [Моэм, 1994, с. 254].

Второй становится героем главы «Знаток драматургии» («A Student of the Drama»). Повествователь настроен достаточно иронично, герой же, профессор современной литературы, максимально серьезен. Его приверженность европейской культуре прослеживается даже в костюме – в жаркую погоду он одет в теплый твидовый костюм европейского кроя. Он обучался в ряде европейских вузов, знает несколько европейских языков и даже написал по-французски исследование, посвященное китайскому театру. Став поклонников французского театра Э. Скриба (1791–1861), он от китайского театра начал требовать «pièce bien fait (хорошо построенной пьесы), *scènes* à faire (выигрышной сцены), занавеса, нежданности, драматичности» [Моэм, 1994, с. 235]. Ему был скучен китайский театр, который со своей усложненной символикой был вариантом театра идей, так привлекавших европейцев конца XIX – первой половины XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга путешествий Моэма «На китайской ширме» представляет собой яркий пример травелога, сочетающего в себе традиции литературы нон-фикшн и художественного текста. Она становится настоящей галереей национальных характеров и наглядно демонстрирует различия между Востоком и Западом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельева И. Г. Поэтика путевой прозы Лоренса Даррелла: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012.
2. Моэм Сомерсет Уильям. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Художественная литература, 1994. Т. 5.
3. Мартынова Н. В., Ян Цзымо. Особенности основных этапов развития традиционного искусства ширмы в истории Китая // The Scientific heritage. 2020. № 50. С. 3–10.
4. Хабибуллина Л. Ф. Образ Китая в творчестве С. Моэма // Дергачевские чтения. 2011. Т. 3. С. 346–351.
5. Мункуева Р. Д., Серебрякова Ю. А. Понятие национального характера // Вестник БГУ. Философия. 2018. № 3. Т. 3. С. 32–36.

REFERENCES

1. Saveleva, I. G. (2012). Poetika putevoj prozy Lorensa Darrella = Poetics of Lawrence Durrell's travel prose: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Maugham, S. (1994). Sobranije sochinenij = Collected edition (vol 5): in 5 vols. Moscow: Hudozhestvennaja literature. (In Russ.)
3. Martynova, N. V., Yang Zimo (2020). Features of the main stages of development of the traditional art of the screen in the history of China. The Scientific heritage, 50, 3–10. (In Russ.)

4. Habibullina, L. F. (2012). Obraz Kitaya v tvorchestve S. Moema = The image of China in S. Maugham's works. Dergachevskie chtenija (vol. 3, pp. 346–351). (In Russ.)
5. Munkueva, R. D., Serebrjakova, Yu. A. (2018). The concept of national character. BSU bulletin. Philosophy, 3(3), 32–36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Булашова Наталия Михайловна
кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета
доцент кафедры славянской филологии
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulashova Nataliia Mikhailovna
PhD (Philology), Associate Professor at the Department of World Literature,
Moscow Pedagogical State University,
Associate Professor at the Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox University

Статья поступила в редакцию	12.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 130.2:654.197
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_141

Homo Affectus как антропологический проект экранной культуры

С. В. Ковалева[1], **С. Л. Григорьев**[2]

[1]*Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Костромская область, Костромской район, пос. Караваево, Россия, sweta.lana1968@yandex.ru*
[2]*Российский государственный аграрный университет – МСХА им К. А. Тимирязева, Москва, Россия grigoryevdiss@gmail.com*

Аннотация. Актуальность исследования связана с тем, что в современной культуре, которая носит цифровой и экранный характер, меняются способы восприятия человеком социокультурной действительности, и, как следствие, меняется сам субъект экранной культуры. В статье рассматриваются характеристики данного субъекта, которые отражают переход от когнитивной модели рационального субъекта к аффективной – человеку эмоциональному. Исследование основано на базовой модели эмоций. Проанализированы базовые эмоции человека экранной культуры на примере молодежного сленга, что позволило предположить, что экранная культура воспроизводит и транслирует новый антропологический проект, который можно обозначить как Homo Affectus.

Ключевые слова: экранная культура, человек, эмоции, аффекты, молодежный сленг, Homo Affectus

Для цитирования: Ковалёва С. В., Григорьев С. Л. Homo affectus как антропологический проект экранной культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 141–147. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_1_869_141

Original article

Homo Affectus as an Anthropological Project Screen Culture

Svetlana V. Kovaleva[1], **Sergey L. Grigoryev**[2]

[1]*Kostroma State Agricultural Academy, Training campus, Kostroma region, Kostroma district, pos. Karavaevo, Russia, sweta.lana1968@yandex.ru*
[2]*Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, grigoryevdiss@gmail.com*

Abstract. The relevance of the research is connected with the fact that in modern culture, which is digital and screen-based, ways of human perception of socio-cultural reality are changing, and, as a result, the subject of screen culture itself is changing. The article examines characteristics of this subject, which reflect the transition from the cognitive model of a rational subject to an affective one – an emotional person. The study is based on the basic model of emotions. The basic emotions of a person of screen culture are analyzed on the example of youth slang, which allowed the authors to assume that screen culture reproduces and translates a new anthropological project, which can be designated as Homo Affectus.

Keywords: screen culture, man, emotions, affects, youth slang, Homo Affectus

For citation: Kovaleva, S. V., Grigoryev, S. L. (2023). Homo Affectus as an Anthropological Project Screen Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 141–147. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_141

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечает ряд исследователей, отличительной особенностью современной экранной культуры является формирование нового концептуального поля восприятия действительности, в котором в качестве ведущего и необходимого элемента современных медиапрактик выступает экран [Хухтамо, 2012; Манович, 2012; Рязанцев, 2012]. Определяющая роль экрана порождает проблему воспринимающего субъекта, который и выступает непосредственно творцом, транслятором и потребителем ценностей аудиовизуальной культуры [Шигапова, 2014].

HOMO COGNOSCENS В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

В классической культуре определяющей моделью воспринимающего субъекта стала когнитивная модель рациональной личности, которая была заложена в Новое время благодаря таким философам, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс, И. Кант и др. В представлении философов Нового времени человеческое мышление должно быть освобождено от субъективных иллюзорных внутренних и внешних установок, «чтобы достичь высших знаний, которые доступны человеческому уму» [Декарт, 1950, с. 418]. Материалистическая гносеология XVII века заложила основы когнитивной модели субъекта, рационально воспринимающего мир и культуру.

Данную модель можно обозначить как «Homo Cognoscens» – человек, познающий мир посредством собственного ума. Известный английский философ того времени Ф. Бэкон, говоря о природе познания и познающего субъекта, ставил проблему связи чувств и эмоций субъекта с реальностью. Он пришел к выводу, что реальность, которая воспринимается и конструируется чувствами, в сознании воспринимающего субъекта всегда ограничена и искажена: «Чувства тесно связаны со страстями, которые отражают предметы в форме желаемого. Поэтому науки, основанные на показаниях органов чувств, сами по себе не могут дать истину» [Борисов, 1997, с.31].

И. Кант несколько скорректировал вывод, сделанный Ф. Бэконом. Обосновывая сущность человека, философ пришел к выводу, что таковая представлена трансцендентальным субъектом, определенным чистыми формами созерцания (пространство и время) и категориями. Если в познавательном процессе трансцендентальная форма мышления непосредственно связана с ощущениями, поставляющими содержательный материал для получения знания, то в жизненно-практической деятельности эмпирический субъект, представленный совокупностью чувственных модальностей, только мешает осуществлению поступка согласно чистому закону. По философскому убеждению И. Канта, в нашем внутреннем мире «есть знание такого закона. Оно не приходит к нам с опытом и не является следствием воспитания. Оно просто дано» [Кант, 1965, с. 348].

Другими словами, в сознании каждого человека, приходящего в мир, присутствует врожденное знание закона, который ориентирует его на совершение поступка, направленного на создание общественного блага. Только в том случае, если человек в своей практической деятельности руководствуется этим формальным, т. е. чистым, трансцендентальным законом, лишенным всякой чувственной содержательности, он живет в соответствии с моральным долгом, определяющим согласованность и гармонию социальной сферы. Чем меньше чувственно-эмоциональных мотивов характеризует поступок человека, тем выше его «себестоимость» в системе общественных связей, поэтому целью жизни любого субъекта практической деятельности, согласно философии И. Канта, должно стать очищение своего сознания от эмпирических установок и постоянное возвышение до уровня чистой трансцендентальности [Ковалева, 2021].

Данные представления о субъекте культуры как Homo Cognoscens определили облик западноевропейской культуры и цивилизации вплоть до начала XX века, основанной на когнитивной модели о рациональном и просвещенном субъекте, своеобразном культе разума. Можно сказать, что культура XX века с приходом массовых и стандартизированных ценностей, а позже и культа гедонизма [Саенко, 2004], потребительства, идеала человека потребителя и человека «желающего» в смысле Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2000] коренным образом изменила данную когнитивную модель и рациональную несущую конструкцию всей западноевропейской культуры. Человек больше не должен освобождаться от чувств. Более того, разум воспринимается как нечто чуждое человеку, как машина угнетения его подлинных желаний и инстинктов [Бодрийяр, 2000].

ФОРМИРОВАНИЕ HOMO AFFECTUS

В массовой, а впоследствии и в экранной, культуре понимание человека становится все более и более отдаленным от рациональных установок когнитивной модели классической культуры. Можно сказать, что экранная культура

отказывается от разума как некоторого первоначала, на котором центрировано собственное «Я» субъекта, его самоидентификация [Лобанова, 2022]. Вариантом ухода от самоидентификации и поиска целостности «Я» становятся различные формы удовлетворения и насыщения «Я» посредством использования субъектом аудиовизуальных технологий [Саенко, 2010].

В современной культуре постмодерна таким способом удовлетворения и насыщения становится экран, представая перед субъектом в различных формах, вплоть до цифрового сознания, заменяя подлинное целостное «Я» человека на «Я» иллюзорное [Саенко, Щеглов, 2012]. Не случайно в современной культуре используется понятие «ноулайфер», которое обозначает человека без личной жизни, проводящего все время в экране айфона и гаджетов. При этом значимым является тот факт, что иллюзорное «Я» субъекта становится некоторой несущей конструкцией в цифровой реальности, меняя и формы взаимодействия человека с реальным миром. Создается искусственный субъект как некая искусственная конструкция, воспринимающая действительность.

Однако место внутренней рациональной Самости занимает пустота, построенная самим субъектом на иллюзии тождества с окружающим реальным миром. Эту пустоту субъекту невозможно принять, поскольку иначе это разрушит его самоидентификацию. Поэтому ее необходимо заполнить: заполнить аффектами, как тем, что доступно и активно производится, и транслируется экранной культурой с помощью различных форм развлечений и удовольствий, например, компьютерных игр, просмотра шоу и сериалов. Чтобы заполнить пустоту эмоциями, субъекту в этом случае необязательно прилагать какие-либо усилия – для этого необходимо просто потреблять.

Данная модель человека аффективного соответствует концепции децентрации культуры, личностного рассеивания, согласно которой в обществе нарастает множественность аффективных личностей, охваченных различными эмоциями. Подобная поляризация меняет структуру межчеловеческих отношений, поскольку в обществе поляризованных по отношению друг к другу эмоциональных индивидов становятся невозможными механизмы солидарности и доверия. Таким образом, человек снова проектирует свое «Я» не на других, а в различные формы экранной культуры, все более и более отчуждаясь от реальных и значимых для себя событий и людей. Общество все больше начинает напоминать рассеянную, хаотичную, диссипативную структуру, которая находится в состоянии постоянной фрустрации.

Какие же эмоции становятся определяющими для человека в подобной социокультурной действительности? Для этого обратимся к модели базовых эмоций, которая была предложена в 2014 году исследователями Университета Глазго [Rachael et al., 2014]. Согласно проведенному ими исследованию, все человеческое поведения эволюционно основывается на базовых эмоциях.

Действительно, эмоции играют, как считают некоторые ученые, определяющую роль в человеческом поведении [Ekman, 2004]. Так, например, в когнитивно-поведенческом подходе к пониманию психики человека, помимо мышления и поведения, ведущим элементом признаются эмоции [Carey, 2021]. С помощью нейросети исследователи из университета Глазго проанализировали динамические выражения эмоций на лице людей и пришли к выводу, что именно они обеспечивают сложную сигнальную систему жизнедеятельности человека, которая сложилась у него эволюционно. Данная система формировалась постепенно как форма адаптации субъекта к внешним условиям изменяющейся социальной действительности. В результате проведенного ими исследования были выделены четыре базовых эмоции: 1) радость, (2) грусть, (3) страх / удивление и (4) отвращение / гнев.

ЭКРАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ

Можно интерпретировать данные категории эмоций и их проявление в экранной культуре посредством молодежного сленга, опираясь на анализ словаря современного молодежного сленга[1] [Словарь]. Создав словарь молодежного сленга, мы распределили их на группы и занесли в таблицу 1, в которой представлены наиболее часто употребляемые в молодежной речи слова для выражения четырех базовых эмоций. Особым шрифтом выделили наиболее часто повторяющееся слово-значение сленгового выражения.

Согласно результатам, представленным в таблице 1, мы определили, что доминирующими эмоциями в современной экранной культуре являются резко поляризированные – эмоции радости и эмоции гнева, причем количество эмоций гнева или отвращения превалируют над всеми остальными эмоциями современного человека. Если попытаться понять, что представляет из себя гнев в социокультурном смысле, то эта эмоция связана с отчуждением людей друг от друга, утратой доверия и может также быть защитной реакцией на такие чувства, как вина и стыд. Не удивительно, что

[1] URL: https://antislang.ru

Таблица 1

СООТВЕТСТВИЕ СЛЕНГОВЫХ СЛОВ БАЗОВЫМ ЭМОЦИЯМ ЧЕЛОВЕКА
(согласно модели исследователей Университета Глазго)

Радость	Грусть / печаль	Страх / Удивление	Гнев / Отвращение
Ауф – выражения восхищения, состояния предельного психологического комфорта – кайфа	Брух – разочарование в чем-либо или в ком-либо	Анриал – эмоция удивления перед чем-то невероятным	Агриться – агрессировать в ответ на какие-либо действия, злиться
Ахэгао – выражение лица от полученного удовольствия с характерной мимикой	Моргенмуффель – человек с депрессивным и плохим настроением	Криповый – жуткий, страшный, вызывающий сильное волнение или беспокойство	Асу – осуждать кого-либо, **стыд**ить, враждебно высказываться
Балдеть – испытывать эйфорию, удовольствие	Дрейн – состояние внутренней опустошенности, депрессии	Ойбой – выражение удивления	Зашквар – что-либо по**стыд**ное, позорное для человека или в глазах других людей
Кекать – смеяться, хохотать			Гореть – нервничать, раздражаться в отношении кого-либо или чего-либо
Чилить – получать удовольствие, бездельничать			Кринж – смущение, омерзение, отвращение, **стыд**. Применяется также выражение – синоним «Испанский **стыд**»
Раш – симпатия, восхищение или человек, вызывающий эти эмоции			Дэм – возглас, обозначающий недовольство, злость
Лолировать – веселиться, смеяться, радоваться			Икнуть – избавиться, выгнать кого-либо, испытать отвращение
Рофлить – смеяться, веселиться, радоваться (также используется в значении стыдить и насмехаться над кем-либо, троллить)			Шеймить – унижать с целью **стыд**а и позора
Тэнить – восхищаться			Рейдж – бешенство, неконтролируемый гнев
			Тильт – гнев, злость, ярость
			Токсичный – злобный, унизительный, отвратительный человек, невыносимый
			Триггер – раздражение
			Харасить – тревожить, изводить, агрессировать
			Хейтить – проявлять ненависть, неприязнь, отвращение, **стыд**ить

сленговые слова так часто маскируют именно это слово – стыд, которое мы и выделили в таблице 1.

Если вина – это чувство, направленное субъектом во внутрь себя, то стыд, наоборот, это чувство глубокого смущения за действия других людей. Обращает на себя внимание тот факт, что посредством частого использования и превалирования чувства стыда эмоции человека в экранной культуре направлены не на себя, не на свое собственное «Я», а на других людей. В экранной культуре

также популярным является выражение «испанский стыд», который обозначает чувство неловкости именно по отношению к другим людям. Считается, что испанский стыд невозможно испытывать человеку по отношению к самому себе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

• базовой когнитивной моделью западноевропейской культуры, начиная с XVII в., стала модель Homo Cognoscens – рационального познающего субъекта, опирающегося на трансцендентальную форму мышления и целостное Я как способ идентификации и самоидентификации в культуре;

• в XX веке на смену Homo Cognoscens приходит модель, которую можно обозначить как Homo Affectus – модель эмоционального человека, которая становится наиболее устойчивой и ярко выраженной в условиях современной экранной культуры, которая нацелена на создание, воспроизведение и потребление эмоций человеком посредством различных форм и продуктов аудиовизуальной культуры;

• опираясь на базовую модель эмоций и анализ молодежного сленга, можно сделать вывод, что ведущими эмоциями у человека экранной культуры являются радость и гнев. Гнев (или отвращение) становятся доминирующей эмоцией для современного человека, который отображает такое глубокое чувство, задающее параметры становления человека в культуре, как стыд. Поэтому есть основания говорить о том, что в современной культуре складывается целый антропологический проект – Homo Affectus.

На современном этапе развития общества модель Homo Affectus становится несущей конструкцией не только существования личности, но и всей экранной культуры в целом, поле функционирования которой можно представить как поляризированное воспроизведение множественных враждующих между собой индивидуальных стратегий поведения субъектов. Думается, что данный антропологический проект соответствует постмодернисткой модели деконструкции культуры как ризоматической и рассеянной.

В настоящее время экран играет значительную роль в современной действительности, становится посредником между человеком и природной реальностью, между человеком и другими людьми. В своеобразном философско-культурологическом дискурсе он рассматривается в качестве фильтра, пропускающего через себя и формирующего восприятие культуры человеком. Некоторые психологи указывают, что если в традиционной культуре партнером человека выступал другой человек или общество в целом, то в будущем у экрана есть все шансы стать новым партнером человека, который будет удовлетворять не его глубинные духовные потребности, а первичные инстинкты и базовые эмоции. Доминирование и усиление нового антропологического проекта Homo Affectus может привести к непредсказуемым последствиям для дальнейшего развития культуры в целом, создав глобальные, прежде всего, экзистенциальные риски для самого человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хухтамо Э. Элементы экранологии: к проблеме археологии медиа // Экранная культура. Теоретические проблемы / отв. ред. К. Э. Разлогов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2012. С. 117–174.
2. Манович Л. Археология компьютерного экрана // Экранная культура. Теоретические проблемы / отв. ред. К. Э. Разлогов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2012. С. 55–76.
3. Рязанцев А. А. Экранный характер современной культуры // Аналитика культурологии. 2012. Вып. 2 (23). С. 115–121.
4. Шигапова И. И. Экранная культура: творцы и потребители // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 5 (33). С. 52–54.
5. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы (Политиздат), 1950.
6. Борисов И. И. Homo Cognoscens. Человек познающий: Очерки по истории гносеологии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997.
7. Кант И. Сочинения в шести томах [под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. М.: Мысль, 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 1.
8. Ковалева С. В. Априоризма как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект // Наследие веков. 2021. № 3 (27). С. 54–63.

9. Саенко Н. Р. Судьба принципа удовольствия в эпоху постсовременности // Современное культурное пространство: Философия. Искусство. Технология. Информация / Научная редакция В. Х. Разакова. Волгоград : Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов РФ, 2004. С. 22–28.
10. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
11. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
12. Лобанова Ю. В. Роль экранных технологий в формировании новой культуры эмоций и чувств // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 3. С. 116–122.
13. Саенко Н. Р. Поиск человека в сети // Личность и общество: проблемы философии, психологии и социологии: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 февраля 2010 года / Общество «Знание» России, Приволжский дом знаний, Пензенская государственная технологическая академия, Южночешский университет, Пензенский фил НОУ «Международный независимый эколого-политологический университет»; под редакцией: М. Сапика, И.Г. Дорошиной, Б.А. Дорошина. Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2010. С. 312–314.
14. Саенко Н. Р., Щеглов И. В. Процедуры «вживления» экрана в бытие современного человека // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4 (33). С. 275–282.
15. Jack, R. E., Garrod, O. G. B., Schyns, Ph. G. Dynamic Facial Expressions of Emotion Transmit an Evolving Hierarchy of Signals over Time // Current Biology. January 20, 2014. Vol. 24. P. 187–192. URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.cub.2013.11.064
16. Ekman P. Emotions revealed. URL: https://doi.org/10.1136/sbmj.0405184 (Published 01 May 2004).
17. Carey B. Dr. Aaron T. Beck, developer of cognitive therapy, dies at 100 // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2021/11/01/health/dr-aaron-t-beck-dead.html

REFERENCES

1. Huhtamo, E. (2012). Elementy ekranologii: k probleme arkheologii media = Elements of ekranology: on the problem of media archaeology. In Razlogov, K. E. (ed.), Screen culture. Theoretical problems (pp. 117–174). St.Petersburg: DMITRY BULANIN. (In Russ.)
2. Manovich, L. (2012). Arkheologiya komp'yuternogo ekrana = Archeology of the computer screen. In Razlogov, K. E. (ed.), Screen culture. Theoretical problems (pp. 55–76). St.Petersburg: DMITRY BULANIN, 2012. (In Russ.)
3. Ryazantsev, A.A. (2012). Ekrannyy kharakter sovremennoy kul'tury = Screen character of modern culture. Analitika kulturologii, 2(23), 115–121. (In Russ.)
4. Shigapova, I.I. (2014). Ekrannaya kul'tura: tvortsy i potrebiteli = Screen culture: creators and consumers. Humanitarian scientific research, 5(33), 52–54. (In Russ.)
5. Descartes, R. (1950). Izbrann·yye proizvedeniya = Selected works. Moscow: State Publishing House of Political Literature (Politizdat). (In Russ.)
6. Borisov, I. I. (1997). Chelovek poznayushchiy: Ocherki po istorii gnoseologii = Homo Cognoscens. The Man who knows: Essays on the history of Epistemology. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.)
7. Kant, I. (1965). Sochineniya v shesti tomakh = Works in six volumes [Under the general editorship of V. F. Asmus. A.V. Gulyga, T. I. Oizerman] (vol. 4, part 1). Moscow: Publishing house "Thought". (Philosophical heritage. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy). (In Russ.)
8. Kovaleva, S. V. (2021). Apriorizma kak osnova dukhovnosti v filosofskom nasledii Yevropy i Rossii: eticheskiy aspect = A Priori as the basis of spirituality in the philosophical heritage of Europe and Russia: ethical aspect. Heritage of Centuries, 3(27), 54–63. (In Russ.)
9. Saenko, N. R. (2004). Sud'ba printsipa udovol'stviya v epokhu postsovremennosti = The fate of the pleasure principle in the postmodernity era. In Razakov, V. H. (ed.), Modern cultural space: Philosophy. Art. Technology. Information (pp. 22–28). Volgograd: Volgograd Regional branch of the Youth Union of Lawyers of the Russian Federation. (In Russ.)
10. Baudrillard, J. (2000). Soblazn = Temptation. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
11. Baudrillard, J. (2000). Prozrachnost zla = Transparency of evil. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
12. Lobanova, Yu. V. (2022). The role of screen technologies in the formation of a new culture of emotions and feelings. Communicology, 10(3), 116–122. (In Russ.)
13. Saenko, N. R. (2010). Poisk cheloveka v seti = Search for a person on the web. In Sapik, M., Doroshina, I. G., Doroshina, B. A. (eds.), Personality and society: problems of philosophy, psychology and sociology (pp. 312–314):

collection of articles of the International scientific and practical Conference (Penza, February 14–15, 2010). Society "Knowledge" of Russia, Volga House of Knowledge, Penza State Technological Academy, South Bohemian University, Penza phil KNOW "International Independent Ecological and Political Science University". Penza: Autonomous non-profit scientific and educational organization "Volga House of Knowledge". (In Russ.)
14. Saenko, N. R., Shcheglov, I. V. (2012). Protsedury «vzhivleniYA» ekrana v bytiye sovremennogo cheloveka = Procedures for "implanting" the screen into the being of a modern person. Caspian region: politics, economics, culture, 4(33), 275–282. (In Russ.)
15. Jack, R. E., Garrod, O. G. B., Schyns, Ph. G.. (2014, January 20). Dynamic Facial Expressions of Emotion Transmit an Evolving Hierarchy of Signals over Time. Current Biology, 24, 187–192. http://dx.doi.org/10.1016/j.cub.2013.11.064
16. Ekman, P. (2004). Emotions revealed. https://doi.org/10.1136/sbmj.0405184 (Published 01 May).
17. Carey, B. (2021). Dr. Aaron, T. Beck, Developer of Cognitive Therapy, Dies at 100// The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2021/11/01/health/dr-aaron-t-beck-dead.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалева Светлана Викторовна
доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Григорьев Сергей Леонидович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Российского государственного аграрного университета – МСХА им К. А. Тимирязева

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kovaleva Svetlana Viktorovna
Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor of the Department of Philosophy, History and Social and Humanitarian Disciplines, Kostroma State Agricultural Academy

Grigoryev Sergey Leonidovich
PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

Статья поступила в редакцию	27.10.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

Научная статья
УДК 008
DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

Китай в восприятии Н. Ф. Федорова

Е. А. Осьминина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется позиция Н.Ф. Федорова по отношению к Китаю, высказанная им в публицистических статьях, письмах и философских трудах. Рассмотрены различные толкования этой позиции у современных философов, литературоведов, китаистов. Для решения данной проблемы использован культурно-исторический метод. Уточнены синологические источники, которыми пользовался философ. Сделан вывод о значении политического фактора и общей историософской концепции Федорова для объяснения его отношения к Китаю.

Ключевые слова: Китай, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, восстание ихэтуаней, боксерское восстание

Для цитирования: Осьминима Е. А. Китай в восприятии Н. Ф. Федорова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). 148–154. DOI 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

Original article

China in the Perception of N. F. Fedorov

Elena A. Osminina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the position of N. F. Fedorov in relation to China, expressed by him in the journalistic articles, letters and philosophical works. The various interpretations of this position by the modern philosophers, literary critics, sinologists are considered. The cultural-historical method is used to solve this problem. The sinological sources used by the philosopher have been clarified. The conclusion about the significance of the political moment and the general historiosophical concept of Fedorov to explain his attitude to China is made.

Keywords: China, N. F. Fedorov, V. S. Solovyov, the uprising of the Ikhetuans, the boxer rebellion

For citation: Osminina, E. A. (2023). China in the perception of N. F. Fedorov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 148–154. 10.52070/2542-2197_2023_1_869_148

ВВЕДЕНИЕ

В публицистике, художественной прозе и поэзии Серебряного века Китай предстает многоликим и неоднозначным. В философской публицистике доминирует отрицательный образ страны, нарисованный В. С. Соловьевым; в духе его концепции «панмонголизма» и «желтой угрозы» написаны статьи Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, В. И. Иванова. Тем более важно, что существовала и другая позиция, другое отношение к Китаю – не только в художественной прозе и поэзии, но и в публицистике. Она представлена Н. В. Федоровым.

Эта позиция довольно рано оказалась в поле зрения исследователей. Первая статья, «Русские мыслители о Китае (В. С. Соловьев и Н. В. Федоров)», была опубликована еще в 1926 г. [Сетницкий, 2017]. Она написана Н. А. Сетницким, философом, поэтом и последователем Федорова. Сетницкий считал, что в конце 1880 – начале 1890-х отношение Федорова и Соловьева (в статье «Китай и Европа») к Китаю было положительным и во многом совпадало. С 1894 г. позиция В. С. Соловьева изменилась, отношение его стало отрицательным (в работах «Три разговора», «Дракон», «По поводу последних событий»).

В комментариях к четырехтомнику Н. В. Федорова (1995) С. Г. Семенова и А. Г. Гачева прослеживается та же позиция [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 127–137]; на изменение взглядов Соловьева после 1894 г. указывают и С. И. Скороходова [Скороходова, 2016, с. 37–38], и Н. А. Самойлов [Самойлов, 2002, с. 569]. В то же время последний сразу представляет Н. В. Федорова как оппонента Соловьева: кратко суммируются федоровские воззрения на Китай, по письмам реконструируется критика участия России в подавлении восстания ихэтуаней («боксерского восстания» 1900 г.). А. В. Лукин, напротив, считает, что Н. В. Федоров не осуждал Россию за это участие [Лукин, 2007, с. 85].

Расходятся мнения исследователей и по поводу традиции, которой следовал философ в отношении к Китаю. С. И. Скороходова указывает на сходство историософских позиций Н. В. Федорова и А. С. Хомякова [Скороходова, 2016, с. 34]. А. В. Лукин пишет, что Н. В. Федоров продолжает «западническую» традицию [Лукин, 2007, с. 82].

Для разъяснения этих расхождений обратимся непосредственно к наследию философа, причем приоритетными для нас будут статьи, напечатанные еще при его жизни: «Кончилась ли всемирная история?» (1900) и «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае» (1901). Обе они были написаны в соавторстве с В. А. Кожевниковым и опубликованы в журнале П. И. Бартенева «Русский архив» (вторая статья – без подписи). Основной труд философа – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» (1878 – нач. 1890-х гг.) – и его письма были опубликованы посмертно. Образ Китая в них мы также учитывали.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Первая статья, «Кончилась ли всемирная история», – отклик на открытое письмо В. С. Соловьева «По поводу последних событий», написанное 7 июля 1900 г., в разгар восстания ихэтуаней, исход последнего тогда еще был неясен. Движение ихэтуань или «боксерское восстание» («Кулак во имя мира и справедливости»), антииностранное и антихристианское по духу, зародилось в провинции Шаньдун в конце 1898 года, весной охватило провинции Фэнтянь, Чжили, распространилось в Маньчжурии. В мае 1900 года ихэтуани вошли в Пекин, объединяясь с армией Дунь Фусяна [Дацышен, 1999, с. 67]. 6 июня китайская власть объявила о войне с иностранными державами, 7 июня в Пекине был убит немецкий посланник К. фон Кеттелер.

Соловьев увидел в происходящих событиях знак того, что «всемирная история внутренне кончилась» [Соловьев, 1914, т. 10, с. 225], «конец истории» соединился с началом ее в лице «ветхого деньми китайца» [Соловьев, 1914, т. 10, с. 226]. Интересно, что здесь же В. С. Соловьев упомянул свою статью «Китай и Европа», обозначив ее как «предвидение и предчувствие» настоящих и грядущих событий [Соловьев, 1914, т. 10, с. 223]. Действительно, наличие «желтой угрозы» констатировалось уже в статье 1890 г.

Н. В. Федоров, возражая В. С. Соловьеву, осудил проповедь истребления целого народа и разграбления государства «христианским мечом» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с.75]. С горечью он вспомнил стихотворение В. С. Соловьева «Дракон» и в конце статьи высказался за «всемирное объединение всех народов…» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 76].

Комментаторы четырехтомника указывают, что статья писалась осенью 1900 г., когда боксерское восстание уже было подавлено [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 158]. Но дело даже не в этом. По письмам Н. В. Федорова к Кожевникову от 7, 23 июня, т. е. в самый разгар восстания, ясно, что философ не приветствовал участие России в подавлении «боксеров». Он писал, что перед Россией стоит выбор: «сделаться предателями Китая…»

[Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 426] или отказаться от сотрудничества с французами, имеющими свои территориальные интересы в Поднебесной. В комментариях к четырехтомнику указывается, что Федоров регулярно читал крупнейшую консервативную газету «Новое время», осуждавшую политику европейских держав в Китае и полагавшую, что России не следует ввязываться в войну. Далее приводятся отрывки из статей и сообщений газеты от 3(16), 7 (20), 8 (21) июня [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 377–378]. При сравнении их с высказываниями Н. В. Федорова сходство очевидно.

Вторая статья, «Чему научает древнейший христианский памятник в Китае», опубликована год спустя. Он представляет из себя подробный пересказ материала С. С. Слуцкого, напечатанного в «Русском вестнике» в том же 1901 г. [Слуцкий, 1901]. С. С. Слуцкий перевел на русский язык несторианскую надписать на стеле в Си-нань-фу (близ Сиани), обнаруженную еще в 1625 г. Текст основан на французском, английском, русском (неполном) переводах и сличен с китайским оригиналом. Он снабжен краткой исторической справкой об истории несторианства в эпоху Тан. Надпись состоит из трех разделов – «доктринального, исторического и евлогического» [Ломанов, 2002, с. 45]. Последний раздел распадается на две части: в первой перечислены имена 60 проповедников христианства в Китае (ее у Слуцкого нет), во второй указывается время создания памятника и имена его создателей.

Н. В. Федоров последовательно пересказал статью С. С. Слуцкого, почти не отходя от порядка изложения и ставя цитаты в кавычках. Некоторые из них приводятся точно, другие – слегка перефразируются. Мы не обнаружили в тексте С. С. Слуцкого только одной закавыченной цитаты, которая есть у Н. В. Федорова: царство «стало богатым, великим, прекрасным… семьи в пресветлой вере обильно блаженствовали» [Федоров, 1995–2000, т. 3, с. 214]. Однако отдельные слова и словосочетания из этой цитаты есть в надписи и в целом они не противоречат ее духу. Кроме материалов С. С. Слуцкого, Н. Ф. Федоров обратился к книге французского путешественника Э. Р. Хука (Гука) «Христианство в Китае, Тартарии и Тибете», в ней также содержатся сведения о несторианской надписи; Федоров процитировал характеристику периода Тан, данную М. Хуком [Huc, 1857, т. 1, с. 69] и указал источник в самом тексте своей статьи (в собрании сочинений он перенесен в комментарии).

Н. А. Сетницкий обратил внимание на цитату о своевременности дождя и ветра, приводимую и комментируемую Н. В. Федоровым, и сделал вывод по поводу этого комментария: Н. В. Федоров «в намеках надписи» видит связь с собственной «программой атмосферной регуляции» [Сетницкий, 2017, с. 300]. Действительно, данной цитатой завершается пересказ Н. В. Федорова, хотя она и не находится в ее конце; что, безусловно, говорит о значимости цитаты. А вот то, что надпись является памятником несторианства (учения, осужденного церковью на III и IV Вселенских соборах), Н. В. Федоров не указал. Вероятно, что при его широком и своеобразном толковании христианства этот факт для него не имел значения.

Историк церкви А. А. Спасский откликнулся на тот же перевод С. Слуцкого, публикацию которого он счел «как нельзя более своевременным» [Спасский, 1901, с. 609]. Ведь боксерское восстание было антихристианским, повстанцы убивали европейских миссионеров и самих китайцев-христиан. А. А. Спасский указал на «религиозную окраску» «дикого взрыва китайского фанатизма против европейцев», на возникающий отсюда вопрос: пригодно ли христианское учение для Китая, – и на положительный ответ, который дала сама история (успехом распространения несторианства в Тан).

Поэтому не идея атмосферной регуляции заставила Н. В. Федорова отозваться на материал С. С. Слуцкого, в конце статьи говорится о текущем моменте. Н. В. Федоров также считал, что обращение народа в христианство возможно, в прошлом уже был подобный прецедент и Китай в это время процветал. Далее философ предложил устраивать в Поднебесной музеи-школы и уже при них храмы для распространения христианства, кратко изложил свою историософскую концепцию (к которой мы еще вернемся) и закончил статью критикой «панмонголизма» В. С. Соловьева.

Таким образом, оба опубликованных произведений Н. В. Федорова напрямую связаны с политической ситуацией: боксерским восстанием и участием в нем России. Поэтому нам кажется, что и отношение Н. В. Федорова к Китаю определяет его историософская, геополитическая концепция, в ней и следует искать истоки позиции философа. Но сначала разберем и другие ее объяснения.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗИЦИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Н. А. Сетницкий, указав, что федоровское отношение к Китаю определяется его «философией истории» [Сетницкий, 2017, с. 292], вместе с тем писал, что позиция философа в связи с боксерским восстанием объясняется приматом для него культа предков. Действительно, в письмах Кожевникову Н. В. Федоров подчеркивал именно этот момент, называя войну «наказанием сынов» за «почитание

отцов» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 424] и предлагая России сделать выбор между «обожателем золота» (Европой) и «обожателем праха» (Китаем) [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 429–430].

Примат культа предков для Н. В. Федорова, по нашему мнению, является причиной его изначального интереса к Китаю. Этот культ философ считал «единой истинной религией» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 69], настаивая, что смысл его не «почитание смерти», но объединение живых в обращении смертоносной силы, «имеющий в себе голод, язвы и смерть» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 73] в «живоносную».

Антиномию жизни и смерти философ видел везде, в том числе, например, в китайской иероглифической письменности. Первое упоминание страны в его письмах, в 1888 году, как раз с ней и связано. Н. В. Федоров указал Кожевникову на книгу нашего замечательного китаиста С. М. Георгиевского «Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа» (1888), в той же книге Георгиевский подробно описывает и китайский культ предков. Интересно, что для характеристики иероглифов, Федоров привел высказывание (закавыченное) французского синолога Ж. П. Абель-Ремюза о живописности и энергии китайских иероглифов по сравнению с «бесплодными (stériles)» [Федоров, 1995–2000, т. 4, с. 224] европейскими знаками, о том, что для выражения смысла одного китайского слова потребуется несколько европейских фраз. Комментаторы считают, что цитата взята из статью Абель-Ремюза «Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise» [Федоров, 1995–2000, т. 5, с. 260]; ссылку на эту же статью дает в своей книге и Георгиевский, в списке работ, посвященных китайской иероглифике [Георгиевский, 1888, с. 6]. Но подобного высказывания в указанной статье французского синолога нет, он ограничивается замечаниями о и живописности и замысловатом смысле иероглифов [Abel-Rémusat, 1826, с. 43]. Зато сам Н. В. Федоров в письме далее развил цитату: иероглифическая письменность превосходит и живопись и фонетическую грамоту. В работе «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства» он называл иероглифическую грамоту «живом письмом, говорившим преимущественно о мертвых, как бы ожившим» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 55], сравнивал его с современным стенографическим письмом (сравнение происходит не в пользу последнего). Т. е. антиномия «жизнь – смерть» находится даже в китайской письменности.

Справедливо эту антиномию выделяет у Н. В. Федорова и Е. В. Завадская, ссылаясь на работу «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь» и считая, что философ создает «графическую модель мироздания, пронизанную двумя началами: смертью и тьмой, жизнью и смертью, силами Неба и Земли» [Завадская, 1989, с. 198–199]. Завадская усматривается здесь реминисценции из древнейшего китайского трактата «И цзин» («Книги перемен»). Однако в данной работе Н. В. Федорова делает акцент не на антиномии света и тьмы, мужского и женского, неба и земли… (т. е. ян и инь), а на вертикальном положении индивида, в котором ему открывается Небо и Земля, день и ночь, времена года и части света. Для первобытного человека, по Н. В. Федорову, их познание слилось «с представлением о жизни и смерти» [Федоров, 1995–2000, т. 2, с. 249–250].

Дискуссионным кажется нам и тезис Завадской о «конфуцианстве» Федорова. Здесь она цитирует предисловие к однотомнику Н. В. Федорова (1982), к котором С. Г. Семенова пишет о влиянии конфуцианства на философа. Но в предисловии к четырехтомнику (1995) этого положения уже нет. Завадская же, цитируя раннее семеновское предисловие 1982 года, объясняет сходство учения Федорова с конфуцианством на основании примата культа предков, как «центрального элемента духовной культуры» [Завадская, 1989, с. 198–199].

Однако характер китайского культа предков Федоров осуждал, поскольку идею воскресения в ней не находил. Да, китайцы обожествили некоторых первопредков (Фу Си, Хуан Ди, Шэнь-нуна и др.), но в своем культе они лишь почитают предков, приносят им жертвы, но вовсе не воскрешают их. И Н. В. Федоров неоднократно возвращался к этому факту, критикуя Китай, «лицемерно чтущий предков» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 461], противопоставляя «истинное» служение отцам: и «творение подобий по-китайски <…>» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 70], считая, что Китай утратил смысл погребения как «оживления» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 461] .

Находим мы в его текстах и критику ограничений, накладываемых конфуцианством. Он писал, что любовь детей к родителям проявляется здесь «в форме обряда, игры», все более превращается в фикцию [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 49]; жертвенные предметы заменяются их изображениями, а увеселениям придается слишком большое внимание.

Здесь уже слышна критика китайской культуры; но Федоров идет и дальше, отмечая практицизм и материализм китайцев: «В Китае же промышленность поглотила всю деятельность, убив

всякую созерцательность, все воображение. <…> Китай своих (завоевателей. – *Е. О.*) делает материалистами или эпикурейцами» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 219]. Тут Н. В. Федоров повторяет некоторые характеристики Китая, данные Соловьевым в статье «Китай и Европа», таким образом, сходство философов обнаруживается, но не в положительной, а в отрицательной оценке Поднебесной. Эти характеристики и дают повод А. В. Лукину соотнести воззрения Н. В. Федорова с западнической традицией отношения к Китаю.

ИСТОРИОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЗИЦИИ И. Ф. ФЕДОРОВА

Поэтому нам кажется, что не значение культа предков в китайской культуре и не отношение к этой культуре в целом определило позицию философа в связи с боксерским восстанием. Дело не в онтологической, а к историософской позиции Н. В. Федорова; выше уже указывалось, что Сетницкий не исключает и этого объяснения. Н. В. Федоров разделял народы на земледельческие, континентальные (к которым относятся и Россия, и Китай) и океанические (Европа), с последними действуют заодно и народы кочевые (мир ислама). Первые ориентированы на небо, вторые – на землю, и только на ее часть. Причем океанические страны «ценят разъединение» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 76] как освобождение и объединение заменяют преобладанием. Континентальные страны должны освободиться от влияния океанических , найти единство «общее дело» [Федоров, 1995–2000, т. 1, с. 76] в метерологической регуляции, понять ее необходимость.

Таким образом, Китай и Россия изначально оказываются вместе. В завершении статьи «Чему научает древнейших христианских памятник в Китае» Федоров писал о мирном характере этих земледельческих народов, об их защите от кочевников – каменным (Великая стена) и земляными валами, о расширении области мира. Два эти народа, считал Федоров, по самой своей природе крестьяне (христиане) и «носители мира» [Федоров, 1995–2000, т. 3, с. 216].

Федоровское разделение народов напоминают хомяковское противопоставление «народов-переселнецев» («звероловов или пастухов» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 84] и «хлебопашцев» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 88], «народа земледельческого» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]). У первых не так сильно чувство родины, в войну они сражаются или переселяются в новые земли [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]: их отличает гордость и презрение к побежденным и «ко всему чуждому» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 98]. Таковы кельты, германцы, монголы, турки.

Земледельческие народы, по А. С. Хомякову, соединяются в крепкую массу, дают отпор кочевником и постепенно расширяют свои границы. «Такова судьба России и Китая, которые мирною сохой победили мечи соседних племен» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 89]. Эти народы не обращают своих врагов в рабство, не считают себя выше других, «ближе к общечеловеческим началам» [Хомяков, 1994, т. 1, с. 84]. Сходство историософской концепции Федорова и А. С. Хомякова налицо.

С. И. Скороходова возводит и федоровское противопоставление «Ирана» и «Турана» к хомяковской антиномии «Ирана» и «Куша» [Скороходова, 2016, с. 34], но здесь бы мы с ней не согласились. У А. С. Хомякова Иран олицетворяет свободу, Куш – необходимость, у Федорова Иран – жизнь, Туран – смерть. Таким образом, в концепции Хомякова прочитывается гегелевская философия истории, у Н. В. Федорова же работает его базовое противопоставление жизни и смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, федоровское сочувствие Китаю во время боксерского восстания и осуждение российского участия в его подавлении определяется, по нашему мнению, историсофской позицией философа: восприятие Китая как мирного, земледельческого народа и сходство его в означенном качестве с Россией. Здесь Федоров близок славянофилам и позиции консервативной газеты «Новое время».

Другие же особенности китайской культуры оцениваются весьма критически, Федоров видит в ней примат обряда, материализм, отсутствие созерцательности и воображения. Здесь можно сходство с западнической традицией восприятия Китая.

Такая двойственность, по нашему мнению, объясняется своеобразием самого федоровского учения, соединяющего в себе элементы религии («воскрешение мертвых») и науки («метереологическая регуляция»), уважение к прошлому и веру в прогресс, светлое будущее. Г. В. Флоровский не случайно писал о «религиозно-техническом проекте хозяйства » [Флоровский, 1988, с. 325], называя учение философа «религиозным позитивизмом» и сближая его с воззрениями О. Конта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сетницкий Н. А. Русские мыслители о Китае // Избранные труды юридического факультета в Харбине. М.: РКЮО, 2017. С. 288–334.
2. Федоров Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Традиция, 1995–2000.
3. Скороходова С. И. Азия в русской философии XIX века // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 26–43.
4. Самойлов Н. А. Россия и Китай // История России: Россия и Восток. СПб.: Лексикон, 2002. С. 502–574
5. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVIII–XX веках. М.: Восток–Запад, 2007.
6. Дацышен В. Г. Русско-Китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб: Цитадель, 1999.
7. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1911–1914.
8. Слуцкий С. Древнейший христианский памятник в Китае // Русский архив. 1901. № 1. С. 151–165.
9. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002.
10. Huc M. Le christianisme en Chine en Tartarie et au Thibet. Paris: Gaume Frères, Libraires-éditeures, 1857. V.1.
11. Спасский А. В. Обзор журналов: Статьи по древней и общей церковной истории // Богословский вестник. 1901. Т. 2. № 7–8. С. 609–625.
12. Георгиевский С. М. Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб.: Типография Н. И. Скороходова, 1888.
13. Abel-Rémusat J.-P. Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise // Mélanges asiatiques. Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils, 1826. V. 2. P. 33-46.
14. Завадская Е. В. Китайские аллюзии в сочинениях Н. Ф. Федорова // Общество и государство в Китае: тезисы и доклады XX Научная конференция. М.: Восточная литература, 1989. Ч. 1. С. 197–201.
15. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М.: Московский философский фонд; Медиум, 1994.
16. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-PRESS, 1988.

REFERENCES

1. Setnickij, N.A. (2017). Russkie mysliteli o Kitae = The Russian thinkers about China. Izbrannye trudy juridicheskogo fakul'teta v Harbine. Selected Works of the Faculty of Law in Harbin. Moscow: RKJuO. (In Russ.)
2. Fedorov, N. V. (1995–2000). Sobranie sochinenij = Collection of works: in 4 vols. Moscow : Tradicija. (In Russ.)
3. Skorohodova, S. I. (2016) Azija v russkoj filosofii XIX veka = Asia in the Russian Philosophy of the XIX century. Solov'evskie issledovanija. The Solovyov studies, 1(49), 26–43. (In Russ.)
4. Samojlov, N. A (2002). Rossija i Kitaj = Russia and China. Istorija Rossii: Rossija i Vostok. The history of Russia: Russia and the East (pp. 502–574). St.Petersburg: Leksikon. (In Russ.)
5. Lukin, A. V. (2007). Medved' nabljudaet za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVIII–XX vekah = The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the XVIII–XX centuries. Moscow : Vostok–Zapad. (In Russ.).
6. Dacyshen, V. G. (1999). Russko-Kitajskaja vojna 1900 g. Pohod na Pekin = The Russian-Chinese War of 1900. A trip to Beijing. St.Petersburg: Citadel'. (In Russ.)
7. Solov'ev, V. S. (1911–1914). Sobranie sochinenij = Collection of works: in 10 vols. St.Petersburg: Prosveshhenie. (In Russ.).
8. Sluckij, S. (1901). Drevnejshij hristianskij pamjatnik v Kitae = The oldest Christian monument in China. Russkij arhiv, 1, 151–165. (In Russ.).
9. Lomanov, A. V. (2002). Hristianstvo i kitajskaja kul'tura = Christianity and Chinese Culture. Moscow : Vostochnaja literature. (In Russ.)
10. Huc, M. (1857). Le christianisme en Chine en Tartarie et au Thibet = Christianity in China, Tartary and Tibet. Paris Gaume Frères, Libraires-éditeures. Vol. 1.
11. Spasskij, A. V. (1901).Obzor zhurnalov: Stat'i po drevnej i obshhej cerkovnoj istorii = The review of Journals: Articles on Ancient and General Church History. Bogoslovskij vestnik, 7–8, 609–625. (In Russ.).
12. Georgievskij, S. M. (1888). Analiz ieroglificheskoj pis'mennosti kitajcev, kak otrazhajushhej v sebe istoriju zhizni drevnego kitajskogo naroda = The analysis of the Chinese hieroglyphic script as reflecting the life history of the ancient Chinese people. St.Petersburg: Tipografija N. I. Skorohodova. (In Russ.)
13. Abel-Rémusat, J.-P. (1826). Sur les caractères figuratifs qui ont servi de base à l'écriture chinoise = About the figurative characters that served as the basis for Chinese writing. In Mélanges asiatiques (vol. 2, 33–46). Paris: Librairie orientale de Dondey-Dupré père et fils.

14. Zavadskaja, E. V. (1989).Kitajskie alljuzii v sochinenijah N. F. Fedorova = The Chinese allusions in the works of N. F. Fedorov. The XX scientific conference “The Society and the State in China” (vol. 1, pp. 197–201): Abstracts and reports. Moscow : Vostochnaja literatura. (In Russ.).
15. Homjakov, A. S. (1994). Sochinenija = The works : in 2 vols. Moscow : Moskovskij filosofskij fond; Medium. (In Russ.)
16. Florovski, J. G. (1988). Puti russkogo bogoslovija = The Ways of Russian Theology. Paris: YMCA-PRESS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osminina Elena Anatolievna
PhD (Philology), Professor of the Department of the World Culture,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.10.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	30.11.2022	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (869)

Ответственный редактор
Карташевская Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

Редактор В. А. Геронимус
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 31.01.2023
Усл. печ. л. 19,4. Формат 60x90/8
Заказ № 7/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University
Humanities
Issue 1 (869)

Editor
Kartashevskaya Yulia Vladimirovna,
PhD (Philology), Associate Professor

Editor V. A. Geronimus
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 31.01.2023
Conventional printed sheets: 19,4. Layout format 60x90/8
Order 7/23

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2023

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».